

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2022. № 12(168)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO.

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2022
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — кандидат технических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), *председатель совета*;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диего Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Azarov A. A. — PhD in Technical Sciences, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporozhan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);

Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

8 ШАМАХОВ В. А.

Итоги года: взгляд историка взгляд историка

9 ХЛУТКОВ А. Д.

Итоги года: взгляд экономиста

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

10 ДОЛЖЕНКОВА Е., МЕЖЕВИЧ Н. М., ХЛУТКОВ А. Д.

Секьюритизация информационной политики:
обобщая накопленный опыт 2022 года

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

18 МИСЬКО О. Н., ЦЫГАНКОВА И. В.

Тенденции развития самозанятости в России

32 АЛЕКСЕЕВА А. Н., АЧБА Л. В., ОСТРОВСКАЯ Н. В.

Опыт реализации региональных концепций развития «зеленой»
экономики стран мира

42 ВЕСЕЛОВА Д. Н.

Основные направления сотрудничества Российской Федерации
и Китайской Народной Республики в Арктике

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

62 ЧЖАН ЦИН

Городское строительство, ориентированное на пожилых людей,
и его практическое применение: тематическое исследование спроса
на услуги для пожилых людей в г. Гуанчжоу, Китай

76 МОРОЗОВА Ю. А.

Цифровизация как стратегическая основа
ESG-траектории развития здравоохранения

87 ТИНЯКОВ Д. К.

Влияние гражданского общества на реализацию реформы по обращению
с отходами: статистический анализ*

100 ЕЛСУКОВ М. Ю., КИРИЛЛОВА Н. Н.

Становление планирования в России 1920-х годов и современные реалии

A LINEA

113 ПОПОВ П. С.

Стратегическое развитие трудовых ресурсов электроэнергетической
отрасли России

ГОДОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

121 Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2022 г.

FROM THE EDITORIAL OFFICE

- 8** **VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
Results of the Year: The Historian's View
- 9** **ANDREY D. KHLUTKOV**
Results of the Year: The Economist's View

POLICY AND LAWFUL STATE

- 10** **EKATERINA DOLZHENKOVA, NIKOLAY M. MEZHEVICH,**
ANDREY D. KHLUTKOV
Securitization of Information Policy: A Generalization of the 2022 Experience

POWER AND ECONOMY

- 18** **OLEG N. MYSKO, INGA V. TSYGANKOVA**
Trends in the Development of Self-Employment in Russia
- 32** **ALYONA N. ALEKSEYEVA, LYBOV V. ACHBA, NATALYA V. OSTROVSKAYA**
Experience in the Implementation of Regional Concepts for the Development of the Circular "Green" Economy of the Countries of the World
- 42** **DARYA N. VESELOVA**
Main Directions of Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the Arctic

SOCIETY AND REFORMS

- 62** **QING ZHANG**
Age-Friendly City Construction and Its Practical Application: A Case Study on the Application of Service Demand Research for the Elderly in Guangzhou, China
- 76** **YULIA A. MOROZOVA**
Digitalization as a Strategic Basis for the ESG Trajectory of Healthcare Development
- 87** **DANIIL K. TINYAKOV**
Opportunities for public participation influence on the Russian waste management reform: statistical analysis
- 100** **MIKHAIL YU. ELSUKOV, NADEZHDA N. KIRILLOVA**
The Formation of Planning in Russia in the 1920^s and Modern Realities

A LINEA

- 113** **PETR S. POPOV**
Strategic Workforce Development of the Staffing in the Russian Federation

ANNUAL CONTENT

- 121** Content of the Journal "Administrative Consultation" for 2022

Итоги года: взгляд историка

Results of the Year: The Historian's View

История — не только профессия, но и призвание. Взгляд историка всегда обращен в прошлое, но при этом ищет в прошлом решения для сегодняшнего дня и понимание будущего.

Никакого оптимизма конец 2021 года не предполагал. Российский документ по гарантиям безопасности Запад прочитал как ультиматум, и, в общем-то, правильно прочитал. Тактические отступления России закончились, и с атлантических волков от искреннего удивления упали овечьи шкуры.

Надежды на быстрое разрешение конфликта не оправдались. Волки, как обычно, сильные в стае, начали планомерную осаду России. Россия, как обычно, к долгому конфликту начала готовится уже в процессе конфликта.

Поляки в Кремле, мрачная поросль Лжедмитриев, издевательство над народом и верой привели к сокрушительному разгрому интервентов. Однако отметим, что разгрому предшествовала измена части элиты. Враг аккуратно воспользовался нашей внутренней слабостью.

В 1914-м году начинали, безусловно, «за здравие». Наши оппоненты, в том числе и «белой акации цветы эмиграции», потом сто лет говорили, что Революция привела к Поражению, игнорируя очевидную последовательность событий. Неспособность Империи спасти себя перед сочетанием внутренних и внешних угроз привела к революции. Кто больше виноват в поражении? Талант немецких элит или пораженчество своих, российских? Большевики не столько отняли власть, сколько подняли ее, валявшуюся в грязи. Страна победила в Великой Отечественной войне, приняв на себя моральное правопреемство Суворову и Нахимову, Кутузову и Ушакову — царским генералам и адмиралам.

Финская кампания имеет особое значение для понимания текущей ситуации. События 1939–1940 годов — давний и одновременно сложный объект для дискуссии историков. Что это было? Мы сталкиваемся со всем набором мнений: от указания на тяжелую победу Советского Союза, до тезиса о сокрушительном поражении. С точки зрения военного искусства и международного права — это очевидная победа Советского Союза. Да, действительно, цена победы оказалась весьма высокой, а сопротивление Финляндии существенно более сильным, чем предполагалось. Отметим и то, что Финляндии помогали одновременно, — хотя и в разной степени и в разной форме, — Германия и Франция, Италия, Великобритания, то есть страны, которые, строго говоря, союзниками не являлись.

Опять же, прослеживаются аналогии с текущим моментом. Польско-германские отношения в настоящее время откровенно плохие, но, когда дело касается поддержки Украины, все разногласия уходят на второй и третий план.

Возвращаясь к оценке финской кампании, отметим, что Германия и Франция, Италия, Великобритания фактически сбросили со счетов Советскую армию, считая, что если она не справилась с Финляндией, то от серьезного противника она потерпит поражение очень быстро.

Нежелание Гитлера подготовить зимние масла для техники и теплую одежду для армии было достаточно логичным с той точки зрения, что кампания 1941 года должна была в том же году и закончиться. Однако если Запад извлекал одни уроки из финской кампании, то Советский Союз — другие.

22 июня 1941 года армию Германии и ее союзников встречали другие Вооруженные силы, гораздо более подготовленные во всех отношениях. Историки хорошо знают, что из любого военного конфликта уроки извлекают обе стороны, и каждая сторона уверена в том, что именно она сделала это лучше.

2022-й был годом тяжелых испытаний, но одновременно и годом извлечения уроков из происходящего. Уходящий год не скоро станет историей, но время для того, чтобы извлекать уроки, уже пришло.

*В. А. Шамахов
Советник ректора РАНХиГС, научный руководитель
Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, кандидат исторических наук,
главный редактор*

Итоги года: взгляд экономиста

Results of the Year: The Economist's View

Существует не очень веселая шутка о том, что профессия экономиста в современном мире чем-то напоминает профессию метеоролога, который, как известно, ошибается один раз, но каждый день. Ситуация 2022 года, безусловно, работает на престиж профессии экономиста. Большинство российских и зарубежных экономистов, находящихся вне пределов неработающего либерального конструкта, говорили о приближении кризиса весь 2021 год. Указывая при этом на его системные причины, а не на эпидемию и пандемию.

Противоречия в мировой экономике накопились на всех уровнях, в том числе на институциональном. При этом мировая финансовая система, сыгравшая важную роль в формировании глобальной экономики, превратилась в ту самую лошадь из анекдота, которая спрашивает сама у себя «когда же наконец я сдохну».

Классические монетарные механизмы борьбы с кризисом, успешно работавшие еще в начале века, сегодня работают не на преодоление, а на углубление кризиса. Регионализация не то чтобы отрицает предшествующую логику глобализации, но дополняет ее, приводя к обособлению как национальных, так и региональных экономических пространств.

Особо следует сказать о санкционных режимах. В течение длительного времени санкции были исключительным инструментом; санкции и контрсанкции применялись как исключительная мера против третьестепенных экономик. Такая практика могла успешно работать до тех пор, пока санкционные режимы были исключительными мерами. В условиях, когда они стали массовыми, они начали ослаблять инициаторов этих мер.

Сюрприз уходящего года для экономистов, российских и зарубежных, — это экономика России. Отнесемся с пониманием к западноевропейским экспертам, еще весной писавшим о том, что в России доедают последних ежей. Важнее указать на то, что российские экономисты и эксперты предполагали несколько более сложное прохождение неизбежных санкций, иной масштаб инфляции и падения ВВП.

Разумеется, не следует впадать в эйфорию: задача коллективного Запада не меняется. Победа в экономической войне для наших противников — императив собственного выживания, никак не меньше.

Для России ключевой вопрос — не поиск ресурсов, но нахождение управленческого оптимума, позволяющего пройти между крайностями тотальной мобилизации всего и всех и организационной расхлябанностью в стиле «сойдет и так».

2022 год показал: без серьезных реформ победа не очевидна, и «как в феврале 2022 года» в феврале 2023 года не получится.

Оценивая уходящий 2022 год с точки зрения теории управления, укажем на то, что эффективная система экономической организации государства и есть механизм, позволяющий с минимальными затратами добиться максимальной эффективности. Получилось ли это в 2022 году? Скажем прямо. Нет. Есть ли понимание неизбежности реформирования? Да, теперь есть. Это и назовем главным экономическим результатом уходящего года.

*А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного
института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
председатель редакционного совета*

Секьюритизация информационной политики: обобщая накопленный опыт 2022 года

Долженкова Е.¹, Межевич Н. М.^{2, 3, *}, Хлутков А. Д.²

¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

В рамках любого теоретического исследования ключевой вопрос — понятийно-терминологический аппарат. Однако проблематика информационной политики имеет не только теоретический, но прежде всего практический характер. Информационная политика перестала быть заботой журналистов и чиновников. Секьюритизация — рассмотрение вопросов информационной политики в контексте вопросов национальной безопасности — это не только российский, но глобальный императив.

Ключевые слова: СМИ, информационная политика, секьюритизация, информационная война, информационное пространство, информационная безопасность, информационное превосходство

Для цитирования: Долженкова Е., Межевич Н. М., Хлутков А. Д. Секьюритизация информационной политики: обобщая накопленный опыт 2022 года // Управленческое консультирование. 2022. № 12. С. 10–17.

Securitization of Information Policy: A Generalization of the 2022 Experience

Ekaterina Dolzhenkova¹, Nikolay M. Mezhevich^{2, 3, *}, Andrey D. Khlutkov²

¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

³Pskov State University, Pskov, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

Within the framework of any theoretical study, the key issue is the conceptual and terminological apparatus. However, the problems of information policy are not only theoretical, but primarily practical. Information policy has ceased to be the concern of journalists and officials. Securitization — considering information policy issues in the context of national security issues — is not only a Russian, but a global imperative.

Keywords: media, information policy, securitization, information war, information space, information security, information superiority

For citing: Dolzhenkova E., Mezhevich N. M., Khlutkov A. D. Securitization of Information Policy: A Generalization of the 2022 Experience // Administrative consulting. 2022. No. 12. P. 10–17.

Основной угрозой в области международной информационной безопасности является использование коммуникационных технологий в качестве информационного оружия для политических и военных целей, противодействие международному праву, национальному суверенитету государств, нарушения территориальной целостности государств и угрозы международному миру, безопасности и стратегической стабильности. «Безопасность — это самоотносимая практика, благодаря которой

проблема становится проблемой безопасности, необязательно в силу существования реальной экзистенциональной угрозы, а именно потому, что эта проблема представлена в качестве такой угрозы» [7, р. 24]. Укажем на то, что такая трактовка безопасности носит универсальный характер, а значит относится и к информационной безопасности. Трансформация «обычной» проблемы в системную угрозу безопасности — это процесс, имеющий специальное название в теории международных отношений — *секьюритизация*.

«Секьюритизация — это процесс осмысления государством ситуации, в ходе которого те или иные явления начинают им рассматриваться как угрозы безопасности, для нейтрализации которых могут быть использованы в том числе чрезвычайные действия» [6, с. 157]. Причины секьюритизации многообразны, но в наиболее общем плане они могут рассматриваться как неспособность государства и общества отражать угрозы в стандартном, традиционном формате. В этих условиях предполагаемая угроза объявляется чрезвычайной.

Рассмотрим этот тезис с позиций современных европейских практик. «Факты занимали священное место в западных либеральных демократиях. Если когда-то было похоже, что демократия пошла не туда, когда избирателями манипулировали или политики уклонялись от вопросов, мы обращались за спасением к фактам», — писал британский экономист Уильям Дэйвис [10]. Да, в настоящее время информация, набор фактов мешает комфортному существованию обществ и государств. «Европа после Второй мировой, а особенно холодной войны избавлялась от стратегического мышления в пользу прикладных мер по обеспечению комфортного существования»¹. Что означает комфортное существование в контексте информационной политики? Ответ достаточно очевиден. Европейская «зона комфорта» предполагает добровольное отречение от ненужной, избыточной, но объективной информации. Иными словами, если объективная информация противоречит теоретической конструкции, то тем хуже для информации. Чем технологичнее общество, тем большей проблемой является сохранение свободы слова [4].

С нашей точки зрения, информация не может быть использована в качестве оружия в террористических целях, однако может придать теракту дополнительный поражающий эффект. Информация способна форсировать нарушение общественного порядка и способствовать разжиганию национальной, расовой и религиозной ненависти. Иными словами, информационная безопасность — элемент системы государственной и региональной безопасности, которая характеризуется в XXI в. как сугубо традиционными, так и новыми вызовами.

Российское, китайское, западное общества, иными словами, все высокотехнологические государства сталкиваются со сложнейшими информационными и гибридными угрозами. «Для поддержания безопасности и защиты государств недостаточно иметь вооруженные силы и разведку, необходимо учитывать общественность, образование и СМИ» [8]. Действительно, эффективные информационные «щит и меч» встречаются существенно реже, чем армия и/или разведка.

Информация — это любое сообщение или представление знаний, таких как факты, данные или мнения, в средствах массовой информации, в том числе в текстовой, числовой, графической, картографической, описательной или аудиовизуальной форме. Информацией является все, что способствует уменьшению неопределенности состояния системы. Обеспечение информации — это меры, которые защищают и отстаивают информацию и информационные системы путем обеспечения их доступности, целостности, аутентификации, конфиденциальности и без-

¹ Лукьянов Ф. Ловушка стратегического противостояния [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/lovushka-protivostoyaniya/8.12.2022> (дата обращения: 09.12.2022).

отказности. Эти меры включают в себя обеспечение для восстановления информационных систем путем включения защиты, обнаружения и возможности реагирования [8; 9].

Информационная политика — деятельность, связанная с формированием, созданием, преобразованием, передачей, использованием, хранением информации, оказывающая влияние на информационную инфраструктуру, саму информацию, а также на индивидуальное и общественное сознание.

Информационная политика осуществляется в информационном пространстве.

Информационное пространство — это любая среда, с помощью которой создается информация, передается и принимаются данные, а также хранятся, обрабатываются или удаляются.

«В современных условиях происходит борьба за информационное пространство внутри государства, региона и союза. По причине того, что современные технологии позволяют стирать границы воздействия информации посредством сети Интернет, международными акторами создаются различные программы и механизмы информационного нападения и информационной защиты информационного воздействия. Так, НАТО разрабатывает и внедряет различные методы изучения информационной составляющей современного противоборства»¹.

Информационная безопасность — это достижение такого качественного состояния общества и государства, при которым обеспечивается отражение внешних и внутренних угроз, передающихся по всем коммуникационным каналам.

Можно сформулировать несколько иначе. Информационная безопасность — состояние защищенности национальных интересов в информационном пространстве; определяется сбалансированным сочетанием интересов личности, общества и государства.

Информационная война — это эскалация информационного конфликта между государствами, в которых информационные операции осуществляются государственными субъектами для военно-политических целей.

В понятие информационной войны в развернутом определении включается часть деятельности разведки, контрразведки, дезинформация, радиоэлектронная война, нападение на вражеские коммуникации, защита своих коммуникаций, классическая пропаганда и контрпропаганда.

Информационная война — это противостояние между двумя или более правительствами в информационном пространстве с целью повредить системы, процессы и ресурсы, критически важные для контрагента. В свою очередь, определение информационного оружия, принятое в ООН и РФ, — это средства и методы, используемые с целью повредить информационные ресурсы, процессы и системы другого государства; использование информации в ущерб обороне того или иного государства, административных, политических, социальных, экономических или других жизненно важных систем, а также средства массовой манипуляции населения того или иного государства с целью дестабилизации общества и государства².

«Информационная война — это форма коммуникативных технологий, целью которой является достижение информационного превосходства в интересах достижения целей национальной стратегии.

Субъектом информационных войн являются нации, государства, компании, а *объектом* — массовое сознание.

¹ Долженкова Е.В. Роль Латвии в обеспечении информационного превосходства НАТО // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 1. С. 73.

² NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Terms and Definition [Электронный ресурс]. URL: <https://ccdcoc.org/cyber-definitions.html> (дата обращения: 09.11.2022).

Придерживающиеся аналогичных взглядов ученые видят информационную войну как форму борьбы с использованием социальных средств и методов влияния на чужие информационные ресурсы с защитой собственных»¹. В психологическом контексте объектом информационной войны выступает когнитивно-эмоциональная сфера индивидов, а целью — управление интеллектуально психологическими и социокультурными процессами, обязательным элементом которого выступает неосознанность данного воздействия лицами, подверженными завуалированному влиянию и следующими линии запрограммированного поведения.

Л. Н. Кунакова одной из первых в рамках российского академического сообщества попыталась проанализировать понятие информационных войн. С ее точки зрения, «подготовленный информационный поток одного государства с определенными целями конкурирует с информационным потоком другого государства.

В рамках психологической парадигмы информационная война понимается как латентное воздействие информации на индивидуальное, групповое и массовое сознание при помощи методов пропаганды, дезинформации, манипулирования с целью формирования новых взглядов на социально-политическую организацию общества через изменение ценностных ориентаций и базовых установок личности» [3].

В настоящее время введены в работу различные методы информационной войны, одним из которых можно считать создание ложной информации для дезинформации общества. Это можно наблюдать не только в странах, ведущих гибридную войну напрямую, но и косвенно к ним относящихся, что позволяет сформировать ложное мнение общества по тем или иным вопросам, а также сформировать сознание мирового сообщества в нужном направлении.

В информационной войне достигаются такие цели, как дезинформация общественного сознания, распространение идеологии, привлечение сторонников, доступ к информационным ресурсам, снижение или увеличение роли государства, создание негативного отношения общества к определенным вопросам, распространение ложных мнений. В интернет-ресурсах активно развивается сектор агитационного и пропагандистского характера. Средства массовой информации также активно ведут работу с интернет-ресурсами как источниками информации. Информация в интернет-сети с каждым днем набирает силу в воздействии на общество, формируя мнение население по тем или иным вопросам². Этому способствует общедоступность и быстрое распространение информации без каких-либо ограничений. Все это позволяет достигать целей информационной войны, таких как изменение сознания общества, формирование его мировоззрения и отношения к определенным вопросам. Если изменение сознания — цель, то обретение информационного превосходства — средство.

Информационное превосходство — это такое состояние конкуренции в информационной сфере, при котором одна из сторон добилась преимущества в проведении своей информационной политики или в обеспечении безопасности от чужих информационных нарративов.

«Идеи современного информационного противоборства сформированы с развитием глобальной информационной среды и информационной сферы общества при участии высших должностных лиц государства, а также при участии правительственных и неправительственных структур. Информационное противоборство в современных условиях рассматривается совместно с вооруженной борьбой, политико-дипломатическим противоборством, экономической конкуренцией, межгосударственным научно-техни-

¹ Формирование общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: <https://mybiblioteka.su/5-29600.html> (дата обращения: 09.11.2022).

² Долженкова Е.В. Роль Латвии в обеспечении информационного превосходства НАТО. С. 76.

ческом соперничестве, где объектами информационного воздействия являются высшее политическое и военное руководство, общественное мнение, информационные и телекоммуникационные системы, средства и системы связи противоборствующих государств, информационные ресурсы, средства информатизации вооружения и военной техники, информационные системы органов государственной власти, банковская и хозяйственная сферы. Информационное превосходство сейчас — это, прежде всего, способность органов управления к сбору, обработке и распространению непрерывного потока информации. Психологическая готовность войск с одновременным затруднением управления и управляемости противника стали возможны благодаря технологиям современного мира, расширяющим места конфликта с помощью социальных сетей, электронных баз данных и телевизионных экранов [2]»¹.

Социологи рассматривают информационное превосходство на социально-коммуникативном уровне, где в основном исследуется сама информация, оказывающая влияние в интерактивной реальности и формирующая когнитивные ориентации.

Однако нам важнее подход специалистов в сфере международных отношений. Они рассматривают информационное превосходство в рамках глобализации, проводят связь с геополитическими отношениями, когда одни акторы международного процесса с помощью активного воздействия на информационное пространство других стремятся получить превосходство в экономической, военной, политической и других областях. В этом же контексте можно рассматривать информационную войну через призму военно-стратегического направления, где информационное превосходство выступает в виде альтернативы классического военного конфликта, который может выступать как в самостоятельной форме, так и в форме военных действий с образованием сетевой и кибервойны.

Изначально информационное превосходство или информационная война использовалась в военных действиях и деятельности разведки. В современном мире произошли качественные изменения, и цель информационного превосходства направлена на всех, т. е. на массовое сознание.

Массовое информационное доминирование достигается за счет компьютеризации военной техники и формирования сетевой организации вооруженных сил, с применением собственных электронных технологий, а также с разрушением информационных систем противника.

Таким образом, *информационное превосходство* — результат информационных акций, осуществляемых на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях в мирное и военное время, в информационной сфере, как среди своих граждан, так и среди населения страны-противника.

Современные технологии позволили создать новые способы ведения военных действий. Одним из таких способов является гибридная война. *Гибридная война* — современный способ ведения военных действий, сочетающий в себе классические методы военных операций с партизанской войной, терроризмом, информационной (кибервойной), биологической войной [5]. В. А. Романова отмечает, что увеличение роли информации привело к увеличению роста информационных противоборств. Политические и военные элиты осознали тот факт, что в современном мире общество зависит от информационно-телекоммуникационных систем, что учитывается при разработке технологий воздействия на сознание людей. Сегодня является общепризнанным фактом то, что информация может быть оружием, обладающим массовым воздействием на умы людей. Соответственно, признан факт существования гибридной войны².

¹ Там же, с. 75–76.

² Долженкова Е. Положение русскоязычного населения во внешней политике Латвийской Республики : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2018.

Существующие определения гибридной войны весьма разнообразны. Однако во всех есть два общих звена. Гибридная война — это, во-первых, вид враждебных действий, как тайных, так и явных. Во-вторых, в рамках гибридной войны нападающая сторона не осуществляет классическое военное вторжение, но при этом достигает поставленных целей, т. е. победы.

Ряд авторов указывает на то, что гибридная война — это сочетание регулярных методов военной разведки и контрразведки, а также информационной и кибер-войны [см., например, 9].

Гибридная война с масштабной информационной составляющей — это достаточно очевидное основание для секьюритизации внешней и внутренней политики. «В процессе секьюритизации определяется, какие угрозы носят характер экзистенциальной опасности, требуют принятия неотложных мер и проведения политики особого рода» [1, с. 21].

В контексте секьюритизации и вопросов СВО это выглядит следующим образом: информационная мина, связанная с дискредитацией России, подкладывается в первоисточник — европейское издание с «пониженной информационной ответственностью», но расположенное в западноевропейской стране с позитивной репутацией, на втором этапе осуществляется «раскрутка» уже в Чехии, Польше, Литве, причем максимально массово. При этом параллельно — точно ставится задача проникновения в российские «околооппозиционные» СМИ. На третьем этапе собственноручно украинскому читателю сбрасывается «единое европейское мнение» в сочетании «с российскими признаниями».

Приведенные оценки не означают того, что раньше такого явления не было. Однако 20–30 лет назад не существовало технологических возможностей фактически одномоментного строительства «эхо-комнаты». Описанная задача решалась в течение недели, теперь все этапы можно провести за день-два.

Побочный эффект описанной ситуации заключается в том, что сформированное методом «эхо-комнаты» общественное мнение анализируется с большей или меньшей академичностью, но в любом случае «заказчик» сам становится жертвой собственного информационно-политического заказа. Экстраполируя эту позицию на общую проблему безопасности, отметим, что в реальной жизни секьюритизация информационной политики может выступать и как реальная проблема, и как способ решения иных задач экономического, политического, военного характера через отвлечение общественного внимания «на негодные объекты».

Парадоксально, но попытки секьюритизации информационных потоков могут работать против организаторов этого процесса. Крайне серьезной проблемой является то, что лицо, принимающее решение, в большей или меньшей степени является потребителем пропаганды, инициированной им самим. Когда политики Польши или Эстонии заявляют о том, что в России заканчиваются ракеты, хлеб и ежи, они не только выдают желаемое за действительное, но и демонстрируют свое пребывание в «эхо-комнате», где эстонская газета ссылается на телевидение Латвии, телевидение Латвии на польское радио, а польское радио, в свою очередь, на эстонскую газету. Круг замкнулся, показав нам отсутствие изначального информационного контента при обилии информационных сбросов.

Подведем итоги. «Любая теория функциональна и способна работать, если фокусируется лишь на определенном круге явлений и фактов» [1, с. 24]. Теории секьюритизации предполагают превращение информационной политики в ключевой компонент системы национальной безопасности. Однако еще важнее практическая сторона вопроса. Позиционирование информации как условия победы в войне трансформировалось в понимание информационного превосходства как самой победы.

Литература

1. Гайдаев О. С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32.
2. Комлева Е. В. Социальная роль ядерных технологий и общественное сознание // Философия науки. 2003. № 2. С. 109–117.
3. Кунакова Л. Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. 2002. № 6. С. 93–96.
4. Ровинская Т. Л. Свобода слова в условиях цифровой диктатуры IT-корпораций // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 22–36. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.03.
5. Романова В. А. Информационная составляющая гибридных войн современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 2. С. 293–299.
6. Эйвазов Д. Секьюритизация и региональная активность держав на примере политики России в украинском кризисе // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4. С. 156–173. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.9.
7. Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.
8. Daugulis M. The Challenges of Hybrid-Warfare and Cyber-Threats: The Role of Self-Defense in a Changing Security Environment // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers. 2015. P. 151–156.
9. Daugulis M. The Role of Cyber Defence in Hybrid Warfare Conditions: Proper Way for Latvia in Redefinition of Defence and Educational Policy Areas Under the Changing Security Circumstances // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 89–96.
10. Davies W. The Age of Post-Truth Politics // The New York Times, Aug. 24, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html> (дата обращения: 09.11.2021).

Об авторах:

Долженкова Екатерина, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; skinx@inbox.lv

Межевич Николай Маратович, заведующий лабораторией стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета (Псков, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; khlutkov-ad@ranepa.ru

References

1. Gaidarov O. S. Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory // Vestnik RUDN. International Relations [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2021. Vol. 21, N 1. P. 20–32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32 (In Rus).
2. Komleva E. V. Social role of nuclear technologies and social consciousness // Philosophy of science [Filosofiya nauki]. 2003. N 2. P. 109–117. (In Rus).
3. Kunakova L. N. Information war as an object of scientific analysis (concept and main characteristics of information war) // Almanac of modern science and education [Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya]. 2002. N 6. P. 93–96. (In Rus).
4. Rovinskaya T. L. Freedom of speech amid the digital dictatorship of IT corporations // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2022. N 2. P. 22–36. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.03 (In Rus).

5. Romanova V.A. Information component of hybrid wars of our time // State and municipal administration. SCAGS scientific notes [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS]. 2015. N 2. P. 293–299. (In Rus).
6. Eyvazov J. Securitization and regional activity of a major power the case of Russia's policy during the Ukrainian crisis // International Trends [Mezhdunarodnye protsessy]. 2017. Vol. 15, N 4. P. 156–173. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.9 (In Rus).
7. Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998.
8. Daugulis M. The Challenges of Hybrid-Warfare and Cyber-Threats: The Role of Self-Defense in a Changing Security Environment // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers. 2015. P. 151–156.
9. Daugulis M. The Role of Cyber Defence in Hybrid Warfare Conditions: Proper Way for Latvia in Redefinition of Defence and Educational Policy Areas Under the Changing Security Circumstances // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 89–96.
10. Davies W. The Age of Post-Truth Politics // The New York Times, Aug. 24, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/24/opinion/campaign-stops/the-age-of-post-truth-politics.html> (date of application: 09.11.2021).

About the authors:

Ekaterina Dolzhenkova, Associate Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Politic Science; skinx@inbox.lv

Nikolay M. Mezhevich, Head of the Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Chief Researcher of the Research Laboratory "Center for the Integrated Study of Regional Security Problems" of Pskov State University (Pskov, Russian Federation), Doctor of Economic Sciences, Professor; mez13@mail.ru

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Тенденции развития самозанятости в России

Мисько О. Н. *, Цыганкова И. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *misko-on@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — выявить основные особенности и тенденции изменения численности и состава самозанятых как группы трудовых ресурсов на российском рынке труда. В статье сформулированы проблемы учета самозанятых в Российской Федерации (существование различных методик учета численности, что приводит к значительным различиям значений показателей; отсутствие детальной информации о качественном составе самозанятых, что осложняет возможности анализа их положения на рынке труда и разработку рекомендаций по их поддержке). Выявлены тенденции изменения численности самозанятых по Российской Федерации в целом и по отдельным округам. На основе проведенного авторами социологического исследования даны характеристики качественного состава самозанятых как группы трудовых ресурсов г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Сформулированы основные риски для лиц, ведущих предпринимательскую деятельность в рамках самозанятости. Выявлены основные проблемы, препятствующие или ограничивающие возможности успешной профессиональной деятельности самозанятых. На основе проведенного исследования даются краткие рекомендации по поддержке самозанятых как группы трудовых ресурсов.

Ключевые слова: трудовые ресурсы; рынок труда; самозанятость; формы занятости; нестандартная занятость, предпринимательские риски

Для цитирования: Мисько О. Н., Цыганкова И. В. Тенденции развития самозанятости в России // Управленческое консультирование. 2022. № 12. С. 18–31.

Trends in the Development of Self-Employment in Russia

Oleg N. Misko*, Inga V. Tsygankova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *misko-on@ranepa.ru

ABSTRACT

The purpose of the publication is to identify the main features and trends in the number and composition of the self-employed as a labor resources group in the Russian labor market. The article formulates the problems of accounting for the self-employed in the Russian Federation (the existence of various methods of accounting for the number, which leads to significant differences in the values of indicators; the lack of detailed information about the qualitative composition of the self-employed, which complicates the possibility of analyzing their position in the labor market and developing recommendations for their support). Trends in the number of self-employed in the Russian Federation as a whole and in individual districts are revealed. Based on the sociological research conducted by the authors, the characteristics of the qualitative composition of the self-employed as a group of St. Petersburg and the Leningrad region labor resources are given. The main risks for persons conducting entrepreneurial activities within the framework of self-employment are formulated. The main problems that impede or limit the opportunities for successful professional activity of the self-employed are identified. Based on the conducted research, brief recommendations are given to support the self-employed as a group of labor resources.

Keywords: labor resources; labor market; self-employment; forms of employment; entrepreneurial risks, non-standard employment

Введение

Самозанятость — осуществление предпринимательской деятельности без права использования найма сотрудников — представляет собой одну из форм нестандартной занятости. Самозанятость стала распространенным явлением в российской экономической системе с 90-х годов XX в. Высокая численность самозанятых в экономике — признак формирования и развития свободной конкуренции, способствующей созданию товаров и услуг высокого качества. Высокая численность самозанятых в экономике способствует сохранению стабильности экономической системы, снижению уровня безработицы, росту налоговых поступлений в государственный бюджет, создает предпосылки для развития более сложных форм предпринимательства в последующие годы. Многие стартапы и инновационные идеи создаются первоначально самозанятыми и лишь затем трансформируются и реализуются в рамках более сложных организационно-правовых форм предпринимательской деятельности. Зачастую самозанятыми являются молодые люди в возрасте до 35 лет, что способствует реализации их трудового потенциала, снижению уровня безработицы среди молодежи.

Кроме этого, в качестве гипотезы можно предположить появление двух эффектов макроэкономического характера, связанных с увеличением количества самозанятых. Во-первых, самозанятые снимают социально-экономическую нагрузку с государства, связанную, прежде всего, с обеспечением населения рабочими местами. Самозанятые создают рабочие места для себя сами. Более того, можно гипотетически рассмотреть ситуацию, когда демонстрационный эффект от их деятельности будет стимулировать и других людей переходить в это состояние, тем самым воздействуя на экономический рост без прямого государственного участия. Мультипликационный эффект от роста числа самозанятых требует самостоятельного анализа. Кроме этого, увеличение числа самозанятых будет означать снятие с государства вопрос выплат пособий по безработице, которые могут представлять большую проблему при критическом увеличении числа безработных. Помимо прямых издержек, связанных с выплатой пособий, национальная экономика движется к рецессии, так как безработные исключаются из процесса производительного труда, отвечающего за экономический рост.

Во-вторых, самозанятые явно снижают предложение на рынке труда. Это означает, что ставки заработной платы могут получить тенденцию к росту (например, последние события, связанные с уходом IT-специалистов). Более высокие ставки заработной платы будут стимулировать к выходу на работу некоторого количества людей, которые при нынешнем их состоянии предпочитают не работать официально в принципе, из-за чего наблюдаются потери государства в налоговых поступлениях, фирм в прибылях из-за неполной занятости, населения в виде любых дополнительных заработков, которые возможно получить при более высоких темпах экономического роста национальной экономики. Таким образом, можно утверждать, что увеличение количества самозанятых будет положительно влиять на равновесное состояние безработицы при более высоких ставках заработной платы.

В этой связи динамика численности самозанятых и их распределение по видам экономической деятельности представляет особый интерес. Цель исследования — провести анализ показателей количественного и качественного состава самозанятых в динамике и выявить основные особенности и характеристики данной группы трудовых ресурсов, а также тенденции ее участия в процессах занятости на российском рынке труда.

Вопросы использования труда самозанятых освещаются в отечественной и зарубежной литературе достаточно подробно. Многие авторы подчеркивают, что самозанятость способствует снижению уровня безработицы в стране и ее отдельных регионах (Е. А. Абрамова, К. А. Устинова, Г. Р. Баймурзина, A. Dang, C. Schmid, S. Sanchez-Cañizares, J. Cabeza, F. Garcia, M. Cano) [1; 12; 13; 21; 28]. Так, К. А. Устинова и Г. Р. Баймурзина в ряде публикаций рассматривают такое явление, как вынужденное предпринимательство и проводят анализ мер поддержки малого предпринимательства в России [12, с. 1393–1396; 13, с. 2225–2242]. А. Dang отмечает, что многие австрийцы выбирают самозанятость вынужденно, в связи с нестабильным положением на рынке труда и подчеркивает, что в связи с пандемией численность самозанятых возросла, но и риски для самозанятых стали выше [21]. Рост численности самозанятых в последние годы, как среди вынужденно выбравших данную форму работы, так и среди выбравших ее добровольно, отмечает швейцарский исследователь C. Schmid [28]. S. Sanchez-Cañizares, J. Cabeza, F. Garcia и M. Cano отмечают, что самозанятость позволяет снизить безработицу и изучают основные направления экономической поддержки самозанятых [27].

О. Ю. Шибаршина и Ю. Б. Кострова исследует опыт правового регулирования самозанятости в таких странах, как Германия, США и Белоруссия, рассматривая и те категории граждан, которые не оформлены официально, но осуществляют предпринимательскую деятельность без найма работников [17, с. 1223–1236; 8, с. 1137–1146].

Многие отечественные и зарубежные исследователи уделяют внимание гендерным вопросам организации профессиональной деятельности самозанятых. М. А. Кашина и М. Ю. Уткина рассматривают гендерное неравенство на рынке труда и самозанятость женщин в контексте социального предпринимательства [7, с. 128–134]. Н. М. Эль-Сибай и Е. В. Ганебных исследуют скрытый предпринимательский потенциал самозанятых женщин и делают вывод о том, что предпринимательская активность самозанятых женщин, имеющих малолетних детей, носит вынужденный характер [18, с. 542]. V. Price и D. Reuschke изучают гендерные различия в профессиональной деятельности самозанятых и приходят к выводу о том, что женщины в своей работе применяют такие же сложные методы анализа и планирования, как и мужчины. При этом данные авторы пришли к выводу, что гендерные различия не влияют на успешность профессиональной деятельности и экономические результаты самозанятых [25].

Также объектом внимания ученых является организация труда самозанятых в рамках фриланса [23, 26], факторы, влияющие на развитие самозанятости фрилансеров [4; 5; 11], вопросы организации стартапов самозанятыми [20].

Ж. Т. Хишаева анализирует качественный состав самозанятых в Республике Казахстан и их распределение по видам экономической деятельности, подчеркивая, что самозанятые представляют собой достаточно многочисленную группу на рынке труда Казахстана (около 25% от общей численности занятых) и предлагает применять такие меры поддержки, как предоставление льготных кредитов и курсы профессиональной подготовки, позволяющие повысить профессиональную компетентность самозанятых [15, с. 101–112].

А. Perulli говорит о том, что во многих зарубежных источниках самозанятость представлена как форма работы, лишенная недостатков и ограничений, типичных для наемной занятости. При этом А. Perulli оспаривает данную точку зрения, доказывая, что профессиональную жизнь самозанятых осложняет целый ряд условий и ограничений (высокая конкуренция, невысокий уровень дохода, высокий уровень налоговых отчислений для некоторых групп работников, ограниченные возможности карьерного развития и т. д.), а само явление [24]. Е. Daniel и R. Owen, напротив, подчеркивают преимущества самозанятости и говорят, что вопреки сложившемуся мнению о том, что предпринимательская самозанятость на дому лишает работника возможности расти профессионально и реализовать свой творческий потенци-

ал, данная форма работы является рациональным выбором, основанным на возможности сочетать ведение домашнего хозяйства и профессиональную деятельность. Данные авторы утверждают, что в период после пандемии дистанционная самозанятость будет более значимой формой занятости на рынке труда [22].

V. Vogan, A. Fertig и D. Just выявляют взаимосвязи между самозанятостью и психологическим стрессом и приходят к выводу о том, что самозанятость вызывает у мужчин, для которых данная форма является основным местом работы, постоянный умеренный стресс. В то же время данные авторы утверждают, что самозанятость как основную работу добровольно выбирают люди, которые имеют серьезные психологические проблемы: в данном случае их профессиональная деятельность является более успешной в сравнении с работой по найму [19].

В публикации V. Price и D. Reuschke отмечается, что около 60% самозанятых в Великобритании работают дома. Данная форма занятости имеет ряд преимуществ, но конфликт между личной жизнью и семьей может привести к низким финансовым показателям профессиональной деятельности [25].

Некоторые отечественные исследователи рассматривают самозанятость как одну из форм прекариата (Н. В. Великая, И. В. Воробьева) [2]. Прекариат — форма трудовых отношений, характеризующихся отсутствием постоянной занятости, стабильного дохода и социальных гарантий работающих. Но на наш взгляд, к прекариату можно отнести лишь ту часть самозанятых, которые трудятся в неформальном секторе экономики, поскольку они не имеют социальных гарантий, не защищены с точки зрения закона. Легально работающие самозанятые не платят обязательные страховые взносы, но могут платить добровольные взносы на пенсионное страхование через приложение «Мой налог», что позволяет получить страховой стаж и пенсионные накопления, повышая социальную защищенность работников данной группы. Кроме того, государство оказывает информационную и экономическую поддержку самозанятым: для них предусмотрен налоговый вычет в размере 10 000 руб., субсидии по социальному контракту (максимально возможные выплаты — 350 000 руб.), программы льготного кредитования и льготной ипотеки (величина первоначального взноса для самозанятых составляет 15% от стоимости жилья, в то время как для наемных работников — 30%). Поскольку самозанятые осуществляют предпринимательскую деятельность, риски снижения дохода или потери работы выше, чем у наемных работников, но такие риски существуют всегда при ведении предпринимательской деятельности, независимо от организационно-правовой формы предпринимательства. В этой связи можно согласиться с точкой зрения таких авторов, как И. В. Добрычева и Ж. Т. Тощенко, которые не относят самозанятых к группе лиц, вовлеченных в отношения прекариата [3; 12].

Обзор отечественных и зарубежных источников позволяет сделать вывод о том, что при исследовании самозанятости как экономического и социального явления в основном уделяется внимание:

- легализации труда самозанятых и вопросам правового регулирования данной формы нестандартной занятости;
- гендерным различиям в профессиональной деятельности самозанятых;
- преимуществам и недостаткам самозанятости для работников;
- самозанятости как действенному инструменту борьбы с безработицей.

Материалы и методы

По данным Международной организации труда, численность самозанятых в США и странах Европы в 2019 г. составляла 20–30%, в то время как в России — 22% [12, с. 1393]. В современных условиях численность самозанятых в РФ суще-

ственно ниже, чем во многих зарубежных странах с развитой рыночной экономикой.

На наш взгляд, в Российской Федерации существуют определенные проблемы учета самозанятых: значения как качественных, так и количественных показателей, характеризующих самозанятых как группу трудовых ресурсов на рынке труда, сильно расходятся в зависимости от источника данных. Наиболее полная информация о численности самозанятых содержится на сайте Федеральной налоговой службы. Данная статистика отражает сведения о количестве самозанятых граждан, официально зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (табл. 1) [10]. Росстат приводит статистику самозанятых по результатам выборочных обследований рабочей силы (по итогам социологических исследований). По данным Росстата, в 2020 г. численность самозанятых в России составляла 3 544 000 чел., в 2021 г. — 3 621 000 чел. [6].

Особенности учета заключаются в том, что ФНС учитывает как самозанятых всех официально оформленных лиц, создающих для себя рабочие места. В данной группе при этом могут учитываться граждане, которые трудятся в организациях и на предприятиях как наемные работники, но наряду с этим занимаются предпринимательской деятельностью, имея дополнительный доход. К самозанятым также могут быть отнесены лица, получающие пассивный доход от сдачи имущества в аренду, что по сути не является предпринимательской деятельностью. В данную группу не включены лица, которые осуществляют предпринимательскую деятель-

Таблица 1

Численность самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в регионах РФ в 2020–2021 гг.

Table 1. The number of self-employed citizens who have fixed their status and apply the special tax regime "Tax on professional income" in the regions of the Russian Federation in 2020–2021

Наименование субъекта Российской Федерации	Численность самозанятых (физические лица без создания ИП),		Абсолютное отклонение (+, –)	Темп роста, %
	2020 г.	2021 г.		
Российская Федерация, всего	1 458 792	3 636 753	2 177 961	249,3
Центральный федеральный округ	685 057	1 401 759	716 702	204,6
Северо-Западный федеральный округ	146 399	406 711	260 312	277,8
Южный федеральный округ	110 379	361 796	251 417	327,8
Северо-Кавказский федеральный округ	18 868	124 500	105 632	659,8
Приволжский федеральный округ	260 278	630 825	370 547	242,4
Уральский федеральный округ	103 707	272 261	168 554	262,5
Сибирский федеральный округ	104 020	324 809	220 789	312,2
Дальневосточный федеральный округ	30 084	114 092	84 008	379,2

Таблица составлена авторами.

ность как самозанятые, но не имеют официального статуса (т.е. трудятся в неформальном секторе).

Росстат учитывает как самозанятых тех граждан, которые сами считают себя предпринимателями, осуществляющими деятельность без привлечения наемных работников. В том числе учитываются и те граждане, кто работает без официального статуса самозанятого. В данную группу вряд ли будут входить те, кто получают пассивный доход. Таким образом, данные, представленные Росстатом, отражают фактическую численность самозанятых, в то время как данные ФНС России — учетную численность.

Несмотря на разницу методик учета, анализ данных по численности самозанятых позволил сделать следующие выводы:

- фактическая численность самозанятых в 2020–2021 гг. имела незначительную тенденцию к росту: численность работников данной группы возросла примерно на 77 тыс. чел.;
- учетная численность самозанятых возросла на 2 177 961 чел., темп роста составил 249,3%.

Это свидетельствует о том, что процесс легализации самозанятых идет быстрыми темпами.

Российские исследователи О.П. Чекмарев, П.М. Лукичев и П.А. Конев полагают, что в результате применения Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ о налоге на профессиональный доход практически не изменилась общая структура рабочей силы в России, не наблюдается роста предпринимательской активности населения [16, с. 234]. Но мы полагаем, что основной целью применения нового налогового режима для самозанятых была легализация предпринимательской деятельности данной группы работающих. Применение данного режима не столько способствовало реальному росту численности самозанятых в России, сколько изменило юридический статус лиц, которые ранее занимались предпринимательской деятельности в формате данной формы работы без регистрации.

На изменение фактической численности самозанятых повлияла пандемия: в 2020–2021 гг. многие российские предприятия и организации сферы услуг (туризма и гостиничного хозяйства; общественного питания; торговли промышленными товарами) прекратили свое существование, как следствие — снизилась численность наемных работников. Так, согласно данным Росстата, в 2019 г. в России насчитывалось 3827 тыс. предприятий и организаций, в то время как в 2020 г. — 3517 тыс. При этом наиболее пострадали организации и предприятия частной формы собственности. Численность государственных предприятий снизилась с 94 тыс. в 2019 г. до 93 тыс. в 2020 г., организаций и предприятий муниципальной формы собственности — со 185 тыс. в 2019 г. до 181 тыс. в 2020 г., частной формы собственности — с 3261 тыс. в 2019 г. до 2975 тыс. в 2020 г. [9, с. 327]. В этой связи многие работающие, потеряв работу в качестве наемного работника, приняли решение стать самозанятыми.

Анализируя распределение самозанятых граждан по федеральным округам, следует отметить, что наибольшая численность занятых данной группы приходится на Центральный федеральный округ. Также высока численность самозанятых в Приволжском и Северо-Западном федеральных округах. Наименьшая численность — в Дальневосточном и Северо-Кавказском федеральных округах, но при этом там наблюдаются самые высокие темпы роста в сравнении с 2020 г.

Анализируя качественные характеристики самозанятых как группы трудовых ресурсов на рынке труда, следует отметить, что, согласно данным Росстата, в 2021 г. численность мужчин среди самозанятых в 2020 г. составила 2000 тыс. чел., женщин — 1544 тыс. чел. В 2021 г. численность мужчин увеличилась до 2043 тыс. чел.,

женщин — до 1578 тыс. чел. Интересно, что, несмотря на незначительный рост численности самозанятых (как мужчин, так и женщин), соотношение мужчин и женщин в 2021 г. практически не изменилось в сравнении с 2020 г.: удельный вес мужчин составляет 56,4%, женщин — 43,6%.

Росстатом практически не представлена информация, характеризующая группу самозанятых по возрасту, уровню образования, роду занятий и виду экономической деятельности. В сборнике «Итоги выборочного обследования рабочей силы в 2021 г.» приведены данные по возрасту и уровню образования группы «Работающие не по найму» без детализации. Но в данную группу, кроме самозанятых, входят работодатели и члены производственных кооперативов. В «Российском статистическом ежегоднике» за 2021 г. качественные характеристики группы самозанятых не приведены вовсе.

Согласно данным ФНС, численность самозанятых-мужчин по итогам 2021 г. составляет 58%, соответственно, число самозанятых-женщин составляет около 42%. Средний возраст самозанятых составляет 35 лет, что существенно ниже, чем средний возраст работающих в целом (41,1 года в 2020 г. по данным Росстата) [9, с. 125]. Это подтверждает предположение о том, что самозанятость чаще выбирают молодые люди, в том числе те, кто в рамках самозанятости реализует свои инновационные идеи и стартапы, рассчитывая на расширение бизнеса в последующие годы.

На сайте ФНС отмечено, что наиболее распространенными видами деятельности, осуществляемыми плательщиками налога на профессиональный доход, являются услуги ремонта, доставка товаров, а также сфера маркетинга, IT, копирайтинг, юридическое консультирование и проектирование. Но данных по численности самозанятых, которые трудятся в том или ином секторе нет. Отсутствие детальной информации о качественном составе самозанятых осложняет возможности анализа положения самозанятых как группы трудовых ресурсов и разработку рекомендаций по их поддержке на рынке труда.

В этой связи необходимы дальнейшие исследования качественного состава и структуры самозанятых. В целях получения дополнительной информации о качественном составе самозанятых и тенденциях развития данной формы предпринимательства было проведено социологическое исследование (анкетирование) среди самозанятых г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Выборка составила 150 чел., в нее вошли как лица, имеющие официальный статус самозанятого, так и те, кто такого статуса не имеет, но самостоятельно осуществляет предпринимательскую деятельность без найма работников.

В качестве респондентов выступали граждане, обратившиеся в ПАО «Сбербанк» за различными видами информационной и экономической поддержкой для ведения бизнеса (оформление кредитов, льготной ипотеки, карт оплаты и др.), в том числе те, кто считает себя самозанятым и планирует быть получателем услуг ПАО «Сбербанк» без оформления официального статуса самозанятого.

Результаты

Результаты исследования показали, что большинство опрошенных ведут предпринимательскую деятельность как самозанятые менее двух лет: 16% респондентов отметили, что являются самозанятыми менее трех месяцев, 36,7% — менее одного года, 24% — более одного года. Лишь 8,7% опрошенных являются самозанятыми более 5 лет.

Это свидетельствует о том, что на рынке труда в секторе самозанятых не наблюдается стабильности с точки зрения продолжительности трудовой деятельности.

Такая ситуация может быть как свидетельством высокой конкуренции среди самозанятых и сложными условиями осуществления трудовой деятельности, так и свидетельством возможности перехода к более сложным организационно-правовым формам предпринимательской деятельности.

Большинство опрошенных оказывает консультационные услуги — юридические, аудиторские, психологические, профориентационные (46%), услуги в сфере недвижимости (15,3%), трудится в индустрии моды и красоты (косметология, парикмахерские услуги) (10%). Достаточно велика численность респондентов, работающих в сфере информационных технологий (6,7%), сфере образования (6,7%). Среди опрошенных есть лица, занятые выпечкой кондитерских изделий, занятые в сфере туризма, копирайтинга, в сфере развлечений, специалисты по рекламе, блогеры.

Среди преимуществ, которые дает самозанятость, респонденты отметили: возможность легализации доходов, что дает, например, возможность взять ипотеку; полный контроль собственной деятельности; возможность распределять свободное и рабочее время по своему усмотрению, возможность дистанционной работы, более низкие ставки налогообложения в сравнении с другими организационно-правовыми формами предпринимательской деятельности.

Приведенные в табл. 2 данные свидетельствуют о том, что вопреки сложившемуся в нашей стране мнению о том, что самозанятость как форму предпринимательской деятельности выбирают люди, уже имеющие какой-либо источник дохода от трудовой деятельности, для большинства опрошенных (57,3%) она является единственным источником дохода. Лишь 23,3% респондентов постоянно сочетают работу по найму и самозанятость.

Отвечая на вопрос «Почему вы решили стать самозанятым?», большинство респондентов отметили, что главными причинами стала необходимость получения дополнительного источника дохода и стремление к независимости с точки зрения организации работы и распределения рабочего времени. Также важной причиной было стремление реализовать свои предпринимательские способности (17,3%). Для 8% респондентов самозанятость стала вынужденной формой занятости в результате потери рабочего места в организации (табл. 3).

Таблица 2

Самозанятость как источник дохода
Table 2. Self-employment as a source of income

Источник дохода	Количество, %
Самозанятость является единственным источником дохода	57,3
Являясь самозанятым, работаю по найму время от времени	19,3
Являясь самозанятым, работаю по найму на предприятии (в организации) постоянно	23,3

Таблица 3

Причины самозанятости как формы работы
Table 3. Reasons for self-employment as a form of work

Причина	Количество, %
Нужен был дополнительный источник дохода	31,3
Хотелось быть независимым с точки зрения организации работы и распределения рабочего времени	31,3
Хотелось реализовать свои предпринимательские способности	17,3
Потерял рабочее место в организации	8

При этом 23,3% опрошенных имеют ежемесячный доход более 70 тыс. руб., 10,7% — доход от 60 до 70 тыс. руб. Но 22,7% респондентов имеют доход менее 20 тыс. руб. в месяц (табл. 4). Анализируя данные, приведенные в табл. 4, можно сделать вывод о том, что среди самозанятых наблюдается высокая дифференциация доходов: почти равное количество респондентов имеют как высокие, так и крайне низкие доходы.

Большинство респондентов подтвердили, что в их деятельности в течение года наблюдаются существенные колебания объема работ. Они связаны как со спецификой профессиональной деятельности, так и с нестабильностью экономической системы. Лишь 12,7% опрошенных отметили, что колебаний в течение года не наблюдается (табл. 5). Это свидетельствует о том, что объем прибыли и величина дохода от самозанятости существенно различаются, что создает риски для предпринимателя.

Наиболее значимыми для самозанятых рисками были нестабильность экономики и угроза мирового экономического кризиса, а также риск снижения численности клиентов из-за спада покупательской способности населения и падения спроса (табл. 6). Также опрошенные отметили риски, связанные с нестабильной политической ситуацией и возможностью начала войны, репутационные риски, риск профессионального выгорания, риск повышения налогов, риск неуплаты со стороны клиентов. Но при этом 11,3% респондентов считают, что их профессиональная деятельность в рамках самозанятости не имеет рисков.

Половина опрошенных сообщили, что не планируют в последующие годы переход на другую организационно-правовую форму собственности, только 8% самозанятых отметили, что планируют изменить организационно-правовую форму предпринимательской деятельности в будущем, не определились или готовы к этому при определенных условиях 42%.

Таблица 4

Средняя величина доходов самозанятых в месяц

Table 4. Average income of self-employed per month

Размер дохода	Количество, %
Менее 20 тыс. руб.	22,7%
20–30 тыс. руб.	9,3%
30–40 тыс. руб.	11,3%
40–50 тыс. руб.	10,7%
50–60 тыс. руб.	12,0%
60–70 тыс. руб.	10,7%
Более 70 тыс.руб.	23,3%

Таблица 5

Колебания объема работ в течение года у самозанятых

Table 5. Fluctuations in the amount of work during the year for the self-employed

Колебания объема работ	Количество ответов
Да, это связано со спецификой профессиональной деятельности	35,3%
Да, это связано с нестабильностью экономической системы	38%
Да, другие причины	14%
Нет	12,7%

**Наиболее значимые для самозанятых риски
в сфере профессиональной деятельности**

Table 6. The most significant risks for the self-employed in the field
of professional activity

Риски	Количество, %
Нестабильность экономики, экономический кризис	16,0
Отсутствие или снижение численности клиентов из-за спада покупательской способности населения и падения спроса	21,0
Репутационные риски	2,7
Риск ухудшения или потери здоровья и неоплачиваемые больничные	3,3
Нет рисков	11,3

При этом 51,3% респондентов считает, что вступление в силу ФЗ-№ 422 от 27.11.2018, легализующего самозанятость как форму предпринимательства, никак не повлияло на их трудовую деятельность, 34% опрошенных отметили положительное влияние, что, видимо, связано с лучшей правовой защищенностью работающих, имеющих официальный статус самозанятого, а 14,7% респондентов отметили, что наблюдается отрицательное влияние, что связано с необходимостью платить налог на профессиональный доход и снижением прибыли.

Результаты опроса показали, что большинство самозанятых имеют высокий уровень образования: высшее (64,7%) или неполное высшее (15,3%). Но среди респондентов есть работники с начальным профессиональным, средним профессиональным и средним общим образованием (20%). Это противоречит мнению о том, что самозанятые в большинстве своем — люди с низким образованием и уровнем квалификации, которые не могут найти работу по найму, поскольку не имеют востребованных на рынке труда компетенций.

Большинство опрошенных самозанятых — женщины, мужчины составляют всего лишь 28% респондентов. Распределение опрошенных по возрасту свидетельствует о том, что основной возрастной группой самозанятых являются лица в возрасте от 31 до 40 лет, при этом молодежь в возрасте от 20 до 30 лет составляет 18%, молодежь в возрасте до 20 лет — всего лишь 1,3%. Среди самозанятых достаточно много лиц в возрасте 41–50 лет (26%), более 50 лет (19,3%). Это подтверждает данные, приведенные Федеральной налоговой службой, по среднему возрасту работников.

Большинство опрошенных отмечают, что получение статуса самозанятого оправдало их профессиональные ожидания. Более 82% самозанятых имеют официальный статус, и только 17,3% работают без оформления. Таким образом, можно сделать вывод о том, что вступление в силу ФЗ-№ 422 от 27.11.2018., позволило легализовать большинство самозанятых как участников рынка труда.

Пандемия коронавирусной инфекции повлияла на большинство опрошенных. При этом 42% самозанятых отметили отрицательное влияние (снизился доход, интенсивность клиентских потоков), а 21,3% респондентов отметили положительное влияние (расширение сферы деятельности, увеличение количества клиентов, рост доходов). В основном пандемия повлияла позитивно на положение самозанятых, которые трудятся в сфере информационных технологий, маркетинга и интернет-рекламы, занимаются выпечкой кондитерских изделий, оказывают консультационные услуги и услуги доставки. Отрицательное влияние пандемия коронавируса оказала на деятельность лиц, работающих в сфере транспорта, развлечений, а так-

же на некоторых самозанятых, которые трудятся в сфере информационных технологий. Пандемия не оказала значимого влияния на занятость и уровень дохода самозанятых, оказывающих образовательные услуги, услуги в сфере косметологии и парикмахерские услуги, работающих в сфере дизайна и искусства (36,7%).

Выводы

Результаты исследования показали, что группа самозанятых на российском рынке труда очень неоднородна. В нее входят лица, которые трудятся в различных секторах экономики, имеют различный уровень образования. В сегменте самозанятых наблюдается высокая дифференциация доходов. Степень предпринимательских рисков также различается. Несмотря на то, что нестабильность экономики и угроза мирового экономического кризиса, а также риск снижения численности клиентов из-за спада покупательской способности населения и падения спроса типичны для самозанятых в целом, для лиц, которые оказывают консультационные услуги и трудятся в сфере образования, наиболее важны репутационные риски и риски потери клиентов, в то время как среди работающих на транспорте, в сфере доставки, занятых ремонтом квартир и оказанием косметологических услуг более значимы риски потери здоровья и неполучения дохода от клиента вследствие отказа оплаты за оказанные услуги.

В настоящее время в сфере самозанятости в РФ можно проследить следующие тенденции развития:

- стремление самозанятых к легализации деятельности;
- выбор самозанятости как единственного (исключительного) места работы большинством участников данного сегмента рынка;
- высокую дифференциацию доходов в зависимости от уровня образования и сектора занятости;
- занятость преимущественно в сфере услуг, как требующих высокой квалификации работников (юридическое и управленческое консультирование, информационные технологии), так и низкой квалификации (парикмахерские, косметологические услуги) при незначительной численности занятых в сфере производства (создание металлических конструкций, выпечка кондитерских изделий).

Несмотря на положительную динамику численности как лиц, которые платят налог на профессиональный доход, так и лиц, которые считают себя самозанятыми, группа самозанятых остается одной из самых социально уязвимых категорий населения:

- возможности получения дохода ограничены: в РФ самозанятым может быть предприниматель, годовой доход которого не превышает 2,4 млн руб., в случае получения более высокого дохода необходимо менять организационно-правовую форму;
- в некоторых секторах наблюдаются существенные колебания объема работ в течение года (репетиторы; лица, предлагающие услуги ремонта и т. д.), что существенно снижает уровень дохода и создает риски в случае, если доход от самозанятости является единственным источником дохода. В этой связи некоторые самозанятые сочетают самозанятость с работой по найму;
- возможности инвестиций в человеческий капитал ограничены, так как в распоряжении самозанятого остается небольшой объем прибыли;
- продолжительность рабочей недели самозанятых зачастую существенно выше, чем 40 ч в неделю, часто у них нет четко выделенных выходных дней, что приводит к сокращению времени отдыха, смешению рабочего и свободного времени (кондитеры-надомники, переводчики, репетиторы, косметологи).

Регулярный мониторинг качественного и количественного состава самозанятых позволил бы выявить наиболее уязвимые с точки зрения положения на рынке труда группы самозанятых и определить основные направления поддержки, необходимой для данной группы работающего населения (информационной, консультационной, поддержки по юридическим вопросам и т. д.).

Литература

1. *Абрамова Е. А.* Самозанятость как инструмент сокращения безработицы в период кризиса // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11–1 (69). С. 9–12. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10853.
2. *Великая Н. М.* Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы «самозанятые» // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 2. С. 6–21.
3. *Добрычева И. В.* Прекаризация и флексибилизация занятости (на примере Кемеровской области) // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 2. С. 873–882. DOI: 10.18334/et.6.2.40502.
4. *Дудина О. М., Голованова Д. В.* Социальный портрет молодых российских фрилансеров // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 9. С. 1441–1456. DOI: 10.18334/ce.12.9.39393
5. *Забелина О. В., Мирзабалаева Ф. И.* Фриланс как новая гибкая форма самозанятости на российском рынке труда // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 4. С. 307–320. DOI: 10.18334/et.7.4.100869.
6. *Итоги выборочного обследования рабочей силы, 2021 г.* М. : Федеральная служба государственной статистики, 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 07.06.2022).
7. *Кашина М. А., Уткина М. Ю.* Социальное предпринимательство как бизнес, «подходящий» женщинам // Управленческое консультирование. 2015. № 8. С. 128–134.
8. *Кострова Ю. Б., Шибаршина О. Ю.* Анализ подходов к регулированию самозанятости населения: российский и международный опыт // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 4. С. 1137–1146. DOI: 10.18334/et.5.4.39523.
9. *Российский статистический ежегодник. 2021: стат. сб.* / Росстат. М. : 2021. 692 с.
10. *Сведения о количестве самозанятых граждан, официально зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»* [Электронный ресурс]. URL: <https://sznpd.ru/statistika-samozanyatosti-na-nachalo-2022>; URL: <https://sznpd.ru/statistika-samozanyatosti-na-nachalo-2021> (дата обращения: 17.07.2022).
11. *Тагаров Б. Ж.* Факторы развития рынка фриланса в информационной экономике // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 10. С. 1703–1714. DOI: 10.18334/ce.12.10.39450.
12. *Тощенко Ж. Т.* Новое явление в социальной структуре общества — прекариат // Вестник Тюменского государственного университета. 2015. № 3 (3). С. 34–41.
13. *Устинова К. А.* Государственная поддержка самозанятых: взгляд изнутри // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 12. С. 1393–1414. DOI: 10.18334/et.8.12.114080.
14. *Устинова К. А., Баймурзина Г. Р.* Склонность к индивидуальному предпринимательству и самозанятости: роль социально-экономических факторов // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 9. С. 2225–2242. DOI: 10.18334/epp.11.9.113481.
15. *Хишаева Ж. Т.* Состояние рынка труда в Казахстане и развитие самозанятости населения // Экономика Центральной Азии. 2020. Т. 4. № 2. С. 101–112. DOI: 10.18334/asia.4.2.110284.
16. *Чекмарев О. П., Лукичев П. М., Конев П. А.* Самозанятые в России: легализация, тенденции развития и влияние на рынок труда // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 2. С. 233–248. DOI: 10.18334/et.9.2.114222.
17. *Шибаршина О. Ю.* Сравнительный анализ регулирования самозанятости в России и за рубежом // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 10. С. 1223–1236. DOI: 10.18334/et.8.10.113583.
18. *Эль-Сибай Н. М., Ганебных Е. В.* Мамы-предприниматели: причины женской самозанятости и скрытый потенциал // Экономика, предпринимательство и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 541–556. DOI: 10.18334/epp.9.4.41487.
19. *Bogan V., Fertig A., Just D.* Self-employment and mental health // Review of Economics of the Household. 2022. № 20 (3). DOI: 10.1007/s11150-021-09578-3.
20. *Bogott N., Rippler S., Woischwill B.* Im Startup die Welt gestalten: wie Job in der Gründerszene funktionieren. Deutschland: SpringerGabel. 2017. 258 S.
21. *Dang A.* Wie selbstbestimmte Arbeit in Zukunft aussehen könnte // Der Standard. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000134030844/wie-selbstbestimmte-arbeit-in-zukunft-aussehen-koennte> (дата обращения: 24.06.2022).

22. Daniel E., Owen R. Home-based Self-Employment: Combining Personal, Household and Employment Influences // Journal of Enterprising Culture. 2022. N 5. DOI: 10.1142/S0218495822500054.
23. Fonger P. Überleben im Homeoffice. 2021. 139 S.
24. Perulli A. A critique of self-employment // European Labour Law Journal. 2022. N 4. DOI: 10.1177/20319525221088604.
25. Price V., Reuschke D. Performance and Innovation in Women-Owned Home-based Businesses: Exploring the Gender-Location Link / Conference: ISBE 2019 Space — Exploring New Frontiers and Entrepreneurial Places. At: Newcastle, United Kingdom. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/337889500_Performance_and_Innovation_in_Women-Owned_Home-Based_Businesses_Exploring_the_Gender-Location_Link (дата обращения: 09.07.2022).
26. Richter F. Homeoffice mit Familie: Wie Sie sich selbst, Arbeit und Familie so organisieren, dass (fast) nichts zu kurz kommt. Deutschland: Beck. 2021. 94 S.
27. Sanchez-Cañizares S., Cabeza J., Garcia F., Cano M. Are effective the subsidies policies for self-employment? / Conference: 1st Conference in Business Research and Management: Emerging issues after COVID-19 time, 2022, Toledo, Spain [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/360932215_ARE_EFFECTIVE_THE_SUBSIDIES_POLICIES_FOR_SELF-EMPLOYMENT (дата обращения: 07.06.2022).
28. Schmid C. Kunst und Wissenschaft reflektieren selbstständige Arbeit // HSG Focus. Das Magazin der Universität St. Gallen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hsgfocus.ch/hsg-focus-4-2016/artikel/kunst-und-wissenschaft-reflektieren-selbststaendige-arbeit> (дата обращения: 29.06.2022).

Об авторах:

Мисько Олег Николаевич, заведующий кафедрой экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; misko-on@ranepa.ru

Цыганкова Инга Владимировна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; tsyganкова-iv@ranepa.ru

References

1. Abramova E. A. Self-employment as a tool to reduce unemployment during a crisis // Economics and business: theory and practice [Ekonomika i biznes: teoriya i praktika]. 2020. N 11–1 (69). P. 9–12. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10853 (In Rus).
2. Velikaya N. M. Precarization of youth labor as a factor in the formation of the “self-employed” group // Science. Culture. Society [Nauka. Kul'tura. Obshchestvo]. 2022. Vol. 28. 2. P. 6–21 (In Rus).
3. Dobrycheva I. V. Precarization and flexibilization of employment (on example of the Kemerovo region) // Labor economy [Ekonomika truda]. 2019. Vol. 6. N 2. P. 873–882. DOI: 10.18334/et.6.2.40502 (In Rus).
4. Dudina O. M., Golovanova D. V. Social portrait of young Russian freelancers // Creative economy [Kreativnaya ekonomika]. 2018. Vol. 12. N 9. P. 1441–1456. DOI: 10.18334/ce.12.9.39393 (In Rus).
5. Zabelina O. V., Mirzabalayeva F. I. Freelancing as a new flexible form of self-employment in the Russian labor market // Labor economy [Ekonomika truda]. 2020. Vol. 7. N 4. P. 307–320. DOI: 10.18334/et.7.4.100869 (In Rus).
6. Results of a selective labor force survey, 2021. M. : Federal State Statistics Service [Electronic source]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (accessed: 07.06.2022) (In Rus).
7. Kashina M. A., Utkina M. Y. Social entrepreneurship as a business “suitable” for women // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 8. P. 128–134 (In Rus).
8. Kostrova Y. B., Shibarshina O. Y. Analysis of approaches to regulating self-employment of the population: Russian and international experience // Labor economy [Ekonomika truda]. 2018. Vol. 5. N 4. P. 1137–1146. DOI: 10.18334/et.5.4.39523 (In Rus).
9. Russian Statistical Yearbook. 2021: Stat. Rev. / Rosstat. M., 2021. 692 p. (In Rus).
10. Information on the number of self-employed citizens who have officially fixed their status and apply the special tax regime “Tax on professional income” [Electronic source]. URL: <https://>

sznpd.ru/statistika-samozanyatosti-na-nachalo-2022/; URL: <https://sznpd.ru/statistika-samozanyatosti-na-nachalo-2021/> (accessed: 17.07.2022) (In Rus).

11. Tagarov B. J. Factors for the development of the freelance market in the information economy // Creative economy [Kreativnaya ekonomika]. 2018. Vol. 12. N 10. P. 1703–1714. DOI: 10.18334/ce.12.10.39450 (In Rus).
12. Toshchenko Zh. T. A new phenomenon in the social structure of society — the precariat // Bulletin of Tyumen State University [Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2015. N 3 (3). P. 34–41 (In Rus).
13. Ustinova K. A. State support for the self-employed: an inside look // Labor economy [Ekonomika truda]. 2021. Vol. 8. N 12. P. 1393–1414. DOI: 10.18334/et.8.12.114080 (In Rus).
14. Ustinova K. A., Baimurzina G. R. Tendency to individual entrepreneurship and self-employment: the role of socio-economic factors // Economics, entrepreneurship and law [Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo]. 2021. Vol. 11. N 9. P. 2225–2242. DOI: 10.18334/epp.11.9.113481 (In Rus).
15. Hishauyeva J. T. The state of the labor market in Kazakhstan and the development of self-employment of the population // Economy of Central Asia [Ekonomika Tsentral'noi Azii]. 2020. Vol. 4. N 2. P. 101–112. DOI: 10.18334/asia.4.2.110284 (In Rus).
16. Checkmarev O. P., Luckichev P. M., Konev P. A. Self-employed in Russia: legalization, development trends and impact on the labor market // Labor economy [Ekonomika truda]. 2022. Vol. 9. N 2. P. 233–248. DOI: 10.18334/et.9.2.114222 (In Rus).
17. Shibarshina O. Y. Comparative analysis of self-employment regulation in Russia and abroad // Labor economy [Ekonomika truda]. 2021. Vol. 8. N 10. P. 1223–1236. DOI: 10.18334/et.8.10.113583 (In Rus).
18. El-Sibai N. M., Ganebnykh E. V. Moms-entrepreneurs: the reasons for female self-employment and hidden potential // Economics, entrepreneurship and law [Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo]. 2019. Vol. 9. N 4. P. 541–556. DOI: 10.18334/epp.9.4.41487 (In Rus).
19. Bogan V., Fertig A., Just D. Self-employment and mental health // Review of Economics of the Household. 2022. N 20 (3). DOI: 10.1007/s11150-021-09578-3.
20. Bogott N., Rippler S., Woischwill B. Im Startup die Welt gestalten: wie Job in der Gründerszene funktionieren. Deutschland: SpringerGabel. 2017. 258 p.
21. Dang A. Wie selbstbestimmte Arbeit in Zukunft aussehen könnte // Der Standart. 2022 [Electronic source]. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000134030844/wie-selbstbestimmte-arbeit-in-zukunft-aussehen-koennte> (accessed: 24.06.2022).
22. Daniel E., Owen R. Home-based Self-Employment: Combining Personal, Household and Employment Influences // Journal of Enterprising Culture. 2022. N 5. DOI: 10.1142/S0218495822500054.
23. Fonger P. Überleben im Homeoffice. 2021. 139 p.
24. Perulli A. A critique of self-employment // European Labour Law Journal. 2022. N 4. DOI: 10.1177/20319525221088604.
25. Price V., Reuschke D. Performance and Innovation in Women-Owned Home-based Businesses: Exploring the Gender-Location Link / Conference: ISBE 2019 Space — Exploring New Frontiers and Entrepreneurial Places. At: Newcastle, United Kingdom. 2019 [Electronic source]. URL: https://www.researchgate.net/publication/337889500_Performance_and_Innovation_in_Women-Owned_Home-Based_Businesses_Exploring_the_Gender-Location_Link (accessed: 09.07.2022).
26. Richter F. Homeoffice mit Familie: Wie Sie sich selbst, Arbeit und Familie so organisieren, dass (fast) nichts zu kurz kommt. Deutschland: Beck. 2021. 94 p.
27. Sanchez-Cañizares S., Cabeza J., Garcia F., Cano M. Are effective the subsidies policies for self-employment? / Conference: 1st Conference in Business Research and Management: Emerging issues after COVID-19 time, 2022. Toledo, Spain [Electronic source]. URL: https://www.researchgate.net/publication/360932215_ARE_EFFECTIVE_THE_SUBSIDIES_POLICIES_FOR_SELF-EMPLOYMENT (accessed: 07.06.2022).
28. Schmid C. Kunst und Wissenschaft reflektieren selbstständige Arbeit // HSG Focus. Das Magazin der Universität St. Gallen [Electronic source]. URL: <https://www.hsgfocus.ch/hsg-focus-4-2016/artikel/kunst-und-wissenschaft-reflektieren-selbststaendige-arbeit> (accessed: 29.06.2022).

About the authors:

Oleg N. Misko, Head of the Department of Economics of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); misko-on@ranepa.ru

Inga V. Tsygankova, Professor of the Department of Economics of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; tsygankova-iv@ranepa.ru

Опыт реализации региональных концепций развития «зеленой» экономики стран мира

Алексеева А. Н.¹, Ачба Л. В.^{1, *}, Островская Н. В.^{2, *}

¹Санкт-Петербургский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *nvostrovskaya@fa.ru

РЕФЕРАТ

Целью данного исследования является определить в каких направлениях осуществляются меры «зеленой» экономики в зарубежных странах. Для достижения поставленной цели было дано понятие «зеленой» экономики и «циркулярной» экономики; изучены национальные стратегии «зеленой» экономики зарубежных стран; выявлены основные направления «зеленых» региональных инициатив; сравнены меры принимаемые в зарубежных странах в выделенных областях «зеленой» экономики. **Предмет** исследования — зарубежные стратегии развития «зеленой» экономики региона. **Объект** исследования — «зеленая» экономика. Авторы применяют **методы** эмпирического исследования (описание и сравнение); общелогические (анализ информации, ее синтез и обобщение, а также абстрагирование); теоретического познания (гипотико-дедуктивный; восхождение от абстрактному к конкретному). В статье рассмотрены примеры реализации зарубежных национальные концепций развития «зеленой» экономики, к которым приурочены региональные инициативы Германии, Объединенных Арабских Эмиратов, Канады, Бельгии и Соединенных Штатов Америки. Произведен анализ, на основе национальных стратегий «зеленой» экономики, направлений и инициатив. Сделаны **выводы**, что данные примеры реализации «зеленения» экономики следует воспринимать как пример для других стран, так как работа в данном направлении способна улучшить экологическую ситуацию, качество жизни страны и конкретного региона.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, возобновляемые источники энергии, отходы, устойчивое развитие, энергоэффективность, «зеленые» технологии, экология, циркулярная экономика, окружающая среда

Для цитирования: Алексеева А. Н., Ачба Л. В., Островская Н. В. Опыт реализации региональных концепций развития циркулярной «зеленой» экономики стран мира // Управленческое консультирование. 2022. № 12. С. 32–41.

Experience in the Implementation of Regional Concepts for the Development of the Circular “Green” Economy of the Countries of the World

Alyona N. Alekseyeva¹, Lybov V. Achba^{1, *}, Natalya V. Ostrovskaya^{2, *}

¹Saint Petersburg Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *nvostrovskaya@fa.ru

ABSTRACT

The purpose of this study is to determine in which directions the measures of the “green” economy are being implemented in foreign countries. To achieve this goal, the concept of a “green” economy and a “circular” economy was given; national strategies of the “green” economy of foreign countries were studied; the main directions of “green” regional initiatives were identified; measures taken in foreign countries in the selected areas of the “green” economy were compared. The subject of the study is foreign strategies for the development of the “green” economy of the region. The object of research is the “green” economy. The authors apply methods of empirical research (description and comparison); general logical (analysis of information, its synthesis and generalization, as well as abstraction); theoretical

cognition (hypothetic-deductive; ascent from the abstract to the concrete). The article considers examples of the implementation of foreign national concepts for the development of a “green” economy, which are associated with regional initiatives of Germany, the United Arab Emirates, Canada, Belgium and the United States of America. The analysis is made on the basis of national strategies of the “green” economy, directions and initiatives. It is concluded that these examples of the implementation of the “greening” of the economy should be taken as an example for other countries, since work in this direction can improve the environmental situation, the quality of life of the country and a particular region.

Keywords: “green” economy, renewable energy sources, waste, sustainable development, energy efficiency, “green” technologies, ecology, circular economy, environment

For citing: Alekseeva A.N., Achba L.V., Ostrovskaya N.V. The experience of implementing regional concepts for the development of circular “green” economy of the countries of the world // Administrative consulting. 2022. N 12. P. 32–41.

Введение

«Зеленая» экономика становится все более актуальной, так как она способна улучшить благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость при одновременном снижении экологических рисков и дефицита. «Зеленая» экономика является альтернативой доминирующей сегодня экономической модели, которая поощряет отходы, вызывает дефицит ресурсов и создает широко распространенные угрозы окружающей среде и здоровью человека.

За последнее десятилетие концепция зеленой экономики стала стратегическим приоритетом для многих правительств. Превращая свою экономику в движущую силу устойчивости, эти страны будут готовы принять основные вызовы XXI в. — от урбанизации и дефицита ресурсов до изменения климата и экономической нестабильности.

Именно здесь возникает модель экономики замкнутого цикла («циркулярная» экономика) как форма «зеленой» экономики, которая направлена на борьбу с экологическими проблемами, путем:

- сохранения и приумножения природного капитала путем контроля над конечными запасами и балансирования потоков возобновляемых ресурсов;
- оптимизации выхода ресурсов за счет циркуляции продуктов, компонентов и материалов с максимальной полезностью;
- повышения эффективности системы с помощью выявления и устранения негативных внешних факторов.

Далее для общего понимания целей и направлений зарубежной «зеленой» экономики представлен обзор национальных стратегий Германии, ОАЭ, Канады, США и Бельгии, а также инициативы на региональном уровне. Стоит отметить, что главным индикатором «зеленой» экономики является количество выбросов CO₂ и парниковых газов¹.

Национальные стратегии зарубежных стран

Германия разработала Немецкий план действий по климату 2050 (немецкий: Klimaschutzplan 2050), который является документом политики защиты климата, утвержденным правительством Германии 14 ноября 2016 г. План предусматри-

¹ EIO Country profile 2018–2019 Belgium [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/environment/eoap/sites/default/files/field/field-country-files/eio_country_profile_2018-2019_belgium.pdf (дата обращения: 17.02.2022).

вает меры, с помощью которых Германия может достичь своих различных национальных целей по сокращению выбросов парниковых газов до 2050 г. и выполнить свои международные обязательства по Парижскому климатическому соглашению 2016 г. Руководили разработкой плана Федеральные министерства окружающей среды, охраны природы, строительства и ядерной безопасности¹.

В Объединенных Арабских Эмиратах действует Circular Economy Policy (2021–2031), цель этой стратегии состоит в том, чтобы наметить некоторые из способов, с помощью которых ОАЭ могут перейти к более замкнутой экономике, где природные, физические, человеческие и финансовые ресурсы страны используются наиболее эффективным и устойчивым способом для улучшения качества жизни всех жителей, а также защиты или даже улучшения местной и глобальной окружающей среды².

Переход к экономике замкнутого цикла потребует согласованных усилий со стороны национальных и местных органов власти, частного сектора и широкой общественности. Поэтому эта политика требует содействия всех заинтересованных сторон во всех секторах, чтобы помочь стране перейти к успешной и устойчивой экономике замкнутого цикла.

Цели Политики циркулярной экономики заключаются в том, чтобы:

- достичь устойчивого управления экономикой и эффективного использования природных ресурсов.
- продвигать циклическую экономику и устойчивые модели производства и потребления, которые снижают экологическую нагрузку и удовлетворяют основные потребности.
- поощрять частный сектор к переходу на более чистые методы и технологии промышленного производства, включая использование искусственного интеллекта³.

Канада внедряет Панканадскую рамочную программу по чистому росту и изменению климата (2016–2030) — это план, разработанный совместно с провинциями и территориями и посредством взаимодействия с коренными народами, для достижения целей по сокращению выбросов, развитию экономики и повышению устойчивости к изменению климата. План включает в себя панканадский подход к ценообразованию углеродного загрязнения и меры по достижению сокращения во всех секторах экономики. Он направлен на стимулирование инноваций и роста путем увеличения разработки и внедрения технологий, чтобы обеспечить конкурентоспособность канадских предприятий в глобальной низкоуглеродной экономике. Он также включает меры по содействию адаптации к изменению климата и повышению устойчивости к климатическим воздействиям по всей стране⁴.

¹ Climate Action Plan 2050 [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/files/focus/application/pdf/161114_climate_action_plan_2050.pdf (дата обращения: 27.10.2021).

² The United Arab Emirates' Government portal [Электронный ресурс]. URL: <https://u.ae/en/information-and-services/environment-and-energy/the-green-economy-initiative/efforts-to-achieve-green-economy> (дата обращения: 10.02.2022); UAE Circular Economy Policy 2021–2031 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moccae.gov.ae/assets/download/73d7daa1/UAE%20Circular%20Economy%20Policy%202021-2031.pdf.aspx?view=true> (дата обращения: 25.11.2021); UAE Greenhouse Gas (GHG) Emissions 1970–2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/ARE/uae/ghg-greenhouse-gas-emissions> (дата обращения: 11.10.2021).

³ UN Environment programme [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unep.org/explore-topics/green-economy/why-does-green-economy-matter> (дата обращения: 22.10.2021).

⁴ Pan-Canadian Framework on Clean Growth and Climate Change — Canada.ca [Электронный ресурс]. URL: <https://www.canada.ca/en/services/environment/weather/climatechange/pan-canadian-framework/climate-change-plan.html> (дата обращения: 20.11.2021); Canada's Energy Future 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cer-rec.gc.ca/en/data-analysis/canada-energy-future/2021/canada-energy-futures-2021.pdf> (дата обращения: 22.01.2022); Canada-wide Action Plan on Zero Plastic Waste Phase 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ccme.ca/en/>

В США восстановление от изменения климата и создание более устойчивой инфраструктуры стали приоритетом, так как администрация Байдена вновь присоединилась к Парижскому соглашению и представила пересмотренный и более амбициозный план — National Determined Contribution (NDC). Данный план установил необходимость сократить выбросы парниковых газов на 50–52% ниже уровня 2005 г. к 2030 г. В долгосрочной перспективе администрация Байдена дала понять, что США намерены быть углеродно-нейтральным к 2050 г.¹

Бельгия в отличие от других рассмотренных стран не имеет общей национальной стратегии в области «зеленой» экономики. Однако Бельгия уже находится на пути к построению более устойчивого общества с помощью инициатив и проектов, связанных с экологическими инновациями и экономикой замкнутого цикла, которые в основном осуществляются в рамках политики и программ на региональном уровне. Федеральное правительство и три автономных региона — Брюссель-Столица, Валлония и Фландрия — объединены в этих усилиях.

Тем не менее Бельгия поставила перед собой более высокие цели. К 2050 г. регион Фландрии хочет иметь полностью циркулярную экономику. В Валлонии органические отходы будут отделены от необработанных бытовых отходов по всему региону к концу 2025 г. Также было начато несколько «зеленых сделок» — добровольных соглашений между частными, государственными и правительственными партнерами — для поддержки проектов устойчивого развития².

Во всех представленных странах региональные инициативы «зеленой» экономики так или иначе приурочены к национальным стратегиям и имеют следующие направления, представленные в табл.

Таблица

Направления «зеленой» экономики в зарубежных странах
Table. Directions of the “green” economy in foreign countries

Страна \ Направление	Германия	ОАЭ	Канада	США	Бельгия	Кол-во стран
Энергетика	+		+	+	+	4
Ресурсоэффективность				+		1
Строительство	+	+	+		+	4
Промышленность	+	+	+			3
Сельское хозяйство	+		+			2

res/1589_ccmecanada-wideactionplanonzero plasticwaste_en-secured.pdf (дата обращения: 07.02.2022); Canada-wide Action Plan on Zero Plastic Waste: Phase 2 [Электронный ресурс]. URL: https://ccme.ca/en/res/ccmephase2actionplan_en-external-secured.pdf (дата обращения: 07.02.2022); Clean technology, innovation and jobs — Canada.ca [Электронный ресурс]. URL: <https://www.canada.ca/en/services/environment/weather/climatechange/pan-canadian-framework/clean-technology-innovation-jobs.html> (дата обращения: 13.02.2022).

¹ USA / Green Economy Tracker [Электронный ресурс]. URL: <https://greeneconomytracker.org/country/usa> (дата обращения: 14.11.2021); US green economy [Электронный ресурс]. URL: <https://usgreeneconomy.com/national-overview/> (дата обращения: 10.02.2022).

² Belgium: annual greenhouse gas emissions of the manufacturing sector 2017 / Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/411755/annual-greenhouse-gas-emissions-of-the-manufacturing-and-construction-sectors-in-belgium/> (дата обращения: 14.11.2021); Belgium, on its way towards a circular economy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/belgium-its-way-towards-circular-economy> (дата обращения: 15.03.2022).

Страна Направление	Германия	ОАЭ	Канада	США	Бельгия	Кол-во стран
Транспорт	+	+		+		3
Производство продуктов питания		+			+	2
Природопользование	+		+		+	3
Эко-инновации			+		+	2
Туризм	+	+		+		3
Переработка				+	+	2
Сокращение углеродного следа			+	+	+	3

Источник: составлено авторами.

Исходя из информации, представленной в табл., далее будут рассмотрены меры и инициативы «зеленой» экономики зарубежных стран по приведенным направлениям.

Инициативы «зеленой» экономики зарубежных стран

Энергетика

В сфере энергетики наиболее ярко выделены «зеленые» меры в Канаде и Германии. Канадская имитационная модель планирования и эксплуатации электроэнергетической системы подразумевает выбор и использование оптимального набора технологий производства электроэнергии, которые минимизируют общие затраты при одновременном удовлетворении будущего спроса на электроэнергию. Провинции и территории уже используют совместный подход к устойчивому энергетическому развитию в рамках Канадской энергетической стратегии, которая была выпущена в июле 2015 г. В соответствии с Ванкуверской декларацией и на основе Квебекского саммита по изменению климата в 2015 г. федеральные, провинциальные и территориальные министры энергетики сотрудничают в конкретных действиях в рамках Канадской энергетической стратегии, чтобы внести свой вклад в Панканадскую рамочную программу по чистому росту и изменению климата. Действия включают энергосбережение и эффективность, чистые энергетические технологии и инновации, а также распространение энергии для людей и глобальных рынков.

Немцы в первую очередь делают акцент на долгосрочную перспективу в использовании возобновляемых источников энергии при производстве электроэнергии. К 2050 г. энергоснабжение должно быть «почти полностью декарбонизировано» с возобновляемыми источниками энергии в качестве основного источника. Что касается электроэнергетики, то «в долгосрочной перспективе производство электроэнергии должно быть почти полностью основано на возобновляемых источниках энергии» и «доля энергии ветра и солнца в общем объеме производства электроэнергии значительно возрастет»¹.

¹ How Germany is greening its growing freight sector to meet climate targets | Clean Energy Wire [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cleanenergywire.org/dossiers/cargo-transport-and-energy-transition> (дата обращения: 27.11.2021); Modes and Benefits of Green Transportation —

Ресурсоэффективность

Ресурсоэффективность, в контексте «зеленой» экономики, охватывает целый ряд технологий и секторов, включая освещение, отопление, вентиляцию и кондиционирование воздуха, возобновляемое отопление и охлаждение, а также современные энергетические материалы.

В США большинство улучшений в этой области были связаны с технологическими достижениями, предпочтениями потребителей и финансами, развитием отраслевых стандартов, политики и финансовых стимулов. Большое количество штатов по всей стране включили финансирование чистой энергии с оценкой собственности (PACE), программу, контролируемую Министерством энергетики (DOE), которая отвечает за финансирование повышения энергоэффективности в частной собственности. В 2019 г. рынок займов PACE достиг 670 млн долл. ежегодных инвестиций, при этом 37 штатов и Вашингтон, округ Колумбия, позволили PACE финансировать коммерческую и жилую недвижимость. В 2019 г. предприятия электроэнергетики по всей стране увеличили расходы на программы повышения эффективности. По оценкам Американского совета по энергоэффективной экономике (ACEEE), в 2019 г. коммунальные предприятия потратили на программы повышения эффективности 8,37 млрд долл., что примерно на 3,8% больше, чем в 2018 г. Заявленная экономия от этих программ в 2019 г. составила примерно 26,9 млн МВтч, что эквивалентно примерно 0,7% от общего объема продаж электроэнергии в стране. Общая экономия энергии за счет коммунальных программ увеличилась на 20% с 2015 г., при этом было реализовано более 300 новых программ повышения энергоэффективности.

Строительство

В настоящее время на долю сектора строительства в мире приходится 36% потребления первичной энергии и 39% выбросов парниковых газов, связанных с энергетикой. Переход от управления отходами к управлению сырьем в секторе — это возможность превратить экологические цели в экономические возможности, которые позволят оптимизировать использование ресурсов, создать новые рабочие места.

В 2010 г. Кабинет министров ОАЭ утвердил стандарты зеленого строительства и устойчивого строительства, которые будут применяться по всей стране. Применение этих стандартов началось в правительственных зданиях в начале 2011 г. Ожидается, что проект позволит сэкономить 10 млрд дирхамов ОАЭ к 2030 г. и сократить примерно на 30% выбросы углекислого газа.

Местным компаниям в Бельгии предлагается представить циркулярные проекты в рамках инициативы «Будь циркулярным, будь Брюсселем», в которой излагается стратегия перехода от линейной экономики к циркулярной к 2025 г. Инициатива получила региональную инновационную премию (2016), организованную Ассамблеей европейских регионов, и премию Eurocities 2017 в категории «инновации». В качестве примера действий, предпринятых в Валлонии, бетон и кирпич из разрушенных зданий превращаются в экологически чистые дорожные покрытия в провинции Намюр.

Сельское хозяйство

Инициативы в секторах сельского хозяйства и производстве продуктов питания важны, поскольку в глобальном масштабе исследование Продовольственной и сель-

Conserve Energy Future [Электронный ресурс]. URL: <https://www.conserve-energy-future.com/modes-and-benefits-of-green-transportation.php> (дата обращения: 22.11.2021).

скохозяйственной организации Объединенных Наций показало, что около трети продовольствия, производимого для людей, ежегодно тратится впустую, а также выделяется значительное количество парниковых газов и происходит нерациональный расход природных ресурсов.

В Канаде в этом секторе существует многопоточная программа Agricultural Climate Solutions, которая включает в себя сельскохозяйственные практики, такие как защитные пояса или покровные культуры, благодаря чему сельскохозяйственные угодья могут поглощать углерод и сокращать выбросы парниковых газов¹. А также осуществляется 10-летняя программа Living Labs и 3-летний фонд On-Farm Climate Action Fund.

В Германии же правительство разработало комплексную стратегию по сокращению выбросов от животноводства. В плане говорится, что 20% сельскохозяйственных земель к 2030 г. должны использоваться для органического земледелия, по сравнению с 6,3% в 2014 г. Правительство также выступает за использование финансовых инструментов в рамках реформированной общей сельскохозяйственной политики ЕС для сокращения выбросов парниковых газов из сектора².

Транспорт

Основная идея применения циркулярной экономики в транспортном секторе заключается в «проектировании» отходов и загрязнений вне системы и улучшении окружающей среды путем поощрения и создания благоприятных условий для использования электромобилей, мотивации к использованию вторичных материалов при производстве автомобилей и т. д.

Важной в США является региональная инициатива Ассоциации западных губернаторов «Дорожная карта электромобилей», направленная на расширение инфраструктуры зарядки электромобилей по всей западной части Соединенных Штатов. По прогнозам, к 2030 г. на дорогах Соединенных Штатов будет около 18 млн электромобилей.

В транспортном секторе ОАЭ в настоящее время преобладает использование личных автомобилей, и, следовательно, на долю пассажирских транспортных средств приходится примерно 15% выбросов углекислого газа в ОАЭ, и в конце срока службы транспортные средства создают значительное количество неиспользованных отходов. Внедряя стратегии циркулярной экономики в транспортном секторе, ОАЭ ожидают, что людям будет легче быстро и безопасно перемещаться по всей стране, используя виды транспорта, которые не загрязняют окружающую среду и не создают заторов.

Министерство транспорта Германии имеет прогноз что к 2030 г. грузопоток вырастет на 38% по сравнению с уровнем 2010 г. Поэтому автомобильный транспорт будет наиболее важным направлением сокращения выбросов. Эксперты согласны с двусторонним подходом: перевозить как можно больше грузов на более чистых видах транспорта, такие как железная дорога, а также увеличение количества электромобилей или велосипеды в городах.

Производство продуктов питания

Хотя менее 10% продуктов питания, потребляемых в ОАЭ, производится в ОАЭ, а сельскохозяйственный сектор генерирует лишь очень небольшую долю ВВП стра-

¹ Agricultural Climate Solutions — agriculture.canada.ca [Электронный ресурс]. URL: <https://agriculture.canada.ca/en/agriculture-and-environment/agricultural-climate-solutions> (дата обращения: 27.02.2022).

² CO₂ emissions — Statistical Review of World Energy 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-co2-emissions.pdf> (дата обращения: 24.10.2021).

ны, на сельскохозяйственный сектор приходится около 60% спроса ОАЭ на пресную воду, что может существенно повлиять на нехватку воды. Традиционные (линейные) методы сельскохозяйственного производства довольно расточительны: только около 20% воды, отводимой для сельскохозяйственной деятельности, потребляется людьми, и только 5% удобрений, вносимых на землю, обеспечивают организм человека питательными веществами.

Внедряя стратегии циркулярной экономики в продовольственном секторе, ОАЭ ожидают, что их экосистемы будут более здоровыми, их продукты питания будут более здоровыми и питательными, их пищевые отходы сократятся, а органические отходы будут использоваться более продуктивно.

Бельгийский город Гент во Фландрии был одним из первых европейских городов, который в 2013 г. начал собственную городскую продовольственную политику под названием Гент-ан-Гард. Благодаря пригородным фермерским рынкам и новой логистической платформе для коммерческих предприятий местная еда сейчас процветает. Излишки продовольствия распределяются среди нуждающихся, что одновременно облегчает бедность и сокращает выбросы CO₂. В 2019 г. эта инициатива стала одним из победителей премии Организации Объединенных Наций за глобальные климатические действия.

Во Фландрии теперь существует пересмотренный пищевой треугольник с диетическими рекомендациями по здоровому и устойчивому образу жизни. Она учитывает как здоровье населения, так и здоровье планеты, поскольку побуждает людей есть больше растительной пищи и не тратить ее впустую.

Природопользование

Сектор природопользования занимает одно из ключевых мест в «зеленой» экономике, так как именно использование природных ресурсов и их сохранение затрагивает большинство рассматриваемых далее сфер.

В Панканадской рамочной программе по чистому росту и изменению климата включен отдельный раздел, посвященный природопользованию. В нем затрагиваются проблема сохранения лесов и водно-болотных угодий, так как путем их увеличения можно снизить углеродный след.

В Германии сектор землепользования и лесного хозяйства предлагает возможности для связывания углерода. Правительство будет уделять приоритетное внимание повышению эффективности лесов как поглотителей углерода. Устойчивое лесопользование также будет поощряться, а постоянные луга и болота должны быть сохранены.

Экоинновации

Внедрение экоинноваций способно вывести «зеленую» экономику на другой уровень путем повышения конкурентоспособности и потенциала предприятий, коммерциализации новых экоинновационных подходов, методов и технологий. Это напрямую связано с повышением компетенции разработчиков и управленцев на предприятиях, поэтому и была создана бельгийская инициатива «Greenskills». Цель состоит в том, чтобы повысить конкурентоспособность валлонских предприятий в укреплении их потенциала в области экоинноваций в разработке и коммерциализации новых экоинновационных подходов, методов и технологий. Темы, охватываемые «GreenSkills», были расширены и включают экологические инновации, анализ жизненного цикла, устойчивую химию, утилизацию отходов, оптимизацию энергоэффективности промышленных процессов и зданий, использование инновационных материалов для строительства и устойчивого обновления зданий.

Канада делает акцент на финансовую поддержку компаниям по всей стране для разработки, демонстрации и внедрения инновационных новых чистых технологий. Sustainable Development Technology Canada (SDTC) предоставляет финансовую поддержку компаниям по всей Канаде для разработки, демонстрации и внедрения инновационных новых чистых технологий. SDTC также запустила возможности финансирования для расширения Инновационной инициативы Онтарио по парниковым газам. По оценкам SDTC, ее проекты сократили ежегодные выбросы на 6,3 млн т CO₂, принесли годовой доход в размере \$ 1,4 млрд и в 2015 г. поддержали более 9200 прямых и косвенных рабочих мест¹.

Туризм

Рассматривая зеленый туризм, можно прийти к выводу, что основное положительное влияние «зеленого» туризма заключается в том, что он может помочь защитить окружающую среду. «Зеленый» туризм также имеет много экономических преимуществ: создает рабочие места для местных жителей, собираются деньги за счет налогообложения, которые затем могут быть реинвестированы в такие важные области, как образование и здравоохранение.

«Зеленый» туризм поддерживают ОАЭ², США³ и Германия, вводя такие инициативы как многоэтапный национальный проект под названием «Природные чудеса ОАЭ» для продвижения экотуризма в семи эмиратах; экопроект «лесные акции» и т. д. Данные проекты в основном направлены на сокращение выбросов CO₂.

Переработка отходов

Переработка отходов напрямую связана с идеями циркулярной экономики, так как пластмассы, синтетика, металл и другие материалы должны быть восстановлены путем ремонта, повторного использования, восстановления и переработки. Канада внедряет целую стратегию, посвященную сокращению пластиковых отходов и загрязнений, восстановлению ценности пластмасс путем повторного использования, в Бельгии же Brussels Environment стремится к модели с нулевым уровнем отходов в Столичном регионе Брюсселя, создавая проекты, направленные на эту цель⁴.

Сокращение углеродного следа

США, Канада и Бельгия активно реализуют региональные инициативы, которые коррелируются с сокращением углеродного следа. Осуществляются меры с разносторонним подходом к данному вопросу: внедрена система ограничения и торговли, которая влияет на суммарные выбросы промышленного сектора Канады; выделяются средства климатическому фонду (Klimaatfonds) в Бельгии, а также разработана рыночная система сокращения выбросов парниковых газов в 11 штатах США.

¹ Complementary actions to reduce emissions — Canada.ca [Электронный ресурс]. URL: https://www.canada.ca/en/services/environment/weather/climatechange/pan-canadian-framework/complementary-actions-reduce-emissions.html3_1 (дата обращения: 15.01.2022).

² Ecotourism / Knowledge / UAE Ministry of Climate Change and Environment [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moccae.gov.ae/en/knowledge-and-statistics/ecotourism.aspx?page=1> (дата обращения: 17.11.2021).

³ Best Destinations for Ecotourism in the US — Ecobnb [Электронный ресурс]. URL: <https://ecobnb.com/blog/2019/12/ecotourism-in-the-us-destinations/> (дата обращения: 18.11.2021).

⁴ ENVIRONMENT Eco-innovation Action Plan [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/environment/ecoap/sites/default/files/field/field-country-files/eio_country_profile_2018-2019_belgium.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

Заключение

Странам необходимо будет принимать взвешенные политические и инвестиционные решения, чтобы «озеленить» свою экономику. Варианты, которые открыты для них, и то, как они оценивают альтернативы и выбирают наилучший курс действий, будут варьироваться от страны к стране в зависимости от их уровня развития, структуры управления, институционального потенциала и обеспеченности ресурсами. В связи с этим не будет единой «зеленой» экономики, а скорее многообразие в этом вопросе.

Ряд стран начали брать на себя ведущую роль в разработке национальных стратегий зеленой экономики. Такие стратегии можно рассматривать как дальнейший шаг в эволюции комплексных стратегий устойчивого развития, обещающий новые инструменты и свежий подход к преодолению пробелов и проблем, возникших за последние 20 лет.

Таким образом, опыт приведенных в статье стран можно использовать для развития «зеленого» потенциала других, предпринимая следующие действия:

Дальнейшее развитие природоохранного законодательства и применение наиболее успешной практики в областях обеспечения чистоты воздуха, воды и почвы.

Внедрение мер в сельскохозяйственном секторе по сокращению выбросов парниковых газов.

Продвижение решений по экоинновациям, основанных на высоком исследовательском потенциале.

Использование законодательных и экономических инструментов для смягчения последствий изменения климата и внедрение мер по повышению энергоэффективности в городах.

Об авторах:

Алексеева Алена Николаевна, студент Санкт-Петербургского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); 100dot35sl190034@edu.fa.ru

Ачба Любовь Викторовна, профессор кафедры «Экономика и финансы» Санкт-Петербургского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; профессор; LVAchba@fa.ru

Островская Наталья Вячеславовна, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат политических наук; nvostrovskaya@fa.ru

About the authors:

Alyona N. Alekseeva, student of the St. Petersburg Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation); 100dot35sl190034@edu.fa.ru

Lybov V. Achba, Associate Professor of the Department of Economy and Finance of the St. Petersburg Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation), doctor of Economy Sciences; LVAchba@fa.ru

Natalya V. Ostrovskaya, Associate Professor of the Department of international Relations of The North-West Institute of management branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Political Sciences; nvostrovskaya@fa.ru

Основные направления сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Арктике

Веселова Д. Н.^{1, 2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС», Санкт-Петербург, Российская Федерация; daria-voronchikhina@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются основные направления партнерства России и Китая в арктической зоне, а также выделяются точки соприкосновения двух стран в Арктике. Изучаются национальные интересы Пекина и Москвы в исследуемом регионе.

Цель: определить главные сферы для сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в Арктике.

Методология и методы: неинституциональный подход, обобщение, синтез, системный подход, анализ документов.

Результаты: рассмотрены национальные интересы России в Арктике, среди которых основными являются политические и экономические: обеспечение суверенитета страны, добыча полезных ископаемых региона и развитие Северного морского пути. Изучены интересы Китая в Арктике. Автор разделил их на три группы: экономические, геополитические и экологические. Приоритетными из них являются экономические, несмотря на то обстоятельство, что китайская сторона пытается завуалировать их под экологическими. Выделены шесть направлений для дальнейшего сотрудничества между странами в Арктике: освоение нефтяных и газовых месторождений, развитие инфраструктуры Северного морского пути и увеличение объема и количества перевозок по нему, взаимодействие в области охраны окружающей среды Арктики, развитие сферы критических технологий, организация туризма, формирование технологий по добыче экологически чистой энергии. Помимо направлений для коллаборации автор затрагивает в статье и тему разногласий между государствами по тем или иным вопросам, в частности по вопросам определения правового режима территорий и акваторий Арктики, а также реализации арктической политики Москвой и Пекином.

Выводы: Несмотря на выделенные в статье области для сотрудничества, основными направлениями для взаимодействия Китая и России в Арктике являются добыча газа и нефти в российской Арктике, поставка углеводородов из России в Китай в приоритетном порядке, а также усовершенствование инфраструктуры вдоль Северного морского пути и увеличение количества перевозок по нему. Между странами можно выделить и противоречия, главным из которых является вопрос управления в арктическом регионе. Но полагаем, что в ближайшем будущем российско-китайские отношения по арктическому вопросу будут только укрепляться, так как у сторон имеется много взаимодополняющих ресурсов друг для друга.

Ключевые слова: Арктический регион; Белая книга по Арктической политике Китая; Северный морской путь; углеводородное сырье; энергетическая безопасность; национальные интересы; экологическая безопасность

Для цитирования: Веселова Д. Н. Основные направления сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Арктике // Управленческое консультирование. 2022. № 12. С. 42–61.

Main Directions of Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the Arctic

Darya N. Veselova^{1, 2}

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

²University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC, Saint Petersburg, Russian Federation; daria-voronchikhina@mail.ru

ABSTRACT

The article discusses the main areas of partnership between Russia and China in the Arctic zone, and also highlights the points of contact between the two countries in the Arctic. The national interests of Beijing and Moscow in the researched region are being studied.

Aim. To identify the main areas for cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the Arctic.

The following **methodology** and **methods** were used: neo-institutional approach, generalization, synthesis, systems approach, analysis of documents.

Results. The article considers the national interests of Russia in the Arctic, among which the main ones are political and economic: the ensuring of the sovereignty of the country, the mining of the region and the developing of the Northern Sea Route. Chinese interests in the Arctic studied. The author divided them into three groups: economic, geopolitical and ecological. The priority interests are economic ones, despite the fact that the Chinese side is trying to disguise them as ecological interests. The paper identifies six areas for further cooperation between countries in the Arctic: the development of oil and gas fields, the development of the infrastructure of the Northern Sea Route and the increase in the volume and number of transportations along it, the interaction in the field of environmental protection in the Arctic, the development of critical technologies, the organization of tourism, the formation technologies for the extraction of clean energy. In addition to directions for collaboration, the author also touches upon the topic of disagreements between states on various issues, in particular on the issues of the determining of the legal regime of the territories and water areas of the Arctic, as well as the implementation of the Arctic policy by Moscow and Beijing.

Conclusions. The main areas for cooperation between China and Russia in the Arctic are gas and oil production in the Russian Arctic, the supply of hydrocarbons from Russia to China as a priority, as well as the improving infrastructure along the Northern Sea Route and the increasing of the number of transportation along him despite the areas for cooperation identified in the article. Contradictions can also be distinguished between countries, the main of which is the issue of the governance in the Arctic region. But we believe that Russian-Chinese relations on the Arctic issue will only strengthen in the near future, as the parties have many complementary resources for each other.

Keywords: the Arctic region, White paper «China's Arctic Policy», the Northern Sea Route, the hydrocarbon feedstock, the energy security, national interests, environmental safety.

For citing: Veselova D.N. Main directions of cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the Arctic // Administrative consulting. 2022. N 12. P. 42–61.

Введение

Арктический регион в последние два десятилетия привлекает своими богатствами не только приарктические государства, но и страны, чьи территории находятся на далеком расстоянии от полярного круга. Одной из таких стран является Китай.

Для Пекина Арктика интересна, в первую очередь, с экономической точки зрения. Это добыча полезных ископаемых, в том биологических ресурсов, плавание по морям Северного Ледовитого океана, развитие арктического туризма. Также КНР преследует геополитические и экологические цели в регионе. В 2018 г. страна

приняла первый документ, закрепляющий арктическую политику, — Белую книгу, в которой делается акцент на дальнейшем проявлении активности Китая в исследуемой точке планеты.

Российская Федерация является арктической страной. Арктическая зона занимает около 20% всей ее территории. Начиная с 2008 г., Россия преследует цель социально-экономического развития Арктики. Для достижения данной цели стране требуются многочисленные денежные и материальные ресурсы, в том числе инвестиционная поддержка других заинтересованных в развитии региона государств.

Китай может стать надежным партнером России в указанной сфере. Китайское финансирование поможет развитию инфраструктуры портов, других транспортных узлов, расположенных вдоль Северного морского пути; добыче и переработке полезных ископаемых, залегающих как на материковой части российской Арктики, так и на континентальном шельфе, а также поможет обеспечить экологическую безопасность в регионе.

В этой связи представляется весьма актуальной темой для исследования вопрос направлений сотрудничества двух стран в Арктике.

Целью данной работы является определение основных областей коллаборации России и Китая в Арктическом регионе.

Для достижения цели решаются научные *задачи*, среди которых следует выделить следующие:

- 1) рассмотрение основных интересов России в арктическом регионе;
- 2) выявление национальных интересов Китая в Арктике;
- 3) определение направлений для сотрудничества двух стран на Крайнем Севере;
- 4) изучение возможных противоречивых моментов при проведении Россией и Китаем арктической политики.

За последние 5 лет *научная заинтересованность* в вопросе сотрудничества между Китаем и Россией в Арктике выросла, но все же количество политологических исследований по данному направлению остается небольшим. Учеными, занимающимися изучением партнерства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, являются В. П. Журавель [6; 7], А. Л. Колзина [10], Н. С. Куделькин [20], А. А. Миндубаева [10], К. М. Михайличенко [15], В. Е. Петровский [17], В. Ф. Печерица [18], Т. В. Редникова [20], В. В. Синиченко и Г. С. Синиченко [22], А. А. Федорова [24], Ng. Nicole [32], Paul Stronski [32] и другие деятели науки. Исследованием арктической политики Китая занимались Ван Цзюньтао [1], Д. В. Киселев [9], М. А. Кобзева [12], И. Н. Комиссина [11], В. Н. Конышев [12], Н. С. Куделькин [20], В. Ф. Печерица [19], Т. В. Редникова [20], М. Bennett [27], L. Jakobson [28], Jingchao Peng [28], Т. Koivurova [31], E. Nielsson [31], Y. Serafettin [30], M. G. Śmieszek [31] и другие. Вопрос национальных интересов России в Арктической зоне затронут в трудах таких ученых, как А. М. Васильева [16], Д. Н. Веселова (Ворончихина) [3; 4], Е. С. Горячевская [29; 33], В. П. Журавель [21], С. В. Иванов [33], А. В. Кижалева [8], Н. И. Комков [29], С. А. Липина [21], Р. Р. Наговицын [16], В. А. Пушкарев [21], И. А. Родионова [21], В. С. Селин [29], В. А. Цукерман [29; 33] и других исследователей.

Среди использованных для подготовки статьи *источников* следует выделить нормативно-правовые акты Российской Федерации, в которых закреплены основы проведения арктической политики России, Белую книгу по Арктической политике Китая. Теоретико-методологическая база исследования сформировалась также под влиянием идей, сформулированных в специализированных научных изданиях, монографиях, статьях в журналах и сборниках по арктической, политической и экономической тематике; интернет-ресурсах, затрагивающих вопросы проведения арктической политики Россией и Китаем.

Методология исследования

В качестве методологической базы использован неоинституциональный подход.

Применение неоинституционального подхода в работе позволило включить в поле анализа не только формально-правовые нормы, содержащиеся в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, в Белой книге по Арктической политике Китая, определяющие цели, задачи, мероприятия и направления деятельности стран в Арктике, но и неформальные аспекты проводимой акторами политики, которые в условиях глобализации занимают значительное место при выборе правильных решений и поведения для проведения эффективной политики в данном регионе планеты.

В работе также использованы общенаучные и специальные научные методы такие, как обобщение, синтез, системный подход, анализ документов. В частности, автор рассматривает положения документов Российской Федерации по реализации арктической политики, а также нормы Белой книги Китая. В статье также изучены и систематизированы направления для партнерства России и Китая в Арктике, а также определены возможные точки соприкосновения при проведении странами арктической политики.

Результаты исследования

Интересы России в Арктике

Российская Федерация является арктической страной. Арктическая зона занимает 18% ее территории, что составляет порядка 3 млн км² [4, с. 3].

О новом постсоветском этапе формирования политики в арктической зоне России можно говорить с начала XXI в. Точкой отсчета является принятие в 2008 г. основополагающего документа — Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (далее — Основы 2008). В 2020 г. данный документ был заменен на новый — Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (далее — Основы 2020).

Основы 2020 выделяют шесть основных национальных интересов России в Арктике, к которым относятся: обеспечение суверенитета и территориальной целостности страны; сохранение Арктики как территории мира и партнерства; обеспечение высокого качества жизни и благосостояния населения Арктической зоны РФ; развитие Арктического региона в качестве стратегической ресурсной базы и ее рациональное использование в целях ускорения экономического роста России; развитие Северного морского пути в качестве конкурентоспособной на мировом рынке национальной транспортной коммуникации РФ и, наконец, охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих в Арктической зоне РФ [4, с. 34].

По факту все интересы России в Арктике сводятся к обеспечению суверенитета государства, развитию Арктического региона в качестве стратегической ресурсной базы и развитию Северного морского пути (далее — СМП), в первую очередь, в качестве национального транспортного морского коридора.

Для обеспечения суверенитета России и ее территориальной целостности предполагается усиление военного присутствия в российской Арктике. Уже с 2016 г. на острове Котельный функционирует база «Северный Клевер», которая представляет собой первый в Вооруженных Силах России военный городок замкнутого цикла,

построенный в Арктике. В городе проживают 250 военнослужащих, отвечающих за средства наблюдения за морем и воздушной средой, также на территории базы расположены средства береговой обороны, в том числе противокорабельные ракеты. В целом к 2021 г. военные перестроили и расширили множество объектов в полярном регионе, отремонтировали взлетно-посадочные полосы и развернули активы противовоздушной обороны [4, с. 41]. Для функционирования военных подразделений в российском секторе Арктики на 2020 г. действовало уже четыре военных аэродрома, сейчас строятся и реконструируются еще девять: Североморск-1, Рогачево, Тикси, Темп, Североморск-3, Нарьян-Мар, Воркута, Алыкель, Анадырь [4, с. 41]. Таким образом, несмотря на многочисленные возмущения других приарктических государств и стран Западной Европы относительно усиления военного присутствия на арктических территориях российских военнослужащих, основная цель Российской Федерации сводится к обеспечению военной безопасности страны, в частности, и сохранению суверенитета России, в общем.

Арктика является главным национальным богатством России и ее основной стратегической ресурсной базой. На этой территории создается 12–15% ВВП страны, обеспечивается около четверти экспорта России (газ, нефть, цветные металлы, рыба) [3, с. 66; 4, с. 29]. Наличие залежей углеводородного сырья на континентальном шельфе российской Арктики позволяет говорить о нефтегазовом комплексе как о первостепенной отрасли в структуре хозяйства Арктической зоны РФ. Извлекаемые ресурсы углеводородов континентального шельфа российской Арктики составляют свыше 83 млрд. тонн условного топлива [3, с. 66; 4, с. 30]. Около 70% всех разведанных углеводородных ресурсов приходится на Баренцево, Печорское и Карское моря [4, с. 30]. В целом, месторождения нефти и газа континентального шельфа арктических морей являются долгосрочным резервом нефтегазового комплекса Российской Федерации.

Кроме залежей углеводородного сырья в Арктике имеются огромные запасы и прогнозные ресурсы рудных металлов: медных, никелевых, оловянных, железных руд, и других полезных ископаемых: платиноидов, редких металлов и редкоземельных элементов, золота, алмазов, вольфрама, ртути, оптического сырья, марганца, серебра, флюорита, поделочных камней и угля. Ресурсы полезных ископаемых сосредоточены в северных частях Кольской, Таймыро-Норильской, Маймеча-Котуйской и Уджинской, Таймыро-Североземельской, Анабарской и Якутской, Верхоянской и Яно-Чукотской провинциях [4, с. 30]. Основные запасы угля находятся в Таймырском бассейне [4, с. 30]. В связи с этим одну из главных ролей в социально-экономическом развитии российской Арктики играет горная промышленность, которая представлена предприятиями цветной и черной металлургии.

По оценкам специалистов общая стоимость разведанных запасов энергетического и минерального сырья недр российской Арктики составляет около 3 трлн долл., на долю углеводородов приходится около двух третей [4, с. 30].

Рыбный комплекс арктической зоны РФ занимает третье место в хозяйственной структуре данного региона. В арктических морях добывается более трети рыбы и морепродуктов России. Наиболее богаты рыбными ресурсами Баренцево и Берингово моря [4, с. 31].

Интерес России в развитии Арктического региона в качестве стратегической ресурсной базы с каждым годом все увеличивается, что связано с богатством российской Арктики биологическими и минерально-сырьевыми ресурсами.

Развитию Северного морского пути способствует политика России по формализации его в качестве национальной морской транспортной магистрали. Для этой цели Приказом Минтранса России от 17.01.2013 были утверждены «Правила плавания в акватории Северного морского пути», которые определили порядок организации плавания судов в акватории Северного морского пути, правила ледоколь-

ной проводки судов в акватории Северного морского пути, правила проводки судов по маршрутам в акватории Северного морского пути, требования к судам, касающиеся безопасности мореплавания и защиты морской среды от загрязнения с судов [4, с. 35–36] и другое. Ранее в декабре 2012 г. была утверждена Государственная программа Российской Федерации «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2030 годы», в которой создание конкурентоспособной специализированной морской техники для освоения континентального шельфа и Северного морского пути определено одним из приоритетных направлений государственной политики в области развития судостроительной промышленности [4, с. 36].

СМП важен как для социально-экономического развития региона и страны в целом, в том числе для перевозки добытого сырья, для северного завоза, свободного выхода российского флота в Атлантику, так и для международных перевозок. В частности, развитием СМП заинтересован Китай. Его интересы сводятся к перевозке товаров из Китая в Зарубежную Европу и поставке сырья из России в КНР.

Стоит отметить, что только Российская Федерация на данный момент обладает единственным в мире атомным ледокольным флотом [4, с. 32].

Таким образом, основными национальными интересами России в Арктике являются обеспечение суверенитета страны, добыча полезных ископаемых региона и развитие Северного морского пути.

Интересы Китая в Арктике

Китай не входит в число арктических стран. Он удален от Арктики на тысячи километров. Его интересы переплетаются с интересами России, но все же у Поднебесной имеется заинтересованность в развитии Арктики иного рода. Можно выделить три группы интересов Китая в Арктике: экономические, геополитические и экологические.

Экономические интересы Китая связаны с наличием залежей на арктических территориях большого количества полезных ископаемых. Этим обусловлена попытка КНР в 2011 г. заключить с Исландией соглашение о долгосрочной аренде земельных участков для добычи полезных ископаемых и иных целей [12, с. 85].

В последние годы проблема китайского смога все чаще появляется в заголовках СМИ. Основная причина смога кроется в активном использовании Китаем угля. В стране работают угольные электростанции и иные промышленные предприятия. Их отходы формируют воздушный слой над городами, который блокирует местные выделения и мешает им рассеиваться [9, с. 154]. В итоге происходит загрязнение окружающей среды региона и ухудшение состояния здоровья населения. Выходом из сложившейся ситуации является использование иных источников энергии, в первую очередь, природного газа, в том числе из России. Уже заключены контракты Китая на поставку газа с нашей страной [9, с. 154]. Из России в Китай поступает сжиженный газ с завода Ямал-СПГ.

Кроме того, взгляд Китая пал на развитие альтернативной энергетики в арктическом регионе. Использование отдельных альтернативных источников энергии (ветровых, солнечных установок) является слишком затратным и нецелесообразным в силу экстремальных климатических условий, в связи с чем наиболее перспективными источниками являются комбинированные установки, представляющие собой сочетание различных технологий получения альтернативной энергии, в том числе с использованием в безветренные и бессолнечные дни дизель-генераторов [9, с. 155].

Китайские компании также стремятся поставлять свое геофизическое и буровое оборудование российским предприятиям для добычи на арктическом шельфе по-

лезных ископаемых. При этом китайские производители хотят осуществлять техническое сопровождение своей продукции, а также мониторинг эксплуатации буровой техники в сложных арктических условиях [6, с. 128].

Таким образом, топливно-энергетические ресурсы Арктики могут способствовать не только решению экологических проблем Китая и обеспечить энергетическую безопасность страны, но и в будущем Китай сможет получать доход от инвестирования в развитие альтернативной энергетики в регионе.

Вторым направлением экономических интересов КНР является осуществление морских перевозок по Северному морскому пути. СМП является самым коротким и безопасным морским маршрутом из Китая в Европу. Расстояние между портами Северного Китая и Западной Европы, Северным морем и Балтийским морем на 25–55% короче традиционных судоходных маршрутов. В среднем для перехода из Европы в Китай по СМП нужно 25 дней и 625 т мазута, а при использовании Суэцкого канала — 35 дней и 875 т мазута [22, с. 925].

На сегодняшний день для ведения торговли суда КНР проходят через Малаккский пролив, находящийся под контролем Малайзии. Любое обострение спора за острова в Южно-Китайском море может повлечь за собой блокаду пролива. Перевозки по второму пути, через Суэцкий канал и Средиземное море, осложняются нестабильной обстановкой в странах Северной Африки и пиратством [24, с. 24]. Говорить о безопасности указанных морских маршрутов не приходится.

Осенью 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул концепцию создания «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского пути XXI века», результатом объединения которых стало провозглашение идеи «Один пояс, один путь». 20 июня 2017 г. Государственное океанографическое управление и Национальный комитет по развитию и реформам КНР опубликовали совместную работу под названием «Концепция морского сотрудничества в строительстве “Пояса и пути”», в которой предлагалось добавить к «Морскому Шелковому пути XXI века» еще один экономический коридор: через Северный Ледовитый океан в Европу. Магистраль включает в себя Северный морской путь и Северо-Западный проход [24, с. 24]. Кроме того, в данном документе упомянуто намерение китайской стороны участвовать в освоении, использовании и развитии Арктики [15, с. 334], что говорит об официальном объявлении Китаем своей заинтересованности в использовании Северного Морского пути.

К экономическим интересам Китайской Народной Республики можно отнести и развитие арктического туризма. Китай собирается поощрять свои туристические агентства при сотрудничестве с приарктическими государствами, в первую очередь, с Россией, в развитии туризма в Арктике [15, с. 337], что будет способствовать в том числе модернизации инфраструктуры (портов, гостиниц, ресторанов, дорог и т. п.) арктических населенных пунктов.

Геополитические интересы Поднебесной связаны со стремлением Китая присутствовать во всех уголках мира и Мирового океана. В 2018 г. китайское универсальное грузовое судно ледового класса Tian En, осуществило свое первое плавание по Северному морскому пути. Однако китайское судно сопровождали атомные ледоколы России [2]. Интерес Китая же заключается в беспрепятственной перевозке своих грузов и товаров по Северному морскому пути. Для этих целей КНР планирует строительство собственного ледокольного флота. До осени 2018 г. у КНР было лишь одно судно ледового класса «Хуе Лонг» («Сюэлу», «Снежный дракон»), построенное в 1993 г. на Херсонском судостроительном заводе на Украине. КНР купила его в 1994 г. В сентябре 2018 г. произошел спуск на воду первого ледокола собственного производства «Хуе Лонг 2» («Сюэлу 2», «Снежный дракон 2») [2]. Данное событие укрепило позиции Китая в собственном присутствии в арктическом регионе. Но КНР намного уступает России в данном направлении, потому в бли-

жайших планах Пекина строительство третьего «Снежного дракона», который сможет ломать лед толщиной около 3 м и выдерживать температуры до 45° по Цельсию [2]. Наличие собственных ледоколов класса «Снежный дракон 3» позволит Китаю не только не зависеть от «Росатомфлота», но и сократить расходы на фрахт судов-перевозчиков. Согласно планам создания собственного ледокольного флота к 2035 г. должно быть построено шесть авианесущих ледоколов [10, с. 190]. Кроме того, Пекин задумывается о строительстве собственного атомного ледокола [27]. Строительство судов ледового класса позволит «Поднебесной» стать ледокольной державой и заявить о своем обязательном присутствии в водах Северного Ледовитого океана.

Политическая заинтересованность Китая тесно связана с межрегиональной и глобальной повесткой в Арктике, в особенности с вопросами изменения климата, проведения научных исследований, использования морских транспортных магистралей, разведки и добычи полезных ископаемых, обеспечения глобальной безопасности и управления¹. В 2013 г. после долгих лет ожидания Китай получил статус наблюдателя при Арктическом Совете [28, с. 12].

Таким образом, ввиду повышенного внимания к Арктике международного сообщества, Китай, желая находиться на лидирующих позициях в осуществлении мировой политики, также стал проявлять политическую и экономическую заинтересованность к этому региону. В настоящее время Пекин старается сформировать инфраструктуру, нарастить технологический и кадровый потенциал для плотного участия в освоении арктических ресурсов и маршрутов. Некоторые эксперты считают, что в будущем, в случае строительства Поднебесной собственных объектов инфраструктуры в Арктике, для их охраны и защиты интересов китайских предпринимателей, потребуется военное присутствие Китая в Арктике [23]. Такое положение дел натолкнется на сопротивление как с российской стороны, так и со стороны других приарктических государств, которые уже сейчас с недоверием относятся к планам Китая по присутствию в арктическом регионе.

Экологические интересы Китая связаны с климатическими изменениями в Арктике, прямым образом затрагивающие и социально-экономическое развитие КНР. Арктика является климатообразующим регионом. Северный Ледовитый океан сильно влияет на циркуляцию воды в Мировом океане и движение воздушных масс. В связи с этим климатические изменения, вызванные повышением температуры в регионе, повлекли за собой таяние арктических льдов, повышение уровня моря, увеличение количества экстремальных погодных явлений и утрату биологического разнообразия. Эти последствия затронули также экономические интересы Китая в сельском и лесном хозяйстве, рыбном промысле, мореплавании и в других отраслях хозяйствования. Так, в КНР усиливаются наводнения в прибрежных городах, участились заморозки в ряде мест [19, с. 11]. Увеличение количества туманных дней в Восточном Китае также связывают с потеплением в исследуемом регионе и потерями льда в арктических морях².

Для исследования изменений климата в Арктике, китайское правительство разработало комплексную программу в составе проекта «Арктическая экспедиция» [1, с. 14], согласно которой каждый год проводятся экспедиции в Арктику, расширяется состав полярных станций и строятся новые. Самая крупная из этих станций

¹ Сунь Сюэнь. Противоречия в понимании арктических вопросов Россией и Китаем — действительно ли они существуют? // Российский совет по международным делам. 2018. 27 мая [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/sunxiuwen/34193/?sphrase_id=12963058 (дата обращения: 24.02.2022).

² Китай в Арктике. Политика, стратегии и возможности для Аляски // Росконгресс: офиц. сайт. 2020. 24 сент [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/kitay-v-arktike-politika-strategii-i-vozmozhnosti-dlya-alyaski/> (дата обращения: 24.02.2022).

Хуанхэ находится на архипелаге Шпицберген. Изучение климата Арктики осуществляется совместными силами китайских, норвежских, датских, исландских и российских ученых [19, с. 11]. Ежегодно Китай тратит около 63 млн долл. на полярные исследования, что примерно равнозначно затратам на эти цели Южной Кореи и значительно больше затрат США. На ближайшее время запланировано увеличение количества ученых, занимающихся полярными вопросами [31, с. 53]. В стране создано несколько НИИ, которые проводят исследования непосредственно арктического региона, среди них Полярный исследовательский институт Китая (PRIC) в Шанхае, Китайский институт морских исследований в Пекине, Институт океанологии в Циндао [11, с. 56]. Кроме этих учреждений изучением Арктики занимаются ученые из Морского университета в Даляне, Университета Сямынь, Университета Тунцзи в Шанхае, из Китайского антарктического центра топографии и картографирования Университета Вухань, Китайского Центра исследования морских вопросов в Циндао и исследователи из Океанического института в Чжецзяне [7, с. 114].

По мнению китайских экспертов, результаты исследований стране необходимы для получения более глубокого представления о негативных последствиях изменения климата в арктическом регионе на окружающую среду Китая и его социально-экономическое развитие [7, с. 114].

По оценке российских и иностранных экспертов, на данный момент КНР продвинулась в плане научно-технического освоения Арктики дальше многих арктических держав, включая и Россию, и из неарктических стран располагает самой активной и дифференцированной научно-исследовательской программой по изучению Арктики. Глубокие исследования ведутся по океанографии, арктической биологии, геологоразведке в полярных широтах, глубинному бурению на арктическом континентальном шельфе и по другим направлениям [19, с. 11; 30, с. 17].

Несмотря на то что Китай акцентирует внимание на своих экологических интересах в Арктике, связанных, в первую очередь, с проведением исследований в области изменения климата в регионе, главными причинами повышенного внимания Китая к арктическим территориям являются экономический, связанный с разведкой и добычей полезных ископаемых, в том числе биологических ресурсов, в Арктике, освоением и развитием Северного морского пути в рамках проекта Ледового Шелкового пути, и геополитический, направленный на закрепление за Китаем статуса ледокольной державы и роли активного игрока в регионе, интересы.

Обсуждение

Ранее были рассмотрены национальные интересы Китая и России в Арктическом регионе. Исходя из них, можно выделить как направления для сотрудничества двух стран, так и противоречия между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой при реализации политики в Арктике.

В первую очередь, сотрудничество развивается и крепнет в сфере освоения нефтяных и газовых месторождений на российском Севере.

Как уже было ранее подмечено, в Китае в связи с интенсивным использованием угля ухудшилась экологическая обстановка в городах. Если раньше смогом покрывался только Пекин, то сейчас эта проблема распространилась на всю территорию Китая. Одной из мер для выхода из сложившейся неблагоприятной ситуации служит использование страной альтернативных источников энергии. В первую очередь, Китай планирует перейти в энергетике с использования угля на использование природного газа [14, с. 37]. Российские залежи газа на материковой части Крайнего Севера России и на континентальном шельфе являются весьма привлекательными

для Пекина. Ради поставок газа по приемлемым ценам КНР готова предоставлять инвестиции для освоения месторождений газа и нефти. При этом китайская сторона проявляет интерес к сжиженному природному газу (далее — СПГ), чтобы избежать долгого и дорогостоящего строительства трубопроводов. Для перевозки танкеров с СПГ используется Северный морской путь.

Крупнейшим совместным проектом Китая и России стал проект «Ямал-СПГ» — проект по добыче, производству и транспортировке сжиженного природного газа. Производственные мощности «Ямал-СПГ» сооружены во многом благодаря участию китайского капитала. Так, в 2014 г. 20% акций приобрела компания «CNODC», дочерняя компания китайской нефтяной корпорации «CNPC», и в 2016 г. 9,9% акций купил Фонд Шелкового пути [15, с. 338].

Кроме финансирования проекта, Китай осуществляет поставку буровых машин и несет ответственность за операционную деятельность 14 из 15 танкеров-газовозов, а также осуществляет иные виды технической помощи [15, с. 338]. Китайские заводы в Ланчжоу, Шаньдуне, Шанхае и других городах поставляют на этот объект современные теплообменники для установок сжиженного газа (85% всех моделей). Преимуществом для КНР является приоритетная закупка готовой продукции. Так, Китайская государственная нефтяная компания («CNPC») покупает ежегодно 3 млн т ямальского СПГ [18, с. 47; 33]. Стоит отметить, что завод Ямал-СПГ был запущен в эксплуатацию досрочно во многом благодаря китайским инвестициям.

В 2014 г. компания «Новатэк» инициировала запуск проекта «Арктик СПГ-2». Проект подразумевает строительство нового завода по сжижению природного газа на полуострове Гыдан, примерно в 70 км от завода «Ямал СПГ». Инвестиции в этот проект оцениваются примерно в 10 млрд долл. [25; 29, с. 35]. В апреле 2019 г. в рамках Второго форума высокого уровня по международному сотрудничеству «Один пояс, один путь» компания «Новатэк» подписала соглашение с китайскими компаниями «CNODC» и «CNOOC» о приобретении последними 20% акций «Арктик СПГ-2» [18, с. 47]. Строительство нового завода по сжижению газа вновь предполагается осуществлять за счет китайских инвесторов. Планируется, что «Арктик СПГ-2» начнет работу в 2023 г.

В целом, сотрудничество в области совместного освоения месторождений углеводородов выгодно для обеих стран. Для России выгода состоит в быстром освоении арктических месторождений, а также в наличии постоянного закупщика природного газа. С геополитической точки зрения увеличение экспорта российского СПГ в перспективе может вылиться в лидерство страны среди других газодобывающих и газоперерабатывающих государств. Кроме того, это покажет самостоятельность и независимость страны от западных финансовых и технологических ресурсов.

Китайская же сторона выигрывает от наличия больших полномочий на закупку готовой продукции завода Ямал-СПГ, что, в свою очередь, может благоприятно сказаться на улучшении экологической ситуации в стране. Также опыт работы китайских компаний в суровых условиях Арктики в будущем сможет обеспечить им статус компаний, занимающихся производством оборудования для добычи углеводородов в сложных климатических условиях.

Второе направление сотрудничества связано с развитием инфраструктуры Северного морского пути и увеличением перевозок по нему.

В июле 2017 г. во время визита в Россию председатель КНР Си Цзиньпин и президент РФ В.В. Путин достигли важной договоренности о развитии Северного морского пути и создании Ледового Шелкового пути [5, с. 13–14]. Предполагается, что СМП будет являться частью Ледового Шелкового пути (ЛШП), наряду с Северо-Западным проходом.

Ледовый Шелковый путь — это морская магистраль, проходящая через северный полярный круг. Для ее развития необходимо формирование и укрепление транс-

портно-логистической системы вдоль СМП, включающей строительство и модернизацию портов и железных дорог.

В совместных планах двух стран находится модернизация морских портов Саббета, Тикси, Уэлен, Мурманск и Архангельск. Все эти порты важны как для российской стороны, так и для китайской. Так, реконструкция порта Саббета связана с реализацией совместного газодобывающего проекта «Ямал-СПГ». Порты Мурманск и Архангельск в ближайшем будущем могут стать основными транспортными узлами на пути в Европу [15, с. 339], что также вызывает интерес у КНР.

В сентябре 2016 г. между Россией и Китаем состоялось подписание соглашения о строительстве глубоководного порта в Архангельске. Проектом строительства предусматривается создание современного мультимодального хаба, включающего четыре универсальных и два специализированных терминала совокупной мощностью до 38 млн т в год. Сроком окончания работ обозначен 2035 г. Кроме того, в рамках проекта планируется проложить подъездную автомобильную и железную дороги к порту. Основную часть перспективного грузооборота будут составлять нефтепродукты и газовый конденсат добывающих компаний Арктической зоны [13, с. 198].

В марте 2017 г. на международном форуме «Арктика — территория диалога» состоялось подписание акционерных соглашений с пулом инвесторов концессии, среди которых были и представители китайской стороны, по строительству современного высокотехнологичного глубоководного порта и угольного терминала «Лавна» в рамках Мурманского транспортного узла, позволяющего переваливать 18 млн т угля в год. Предполагается, что объем инвестиций в данный проект составит 300 млн долл. [13, с. 198].

Китай также планирует расширение транспортного сотрудничества с Россией в рамках использования портов Дальнего Востока и переходов Приморье-1, Приморье-2 и Приморье-3 [18, с. 47].

Касательно сотрудничества по строительству железных дорог, в сентябре 2015 г. было подписано соглашение между Россией и КНР о совместной реализации инфраструктурного проекта железнодорожной магистрали Белое море — Коми — Урал («Белкомур»). Китайская компания Poly International Holding Co готова вложить в проект «Белкомур» до 5,5 млрд долл.¹

Развитие СМП и прилегающей к нему инфраструктуры дает возможность развитию китайских портов Северо-Восточного Китая и провинции Шаньдун (Далаян и Циндао) [23] в рамках проекта Ледового Шелкового пути в связи с планированием увеличения нагрузки на данные объекты.

В случае улучшения инфраструктуры вдоль СМП увеличится и объем транспортных перевозок. Повышение температуры в арктических морях, полное освобождение ото льда морских пространств в летние месяцы к середине века также способствуют их увеличению. Как уже было ранее написано, маршрут СМП короче, быстрее и безопаснее, а, значит, и более выгоден с экономической точки зрения.

Первый коммерческий рейс китайского судна состоялся в августе-сентябре 2013 г., когда сухогруз «Йонг Шенг» вышел из порта Далайянь 8 августа и прибыл в порт Роттердам 10 сентября, став первым в истории коммерческим рейсом, совершенным через арктический регион из Китая в Европу [22, с. 925]. С тех пор за 8 лет уже сотни китайских контейнеровозов и танкеров прошли по СМП. Стоит отметить, что объем перевозок по этому маршруту из года в год только возрастает [18, с. 46]. Использование китайскими компаниями Северного морского пути позволяет экономить до 30% времени и затрат на доставку товаров в Европу [26, с. 89]. Российская

¹ К 2047 году Соликамско-Березниковский узел развяжут с севера на юг // РБК: офиц. сайт. 2018. 21 февр [Электронный ресурс]. URL: <https://perm.rbc.ru/perm/freenews/5a8d32669a7947eae6495e39> (дата обращения: 24.02.2022).

же сторона обеспечением ледокольного сопровождения иностранных судов, в частности китайских, и предоставлением портовых услуг увеличивает объем собственного ВВП.

Таким образом, развитие и модернизация инфраструктуры Северного морского пути выгодна как китайским компаниям, которые остаются «в плюсе» при перевозке грузов по маршруту СМП, китайским властям, для которых развитие транспортно-логистической системы вдоль СМП дает возможность безопасно перевозить СПГ и модернизировать собственные порты в связи с увеличением нагрузки на них, так и для России, обеспечивающей социально-экономическое развитие Арктической зоны.

Еще одним направлением для совместной деятельности двух стран выступает содействие в области охраны окружающей среды Арктики. О начале сотрудничества в данной сфере можно говорить с мая 1994 г., когда между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики было подписано Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды. К сожалению, на данный момент двустороннее соглашение, посвященное исключительно вопросам охраны окружающей среды Арктики, не принято [20, с. 30], что является серьезным упущением. В первую очередь, такое соглашение необходимо для российской стороны, так как хозяйственная деятельность Китая в российской Арктике может навредить уникальной и хрупкой экосистеме региона.

Сотрудничество в данной сфере осуществляется как в рамках совместного участия России и Китая в международных научно-экспертных дискуссиях по проблемам обеспечения экологической безопасности в Арктике, так и путем проведения совместных научно-исследовательских экспедиций в данный регион планеты. Так, обе страны принимают участие в таких международных организациях как Арктический Совет, Международный научный арктический комитет, Тихоокеанская арктическая группа, Арктический сектор и др. Среди тем для обсуждения на данных международных площадках часто можно увидеть вопросы изменения климата и сохранения и защиты окружающей среды в арктическом регионе [33]. Кроме того, и российские ученые, и китайские исследователи совместно с профессорами из других стран пытаются выработать научные рекомендации по защите северной природы [18, с. 48] и созданию безопасных условий жизнедеятельности для местного населения.

С 1995 г. Китай проводит научно-исследовательские экспедиции в Арктике. Осуществлено уже более 10 экспедиций. В сентябре 2020 г. была осуществлена российско-китайская экспедиция, результатом которой стал сбор данных для изучения современных океанологических условий и получения осадочных колонок для проведения палеоокеанологических и палеоклиматических реконструкций¹.

Совместные экспедиции и исследования, в особенности применение современных технологий Китая (например, автономный подводный робот «Таньсо 4500»), помогут укрепить сотрудничество между двумя странами, а также лучше понять природу происходящих в Арктике климатических изменений.

С 2013 г. в Шанхае функционирует международный Центр арктических исследований, созданный государствами Северной Европы и КНР. Подобный центр можно создать и в России или же дать возможность российским ученым проводить исследования в рамках Шанхайского международного Центра арктических исследований.

¹ Экспедиция в Арктику — 2020. Исследования ТОИ ДВО РАН в Чукотском, Восточно-Сибирском морях и море Лаптевых // Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева Дальневосточного отделения Российской академии наук: офиц. сайт. 2020. 10 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poi.dvo.ru/index.php/ru/node/1201>(дата обращения: 24.02.2022).

Партнерство двух стран можно развить и в области критических технологий, в первую очередь, в строительстве ледоколов. Россия обладает единственным в мире атомным ледоколом и имеет большой опыт в строительстве дизельных. Китай же планирует создать свой собственный ледокольный флот и даже построить атомный ледокол. С одной стороны, сотрудничество в данной области представляется для российской стороны невыгодным, так как она потеряет часть средств от проводки китайских судов через СМП. С другой стороны, при взаимной договоренности двух стран партнерство в области критических технологий сможет со временем развиться и окрепнуть. Например, вариантом взаимодействия может выступать инвестирование Китаем проектов «Росатома», который, в свою очередь, разрешит китайским компаниям осуществлять совместные технологические разработки¹ для получения опыта в данной сфере.

Содействие Китая и России может также проявляться при организации туризма в районах Крайнего Севера. Если Пекин выделит финансирование и заложит в регионе основы таких видов туризма, как экологический, этнологический, низкоуглеродный, ответственный, то это положительно повлияет на инфраструктуру в Арктике. Так, произойдет модернизация российских транспортных путей (портов, дорог), увеличится число гостиниц, ресторанов, иных туристических объектов в арктических населенных пунктах. Также мы можем говорить о сохранении культуры и традиций коренных народов Севера и об обеспечении последних трудовой деятельностью, что благоприятно скажется на уровне социально-экономического развития местного населения.

И наконец, сотрудничество двух стран может осуществляться в области становления экологически чистой энергетики в российской Арктике. В Белой книге Китая особо отмечается, что «арктический регион может похвастаться изобилием геотермальных, ветровых и других экологически чистых энергетических ресурсов»².

Интерес Китая в этом случае состоит в расширении обмена технологиями между странами, в обучении сотрудников компаний в этой области, а в последующем в поставках чистой энергии в страну³. При этом говорить о налаживании взаимодействия между Китаем и Россией в этом направлении на данном этапе рано. Сотрудничество в области производства и развития экологически чистой энергии сейчас возможно лишь между КНР и другими приарктическими государствами, в первую очередь, скандинавскими, которые имеют опыт в рассматриваемой области. В последующем совместная деятельность будет реализовываться и между Россией и Китаем, когда последний наберется опыта у «профессионалов». Интерес же российской стороны очевиден, он состоит в развитии низкоуглеродной энергетики в Арктике.

Таким образом, можно выделить как минимум шесть направлений деятельности, при осуществлении которых возможно сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики. И все же среди них основными сферами партнерства являются развитие инфраструктуры портов и железнодорожных магистралей, расположенных вдоль границы Северного морского пути, и увеличение объема перевозок по нему, а также освоение месторождений полезных ископаемых, в первую очередь, природного газа на Крайнем Севере.

Для России Китай является страной-инвестором при реализации проектов по

¹ Северный морской путь. Китайский «Ледовый Шелковый путь» // NOVELKO: сайт. 2020. 25 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://novelco.ru/press-tsentr/severnny-morskoy-put-kitayskiy-ledovyy-shelkovyy-put/> (дата обращения: 24.02.2022).

² Арктическая политика Китая (ч. 2) // Северный Форум: офиц. сайт. 2018. 06 февр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.northernforum.org/ru/news-ru/359-china-s-arctic-policy-3> (дата обращения: 24.02.2022).

³ Там же.

социально-экономическому развитию Арктической зоны РФ, что характерно при осуществлении сотрудничества по всем выделенным в работе направлениям. Также КНР — это один из основных импортеров сжиженного природного газа.

Пекин же заинтересован не только в финансировании российских арктических проектов. Для Китая важны также и российские технологии ледокольного судостроения, и получаемый сотрудниками китайских компаний опыт работы в суровых климатических условиях Крайнего Севера, что в последующем поможет обрести независимость от российского сопровождения судов при перевозке грузов по СМП. Кроме того, Поднебесная готова поддерживать российские добывающие и перерабатывающие компании, в том числе предоставляя им оборудование, при разработке месторождений полезных ископаемых в Арктике, что позволит поддерживать энергетическую и экологическую безопасность в Китае.

В то же время следует остановиться и на противоречиях, возникающих между Россией и Китаем по тем или иным вопросам.

Еще в 2010 г. китайский контр-адмирал Инь Чжо продекларировал, что «Арктика принадлежит всему миру, так что ни у одного народа нет над ней единоличной власти»¹. Данным высказыванием показана позиция китайского руководства относительно управления в арктическом регионе. Китайская сторона полагает, что администрированием в Арктике должны заниматься не только приарктические государства, а все заинтересованные в развитии данного региона планеты страны, включая и Китай. Россия, как арктическая страна, считает, что регулирование политики и установление правил игры в регионе являются прерогативой лишь арктических государств. Отсюда следует первое противоречие между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой — «Арктика — достояние всего человечества».

В Белой книге Китай закрепил положение, что Арктика является всемирным достоянием и местом, в котором общество может реализовать концепцию «Сообщество единой судьбы человечества». Обосновывая свои взгляды, Поднебесная ссылается на Конвенцию по морскому праву 1982 г., где в статье 132 сказано, что Мировой океан и его ресурсы являются общим наследием человечества². Также в качестве аргумента китайская сторона приводит аналогию с Договором по Антарктике, в котором четко выделено использование Антарктики только в мирных целях всем международным сообществом. Китайские власти отстаивают позицию, что полярные зоны должны находиться в одинаковом международно-правовом статусе [18, с. 48–49]. В целом позиция Пекина не находится в противоречии с международным правом.

Так как Арктика считается КНР достоянием всего человечества, значит, и устанавливать порядок в ней должны и государства, имеющие арктические территории, и неарктические страны в интересах как нынешних, так и будущих поколений. Таким образом, Поднебесная демонстрирует позицию глобального управления арктическим регионом. Естественно, принципиально иного мнения придерживаются не только Российская Федерация, но и все остальные приарктические государства: Норвегия, Канада, США, Дания, Исландия, Швеция и Финляндия, так как подобное воззрение затрагивает их национальные интересы, а также ставит под угрозу их суверенитет в регионе.

¹ Жуков М. Кто хозяин в Арктике? // Парламентская газета: офиц. Сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/opinions/2013/03/26/kto-khozyain-varktike.html> (дата обращения: 24.02.2022).

² Конвенция ООН по морскому праву (UNCLOS): заключена в г. Монтего-Бее 10 дек. 1982 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации, 1997. № 48. Ст. 5493 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

Разные позиции между двумя государствами сложились и по поводу использования Северного морского пути и вопросов его правового регулирования. Так, для России СМП — это национальная магистраль, находящаяся под юрисдикцией нашей страны. В то же время Китай и даже некоторые арктические государства (США, Дания и Канада!) отрицают территориальное право России на Северный морской путь. Китай, признавая право России на предоставление платных услуг пользователям СМП, полагает, что это — международные территориальные воды [22, с. 925]. Поэтому китайская сторона выступает за предоставление прав на использование морских арктических маршрутов всем заинтересованным странам мира, а также высказывается за свободу судоходства [23]. Кроме того, Пекин настаивает, что судоходство по СМП должно регулироваться международными правовыми актами и соглашениями.

Еще одним из разногласий можно считать планы Китая на расширение своего ледокольного флота и его намерение относительно строительства атомного ледокола. Для России претворение в жизнь таких идей Пекина будет означать уменьшение дохода от проводки иностранных судов по Северному морскому пути, так как в этом случае Китай сможет самостоятельно, без помощи российских ледокольных судов, проводить свои торговые и даже пассажирские морские судна по маршрутам СМП, а в дальнейшем и ЛШП.

Вызывает недоверие российской стороны и закрепление в Белой книге права мирного прохода военных кораблей Поднебесной через исключительные экономические зоны арктических государств. Сейчас военное присутствие Китая в Арктике сводится к нулю. Предполагается, что так будет и в ближайшее время. Но, исходя из китайских проектов, связанных с добычей полезных ископаемых на арктическом шельфе и их переработкой, с организацией арктического туризма, со свободным самостоятельным проходом китайских судов по акватории СМП, со строительством объектов инфраструктуры в Арктике и т. п., в отдаленном будущем для защиты национальных интересов страны в регионе может потребоваться военное присутствие [23]. Такие идеи китайского руководства натолкнутся на сопротивление российской стороны, а также всех остальных приарктических государств. В последнее время Россия укрепляет своей военный потенциал в Арктике в целях защиты национальной суверенитета и не потерпит присутствия военных сил других стран на своей территории.

И, наконец, можно отметить опасения России в области обеспечения экологической безопасности региона. Все в той же Белой книге Китай возводит в ранг приоритета вопросы экологии Арктики и защиты прав коренных народов Севера. Но в то же время стоит привести в пример некоторые случаи из проводимой Китаем на родине экологической и социальной политики. Так, продолжается масштабное загрязнение окружающей среды в самом Китае, о котором мы уже писали, а также до сих пор проводится жесткая политика Пекина в отношении народов, проживающих в таких национальных регионах, как Синьцзян-Уйгурский автономный район и Тибет [23].

В целом, противоречивые моменты между двумя государствами сводятся к разным позициям относительно управления арктическими территориями, правового положения Северного морского пути и проектов Китая, касающихся расширения его ледокольного флота. Кроме того, Россия с недоверием относится к некоторым положениям Белой книги Китая, закрепляющим, в частности, вопросы военного присутствия Китая в Арктике и приоритета экологических вопросов и защиты прав коренных народов Севера при реализации в исследуемом регионе государственной политики Пекином.

Россия отстаивает свои эксклюзивные права на Арктику. Китай же призывает рассматривать Арктику в качестве всемирного достояния и планирует в будущем изменить международный режим управления в арктическом регионе.

Заключение

В результате проведенного исследования констатируем следующие результаты.

Среди национальных интересов Российской Федерации в Арктике приоритетными являются обеспечение территориальной целостности и суверенитета государства (политический интерес); добыча полезных ископаемых региона, в первую очередь, углеводородов, как на материковой части страны, так и на континентальном шельфе, в том числе биологических ресурсов; развитие Северного морского пути в качестве национального транспортного морского коридора, а также модернизация инфраструктуры вдоль СМП (экономические интересы).

Интересы Китая в Арктике можно разделить на три группы: экономические, геополитические и экологические. Экономические интересы сводятся к добыче полезных ископаемых в регионе, поставке СПГ в Китай для обеспечения энергетической безопасности страны; к использованию морских маршрутов, проходящих по морям Северного Ледовитого океана для перевозки грузов из Китая в Европу и сжиженного природного газа из России в Китай; к организации арктического туризма.

Политические интересы связаны со стремлением Китая к лидерству, в том числе и в данном регионе планеты. Китай хочет, чтобы его голос был учтен при определении на мировом уровне повестки дня в Арктике. Продолжающиеся стремительные изменения климата в арктическом регионе задевают китайский национальный интерес, тем самым определяя экологическую заинтересованность Китая в Арктике. Основными мероприятиями по данному направлению выступают осуществление научных экспедиций на Северный полюс и проведение полярных исследований на основании данных, собранных во время таких экспедиций.

В работе выделены шесть основных направлений для партнерства государств в Арктике: освоение углеводородных месторождений на Крайнем Севере, в том числе поставка СПГ из России на территорию Китая; модернизация инфраструктуры Северного морского пути и рост перевозок грузов и пассажиров по нему; обеспечение экологической безопасности в регионе, проведение совместных научно-исследовательских экспедиций для сбора данных о климатических изменениях, происходящих в Арктике; обмен ресурсами и опытом в области критических технологий; организация международного экологического и этнологического туризма в регионе; формирование и развитие экологически чистой энергетики в российской Арктике.

В то же время приоритетными направлениями сотрудничества считаются первые два направления, так как они наиболее выгодны для обеих сторон, и они уже получили развитие в последние 5–8 лет. Точкой отсчета для остальных направлений совместной деятельности могут стать уже 2022–2025 гг.

Однако между идейными взглядами Китая и России имеются кардинальные противоречия. Основным контрадикторным моментом является вопрос управления в арктическом регионе. Китай считает, что Арктика — это достояние всего человечества, а, значит, устанавливать правила игры в рассматриваемом месте должны не только приарктические государства, но и все заинтересованные в этом страны мира, в том числе и Китай. Россия же отстаивает точку зрения эксклюзивных прав на администрирование в Арктике за арктическими странами: Данией, Исландией, Канадой, Норвегией, Российской Федерацией, США, Финляндией и Швецией.

Кроме того, разное мнение у России и Китая сложилось относительно вопросов оценки прав России на прибрежную морскую зону в Северном Ледовитом океане, расширения ледокольного флота Поднебесной, закрепления права мирного прохода военных кораблей КНР через исключительные экономические зоны арктических государств, акцентировании Китая в Белой книге на приоритете экологических

вопросов и защиты прав коренных народов при проведении государственной арктической политики, несмотря на реализацию последним противоречивой экологической и социальной политики у себя в стране.

Однако, несмотря на то обстоятельство, что интересы России и Китая по некоторым направлениям являются противоречивыми, полагаем, что российско-китайские отношения в рамках арктической проблематики в будущем будут только укрепляться, так как имеется много общих тем для партнерства. России необходимы инвестиции Китая для развития инфраструктуры Северного морского пути и освоения месторождений полезных ископаемых в Арктике; КНР нужны технологии России для строения ледоколов, а также углеводороды России для обеспечения энергетической безопасности страны.

Литература

1. Ван Цзюньтао. Формы участия Китая в международной деятельности в Арктике. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2016. 24 с.
2. Волгаев В. Полярный Шелковый путь // Электронный журнал «Совершенно секретно». 2021. 26 апр. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sovsekretno.ru/articles/polyarnyy-shelkovyy-put/> (дата обращения: 24.02.2022).
3. Ворончихина Д. Н. Место Арктики в региональной политике России // Научное знание современности. 2017. № 3 (3). С. 65–71.
4. Ворончихина Д. Н. Политико-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. СПб., 2020. 435 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/419-voronchikhina-darya.html> (дата обращения: 24.02.2022).
5. Ельчанинов А. И. По Великому шелковому пути — Ледовому шелковому пути — дороге мира и экономического сотрудничества // Электронное издание «Культурологический журнал». 2019. № 3 (37). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41154311_70089394.pdf
6. Журавель В. П. «Белая книга» Китая по Арктике: взгляд в будущее // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. С. 126–128.
7. Журавель В. П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 112–144.
8. Кижяева А. В. Обеспечение экологической безопасности Арктического региона как важный вектор Российской политики // Актуальные проблемы совр. международ. отношений. 2016. № 7. С. 53–60.
9. Киселев Д. В. Планы Китая в российской Арктике // Вопросы студенческой науки. 2020. № 8 (48). С. 153–160.
10. Колзина А. Л., Миндубаева А. А. «Полярный Шелковый путь» как сфера стратегического партнерства Российской Федерации и КНР // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 4. Вып. 2. С. 186–195.
11. Комиссина И. Н. Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1 (28). С. 54–73.
12. Конышев В. Н., Кобзева М. А. Политика Китая в Арктике: традиции и современность // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 77–92.
13. Куклина Е. А. Российско-китайское стратегическое партнерство в Арктике как императив нашего времени // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. С. 195–198.
14. Макеева С. Б., Дацышен В. Г. История деятельности совместных российско-китайских предприятий на территории регионов РФ и северо-востока КНР (2000–2010-е годы) // Вопросы истории. 2020. № 10–4. С. 31–41.
15. Михайличенко К. М. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // Вестник РУДН. Сер.: ПОЛИТОЛОГИЯ. 2019. Т. 21. № 2. С. 333–345.
16. Наговицын Р. Р., Васильева А. М. Обеспечение экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации // Проблемы современной экономики. 2018. № 4 (68). С. 204.
17. Петровский В. Е. Стратегия России и Китая в Арктике: сравнительный анализ // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. С. 154–167.
18. Печерица В. Ф. Арктические стратегии Китая и России: сходства и различия // Российско-китайские исследования. 2020. Т. 4. № 1. С. 44–52.

19. Печерица В. Ф., Шуан Лэй. Основные направления китайской политики в Арктике // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 7–16.
20. Редникова Т. В., Куделькин Н. С., Ма Синь. Государственная политика России и Китайской Народной Республики в сфере охраны окружающей среды Арктики: перспективы международного и двустороннего сотрудничества // Международные организации, международное право и внутригосударственное право. 2018. № 2. С. 17–31.
21. Родионова И. А., Липина С. А., Журавель В. П., Пушкарев В. А. Обеспечение экологической безопасности: государственное управление Арктическим Регионом // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 624–642.
22. Синиченко В. В., Синиченко Г. С. Арктика в планах КНР и Российской Федерации: взаимодействие и противоречия // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. С. 924–926.
23. Тренин Д. Россия и Китай в Арктике // Московский центр Карнеги [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81384> (дата обращения: 24.02.2022).
24. Федорова А. А. Ледовый шелковый путь: сотрудничество России и Китая // Clio moderna: проблемы всемирной истории нового и новейшего времени: тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. С. 24–25.
25. Хейфец Б. А. Северный морской путь — новый транзитный маршрут «Одного пояса — одного пути» // Международная жизнь: электронный журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2047> (дата обращения: 24.02.2022).
26. Эпштейн В. А., Дагаев А. Р. Арктические интересы Российской Федерации и Китайской Народной Республики: взаимная выгода и стратегические противоречия // Современные востоковедческие исследования. 2020. № 2 (4). С. 88–98.
27. Bennett M. With the Polar Silk Road, China's Belt and Road Initiative moves into the Arctic // Akureyri: Northern Research Forum. 2017 [Electronic source]. URL: <https://cryopolitics.com/2017/06/27/CHINAS-BELT-AND-ROAD-INITIATIVE-MOVES-INTO-THE-ARCTIC/> (accessed: 24.03.2022).
28. Jakobson Linda, Jingchao Peng. China's Arctic Aspirations // SIPRI Policy Paper. 2012. N 34. P. 1–32.
29. Komkov N. I., Selin V. S., Tsukerman V. A., Goryachevskaya E. S. Problems and perspectives of innovative development of the industrial system in Russian Arctic regions // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. N 1. P. 31–38.
30. Serafettin Y. Exploring China's Arctic Strategy: Opportunities and Challenges // China Quarterly of International Strategic Studies. 2017. Vol. 3. N 1. P. 1–22.
31. Śmieszek M. G., Koivurova T., Nielsson E. China and Arctic Science // Chinese Policy and Presence in the Arctic. Brill Nijhoff. Studies in Polar Law. 2020. N 3. P. 42–61.
32. Stronski P., Nicole Ng. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic // Carnegie. 2018 [Electronic source]. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperationand-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673> (accessed: 24.03.2022).
33. Tsukerman V. A., Ivanov S. V., Goryachevskaya E. S. Management of the Ecological-Economic System of the Russian Arctic Zone // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 753. Ch. 5 [Electronic resource]. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/753/6/062019/pdf> (accessed: 24.02.2022).

Об авторе:

Веселова Дарья Николаевна, преподаватель ФСПО Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; daria-voronchikhina@mail.ru

References

1. Wang Juntao. Forms of China's participation in international activities in the Arctic. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of political sciences. SPb., 2016. 24 p. (In Rus).

2. Volgaev V. The Polar Silk Road [Electronic resource] // Electronic journal Top Secret [Elektronnyj zhurnal Sovershenno sekretno]. 2021. 26 Apr. [Electronic source]. URL: <https://www.sovsekret-no.ru/articles/polyarnyy-sheikovyy-put/> (accessed: 02.24.2022) (In Rus).
3. Voronchikhina D. N. Political and legal aspects of ensuring environmental security in the Arctic zone of the Russian Federation: dis. ... cand. polit. sciences: 23.00.02. SPb., 2021. 435 p. [Electronic source]. URL: <https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoy-stepeni-spbgu/419-voronchikhina-darya.html> (accessed: 02.24.2022) (In Rus).
4. Voronchikhina D. N. The place of the Arctic in the regional policy of Russia // Scientific knowledge of modernity [Nauchnoe znanie sovremennosti]. 2017. N 3 (3). P. 65–71 (In Rus).
5. Elchaninov A. I. Along the Great Silk Road — the Ice Silk Road — the road of peace and economic cooperation // Electronic edition «Culturological Journal» [Elektronnoe izdanie «Kul'turologicheskij zhurnal»]. 2019. N 3 (37). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41154311_70089394.pdf (In Rus).
6. Zhuravel V. P. «The White Paper» of China on the Arctic: a look into the future // Greater Eurasia: Development, security, cooperation [Bol'shaja Evrazija: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo]. 2019. P. 126–128 (In Rus).
7. Zhuravel V. P. China, Republic of Korea, Japan in the Arctic: politics, economics, security // Arctic and North [Arktika i Sever]. 2016. N 24. P. 112–144 (In Rus).
8. Kizhaeva A. V. The problem of the ensuring the ecological safety of the Arctic region as an important vector of Russian politics // Actual problems of modern international relations [Aktual'nye problemy sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij]. 2016. P. 53–60 (In Rus).
9. Kiselev D. V. Plans of China in the Russian Arctic // Issues of student science [Voprosy studentcheskoj nauki]. 2020. N 8 (48). P. 153–160 (In Rus).
10. Kolzina A. L., Mindubaeva A. A. «The Polar Silk Road» as a sphere of strategic partnership between the Russian Federation and China // Bulletin of the Udmurt University [Vestnik Udmurtskogo universiteta]. 2020. Vol. 4. N 2. P. 186–195 (In Rus).
11. Komissina I. N. The Arctic vector of China's foreign policy // Problems of national strategy [Problemy nacional'noj strategii]. 2015. N 1 (28). P. 54–73 (In Rus).
12. Konyshchev V. N., Kobzeva M. A. Chinese Policy in the Arctic: Traditions and Modernity // Comparative Politics [Srovnitel'naja politika]. 2017. Vol. 8. N 1. P. 77–92 (In Rus).
13. Kuklina E. A. Russian-Chinese strategic partnership in the Arctic as an imperative of our time // Greater Eurasia: Development, security, cooperation [Bol'shaja Evrazija: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo]. 2020. P. 195–198 (In Rus).
14. Makeeva S. B., Datsyshen V. G. The history of the activities of joint Russian-Chinese enterprises in the regions of the Russian Federation and the north-east of the PRC (2000–2010s) // Questions of history [Voprosy istorii]. 2020. N 10–4. P. 31–41 (In Rus).
15. Mikhailichenko K. M. The project «Ice Silk Road» within the framework of the «One Belt and One Road» initiative as a realization of the interests of Russia and China in the Arctic region // Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Ser.: POLITICAL SCIENCE [Vestnik RUDN. Serija: POLITOLOGIJA]. 2019. Vol. 21. N 2. P. 333–345 (In Rus).
16. Nagovitsyn R. R., Vasilyeva A. M. Ensuring environmental safety in the Arctic zone of the Russian Federation // Problems of modern economics [Problemy sovremennoj jekonomiki]. 2018. N 4 (68). P. 204 (In Rus).
17. Petrovsky V. E. The strategy of Russia and China in the Arctic: a comparative analysis // China in world and regional politics. History and modernity [Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost']. 2020. P. 154–167 (In Rus).
18. Pecheritsa V. F. Arctic strategies of China and Russia: similarities and differences // Russian-Chinese studies [Rossijsko-kitajskie issledovanija]. 2020. Vol. 4. N 1. P. 44–52 (In Rus).
19. Pecheritsa V. F., Shuang Lei. The main directions of Chinese policy in the Arctic // Russian-Chinese studies [Rossijsko-kitajskie issledovanija]. 2019. Vol. 3. N 4. P. 7–16 (In Rus).
20. Rednikova T. V., Kudelkin N. S., Ma Xin. State policy of Russia and the People's Republic of China in the field of environmental protection in the Arctic: prospects for international and bilateral cooperation // International organizations, international law and domestic law. International Law and International Organizations [Mezhdunarodnye organizacii, mezhdunarodnoe pravo i vnutrigosudarstvennoe pravo. International Law and International Organizations]. 2018. N 2. P. 17–31 (In Rus).
21. Rodionova I. A., Lipina S. A., Zhuravel V. P., Pushkarev V. A. Ensuring environmental safety: public administration of the Arctic Region // Modern problems of science and education [Sovremennye problemy nauki i obrazovanija]. 2015. N 1–1. P. 624–642 (In Rus).

22. Sinichenko V.V., Sinichenko G.S. The Arctic in the plans of the PRC and the Russian Federation: interaction and contradictions // Greater Eurasia: Development, security, cooperation [Bol'shaja Evrazija: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo]. 2020. P. 924–926 (In Rus).
23. Trenin D. Russia and China in the Arctic // Carnegie Moscow Center [Electronic source]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81384> (accessed: 02.24.2022) (in Rus).
24. Fedorova A.A. The Ice silk road: cooperation between Russia and China // Clio moderna: problems of world history of modern and recent times: abstracts of reports and messages of the All-Russian Scientific Conference. Yekaterinburg : Armchair scientist, 2019. P. 24–25 (In Rus).
25. Kheifets B.A. The Northern Sea Route — a new transit route “One belt — one way” // International life: electronic journal [Mezhdunarodnaja zhizn': jelektronnyj zhurnal] [Electronic source] . URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2047> (accessed: 02.24.2022) (In Rus).
26. Epshtein V.A., Dagaev A.R. Arctic interests of the Russian Federation and the People's Republic of China: mutual benefit and strategic contradictions // Modern Oriental Studies [Sovremennye vostokovedcheskie issledovanija]. 2020. N 2 (4). P. 88–98 (In Rus).
27. Bennett M. With the Polar Silk Road, China's Belt and Road Initiative moves into the Arctic // Akureyri: Northern Research Forum. 2017 [Electronic source]. URL: <https://cryopolitics.com/2017/06/27/CHINAS-BELT-AND-ROAD-INITIATIVE-MOVES-INTO-THE-ARCTIC/> (accessed: 24.03.2022).
28. Jakobson Linda, Jingchao Peng. China's Arctic Aspirations // SIPRI Policy Paper. 2012. N 34. P. 1–32.
29. Komkov N.I., Selin V.S., Tsukerman V.A., Goryachevskaya E.S. Problems and perspectives of innovative development of the industrial system in Russian Arctic regions // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. N 1. P. 31–38.
30. Serafettin Y. Exploring China's Arctic Strategy: Opportunities and Challenges // China Quarterly of International Strategic Studies. 2017. Vol. 3. N 1. P. 1–22.
31. Śmieszek M.G., Koivurova T., Nielsson E. China and Arctic Science // Chinese Policy and Presence in the Arctic. Brill Nijhoff . Studies in Polar Law. 2020. N 3. P. 42–61.
32. Stronski P., Nicole Ng. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic // Carnegie. 2018 [Electronic source]. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperationand-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673> (accessed: 24.03.2022).
33. Tsukerman V.A., Ivanov S.V., Goryachevskaya E.S. Management of the Ecological-Economic System of the Russian Arctic Zone // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 753. Ch. 5 [Electronic resource]. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/753/6/062019/pdf> (accessed: 24.02.2022).

About the author:

Darya N. Veselova, Lecturer at the Faculty of Secondary Professional Education of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political sciences; daria-voronchikhina@mail.ru

Age-Friendly City Construction and Its Practical Application: A Case Study on the Application of Service Demand Research for the Elderly in Guangzhou, China

Qing Zhang

Guangdong Institute of Public Administration (Guangzhou, China); eva2046@126.com

Research group members:

Daniel W. L. Lai, Dean and Chair Professor, Doctor of Philosophy, School of Social Sciences, Hong Kong Baptist University (Hong Kong SAR, China); **Christine Walsh**, Professor, Doctor of Social Work, Faculty of Social Work, University of Calgary (Calgary, Canada); **Jennifer Hewson**, Associate Professor, Doctor of Education Studies, Faculty of Social Work, University of Calgary (Calgary, Canada); **Tong Hongmei**, Assistant Professor, Doctor of Education, School of Social Work, Faculty of Health and Community Studies, MacEwan University (Edmonton, Canada).

ABSTRACT

This study is based on the age-friendly community framework advocated by the World Health Organization as the research premise. Through the continuous international academic research cooperation between China and Canada, reference is made to the age-friendly community strategy of Alberta, Canada and the construction practice of the age-friendly city in Calgary, carry out a special investigation on the needs of elderly care services in Guangzhou, apply the international framework of an age-friendly city to the construction of an age-friendly city in Guangzhou, and the construction of specific cities and communities in Guangdong–Hong Kong–Macao Greater Bay Area in China. Based on the demographic development and policy background of China and Guangzhou, this study implements the needs of the national strategy of actively cope with population aging. In preparation for building Guangzhou into an age-friendly city and a city with a livable environment integrated with its own characteristics, providing a theoretical framework, and aimed for building a model city of healthy aging and livable living in the Guangdong–Hong Kong–Macao Greater Bay Area. It could be a sample of healthy aging cities in the Bay Area and models that can be used for reference by other cities.

Keywords: elderly service demand, aging-friendly city construction, qualitatively study

For citing: Qing Zhang. Age-Friendly City Construction and Its Practical Application: A Case Study on the Application of Service Demand Research for the Elderly in Guangzhou, China // Administrative consulting. 2022. N 12. P. 62–75.

Городское строительство, ориентированное на пожилых людей, и его практическое применение: тематическое исследование спроса на услуги для пожилых людей в г. Гуанчжоу, Китай

Чжан Цин

Гуандунский административный институт (г. Гуанчжоу, КНР), eva2046@126.com

РЕФЕРАТ

Это исследование основано на концепции сообщества, которое учитывает возрастные особенности. Данная концепция активно продвигается Всемирной организацией здравоохранения. Поскольку Китай и Канада непрерывно сотрудничают в области академических исследований, автор ссылается на стратегию сообщества в провинции Альберта

(Канада), ориентированную на пожилых людей, и практику строительства города в Калгари (Канада), благоприятного для пожилых людей. Автор приводит исследование спроса на услуги по уходу за пожилыми людьми в г. Гуанчжоу (Китай), где к строительству города, ориентированного на пожилых, применяются международные стандарты. Также анализируется строительство конкретных городов и сообществ в Районе Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао (Китай). Данное исследование проведено с учетом демографического развития и политики в Китае и г. Гуанчжоу и отвечает потребностям национальной стратегии активного противодействия старению населения. Исследование обеспечивает теоретическую основу для создания города в Районе Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао (Китай), благоприятного для жизни пожилых людей, а также предлагает путь превращения Гуанчжоу в такой город с благоприятной средой, сохраняя его характерные особенности.

Ключевые слова: спрос на услуги для пожилых людей, городское строительство, ориентированное на пожилых людей, качественное исследование

Для цитирования: *Qing Zhang. Age-Friendly City Construction and Its Practical Application: A Case Study on the Application of Service Demand Research for the Elderly in Guangzhou, China // Управленческое консультирование. 2022. № 12. С. 62–75.*

I. Research Background of Age-friendly City Construction

According to the definition of the World Health Organization, healthy aging is a “process of improving and maintaining functional capacity, thereby promoting the health of the elderly” (World Health Organization, 2002). From this, we can see that in order to promote healthy aging, it is necessary to maintain and enhance the functional capacity of the elderly. Functional capacity includes five aspects: 1. Meet one’s basic needs; 2. Learning, development and decision-making; 3. Action force; 4. Establish and maintain interpersonal relationships; and 5. Contribute to society. Functional capacity is affected by the individual’s internal capacity (that is, the combination of physical and mental functions that the individual can use at any time), environmental factors (personal life background from micro to macro levels, such as family, community and society), and the interaction between internal capacity and environmental factors (Beard et al., 2016). As you get older, the intrinsic capacity of the elderly will decline; but if environmental factors can provide adequate support, the elderly can still maintain good functional capacity. An environment that maintains and promotes the functional capacity of older persons includes four aspects: 1. Improve the health system so that older people with different levels of intrinsic ability can be served; 2. Developing a high-quality and sustainable long-term care system; 3. Create a friendly environment for the elderly; 4. The health status and needs of the elderly are continuously assessed and monitored (World Health Organization, 2015). The World Health Organization has put forward specific measures in these four areas. For the health system, they suggest that the health system should be built according to the needs of the elderly and focus on building internal capacity and developing a well-trained and sustainable health workforce to deliver services.

For the long-term care system, in addition to building a management system with clear authority and supervision mechanism, it also needs the support of a well-trained and sustainable long-term care team. In terms of a friendly environment for the elderly, it can be built from these eight aspects (transportation, housing, social participation, community inclusion, citizen participation and employment, information exchange, community support and care services, outdoor space and places). The concept of an age-friendly city is based on the “active old age” proposed by the World Health Organization, which is rooted in a supportive livable environment to make residents healthier. Increase participation and well-being so that they are better aging at home / in the community

(World Health Organization, 2002, 2007, 2015). The eight categories of livable and friendly cities for the elderly include: 1) public space and buildings, 2) transportation, 3) housing, 4) social participation, 5) respect and social inclusion, 6) community participation and employment, 7) communication and information, and 8) community support and health services. The World Health Organization put forward this concept in 2007 to practice the concept of “active old age” advocated by it. Active ageing (World Health Organization, 2002) is about “improving the quality of life as populations age by optimizing opportunities for health, participation, and security”. Active later life includes the ability to be physically active or to participate in the workforce and about a person’s mental health and social connections as they get older¹. The concept of age-friendly cities is the first attempt of the World Health Organization to respond to the issue of ageing with a theoretical framework. This concept recognizes the importance of environmental cooperation and support. The World Health Organization encourages age-friendly communities to develop “barrier-free” environments, including the hardware aspects of the environment and the software aspects of socio-political, economic, social and religious environments. For the evaluation and monitoring system, we should first reach a consensus on the indicators, evaluation and analysis of healthy aging, increase the understanding of the health status and needs of the elderly population, and finally evaluate the effectiveness of measures to promote healthy aging. Therefore, in addition to pursuing a clean, comfortable and safe living environment, the livable and environmentally friendly cities for the elderly should be built. It also pays attention to the opportunities for neighbors to watch each other and individuals to participate in social activities.

The concepts of “active aging” and “barrier-free” in age-friendly communities proposed by the World Health Organization are similar to the concepts and measures of actively responding to aging in the National Population Development Plan (2016–2030) issued by China. The purpose of this study is to understand the service needs and preferences of the elderly at the community level on the basis of the framework of livable and environmentally friendly cities for the elderly in Guangzhou. The research results are applied to the construction of livable and environmentally friendly cities for the elderly in Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area and Guangzhou and the relevant suggestions for the formulation of service policies for the elderly.

II. Conceptual Framework for the Construction of Age-friendly Cities

(1) The core framework for the construction of harmonious and livable cities²

The connotation of livable environment city includes six aspects, that is, livable city should be a city with healthy environment, safe city, natural and pleasant city, harmonious society, convenient life and convenient travel: 1) a healthy city should be far away from the potential hazards of various environmental pollution or harmful substances. It has fresh air, good water quality, clean streets and comfortable living environment; 2) a safe city should have a sound disaster prevention and early warning system, a perfect social order ruled by law, and a safe daily living environment; 3) a natural and pleasant city should have comfortable climate, good green environment, accessible waters and suitable open space; 4) a socially harmonious city should have the spirit of tolerance and justice, and respect for the history and culture of the city; 5) convenient

¹http://www.hkcss.org.hk/uploadFileMgnt/0_201732153159.pdf (P. 3).

²Zhang Wenzhong (2016). The core framework of livable city construction. *Geographical Studies*, 35 (2). doi: 10.11821/dljy201602001.

cities should have convenient, fair and sound public service facilities, and everyone can enjoy the convenience brought by medical, educational, shopping and other living facilities; 6) cities with convenient travel should give priority to the development of public transport system and advocate green travel. In other words, a livable city should be a city with safety, pleasant environment, convenient public service facilities, harmonious society and distinctive regional characteristics.

It can be seen that livable city is a safe and comfortable city for all residents, including the livable connotation for the elderly residents. This study allows us to better understand the needs of the elderly living in the community on the basis of the age-friendly community framework, and to see how to better promote home/community care.

(2) The goal and concept of urban construction of livable environment for the elderly¹

Based on the two global trends of population aging and urbanization, the World Health Organization has put forward the concept of livable and environmentally friendly cities for the elderly, because with the development of cities, the proportion of people over 60 years old is increasing. Older persons are a resource for their families, communities and economies, supporting our living environment. The purpose of the construction of livable and environment-friendly cities for the elderly is to promote the development of cities to be friendly to the elderly, so as to fully tap the potential of the elderly and promote a more harmonious human society.

The construction of livable and environment-friendly system for the elderly includes eight categories. At the project consultation meeting, the World Health Organization, based on data collection from 33 regions of the world, believes that in category 1) Outdoor space and buildings: outdoor environment and public buildings play a great role in the initiative of the elderly and improving their quality of life, affecting the ability of the elderly to provide for the aged at home; 2) Transportation: Convenient, fast and reasonably priced public transportation is a key factor affecting the travel of the elderly, which first affects the free activities of the elderly in the city, and then affects the participation of community citizens and the accessibility of community health services; 3) Housing: Good or bad housing conditions are one of the decisive factors for safety and health. There is a link between the quality of life of older persons and the impact of suitable accommodation and access to community and social services on their independence; 4) Social participation: social participation and social support in life are closely linked to good health, and participation in collective leisure, social, cultural and spiritual activities with the family enables the elderly to prove their abilities. Enjoy respect and esteem and maintain or establish a relationship of mutual help and concern; 5) Respect and social inclusion: Many elderly people feel that on the one hand, they are concerned and recognized by the society, on the other hand, the society and family seem to lack some deep concern and services for the elderly. This conflict is examined from the perspective of social variability and moral norms of human behavior. The lack of communication between the elderly and their children and the general lack of knowledge about the elderly are the root causes of this conflict; 6) Community participation and employment: a society that respects the elderly should be able to provide opportunities for the elderly to continue to contribute to society through some paid or unpaid work. Then they will have a place in the political process of society; 7) Communication and information: In the cities of developing countries, where the majority of older persons rely on very few public media, mainly television, radio and newspapers, the rapid development of information and communication technologies has been welcomed as

¹http://www.who.int/ageing/age_friendly_cities_guide/zh/

a useful tool but has also been criticized as a means of social exclusion. We should focus on the accessibility of information for the elderly; 8) Community support and health services: In the community, health and support services are the key to maintaining health and independence. Most elders everywhere believe that the cost of health care is too high, and they have always wanted affordable health care services.

The first three categories are related to building an comfort environment of the city, which directly affects the confidence of the elderly in living in the community. Security of life, protection from social exclusion and isolation are all affected by the built environment. The next three categories are related to the social environment of cities, including respect and social inclusion, community participation and employment. The last two areas are related to the level of health and social services, that is, whether the elderly can easily obtain appropriate information and service arrangements, and whether the elderly can afford the cost of services.

According to the theory and measures of healthy aging of the World Health Organization, this study is based on the above population development and policy background of China and Guangzhou, according to the four aspects mentioned in the framework of healthy aging, to build Guangzhou into an age-friendly city. It also explores the development model of Nansha Demonstration Zone for Healthy Aging and Livable Aging in Greater Bay Area District of Guangdong, Hong Kong and Macao, and then carries out the construction of healthy and age-friendly communities in Guangzhou.

III. Method Design and Data Collection

(1) The use of a mix of methods in baseline studies

In order to make the practice of building livable and environment-friendly cities for the elderly in Guangzhou more grounded and scientific, the research team selected Liwan, Yuexiu, Tianhe and Nansha, four districts with their own characteristics and representativeness, from the 11 administrative districts of Guangzhou as the research points, and then randomly selected two streets in each district. Subsequently, according to the list of residents, the neighborhood committee, about 50 elderly residents were randomly selected from each street to participate in the questionnaire interview. According to this method, we finally collected 409 valid questionnaires. In order to listen to more specific opinions, we selected about 10 residents from each of the eight streets to participate in the focus interview group, and the participants discussed and answered questions according to the eight areas of age-friendly. We have collected more views and suggestions from the elderly residents. In order to have a more comprehensive understanding of the current situation of Guangzhou's construction of age-friendly communities, 35 street workers and social workers from four districts were mobilized to participate in the consultation meeting, which took one and a half years to complete the questionnaire survey and related data analysis.

This study uses a mixed research method, which includes quantitative and qualitative research data collection. A total of 409 valid questionnaires were collected, 8 focus interview groups with 82 elderly residents were completed, and 3 consultation meetings with 35 service providers and some researchers were completed. The first two parts aims to collect the opinions of the elderly residents on the construction of Guangzhou's age-friendly city, and the last part aims to understand the views of different stakeholders on related issues.

1. Questionnaire survey

On the quantitative side, the prototype questionnaire of this study comes from the English version of the baseline survey of elderly friendly cities in London, Canada, in 2014.

Professor Zhang Qing, the leader of this research team, as a visiting scholar at the University of Calgary, Canada, worked with the research team to translate the English version of the questionnaire into Chinese version, and in response to the local characteristics of Guangzhou. The title has been adjusted accordingly.

(1) Participants and sampling method

Participants came from eight randomly selected streets, one from each of the four selected districts. Each neighborhood committee randomly selects about 50 residents from the list of elderly residents, so this study uses systematic sampling. A total of 412 questionnaires were collected, of which 409 were valid.

(2) Measurement method

In this questionnaire survey, the interviewers asked the interviewees to improve the response rate, taking into account that some elderly people have difficulties in reading the questionnaire. The questionnaire consists of the following three parts:

a) Basic personal information

This section includes basic personal information such as age, gender, marital status, housing ownership, housing situation, who they live with, education level, self-assessment of income, employment and so on. It also includes participants' self-assessment of their physical and mental conditions.

b) Assess the age-friendliness of the community

In terms of questionnaire design, although the original English questionnaire used in London scored five scales for each question, in Guangzhou questionnaire, in order to improve efficiency and let the elderly residents express more distinct attitudes, the research team reduced the scoring scale to three. The three scoring scales are 3 points for excellent, 2 points for good and 1 point for poor. The research team also added and deleted some topics according to the situation in Guangzhou, and finally formed a total of 69 topics in eight categories, and another two topics were self-evaluation of the degree of aging friendliness in their own communities and cities.

c) Masochistic Risk Assessment (Supplementary Questionnaire)

Fourteen true-false questions were included, the first 12 of which were translated from the Vulnerability to Abuse Screening Scale (VASS). Finally, according to the situation in Guangzhou, two questions were added to ask the elderly about their views on social security and risk assessment. In the original English version, it is a self-filled questionnaire, but it is also asked by the interviewer here. May be due to cultural or personal privacy considerations, the abandonment of this part of the question is higher than that of the previous part.

2. Focus interview group

In terms of qualitative data collection, this study adopts the form of focus interview group and consultation meeting with the participation of community workers. The interview process is mainly based on the data of the elderly residents' ratings on each topic obtained from the quantitative research. The participants are asked questions, guided discussions and listened to their suggestions on the issues. At the end of this paper, the guiding questions of the focus interview group inquiry process will be attached. In order to facilitate sampling, the neighborhood committee selected the elderly residents who were more active in community activities to participate in the focus group discussion.

3. Consultation meetings with the participation of service providers

The main process of this meeting is to: 1) present the findings of the survey and core group discussion, 2) discuss the findings, and 3) discuss the implications and recommendations related to the findings. The objectives are: 1) to inform service providers about the issues that elders are concerned about in age-friendly cities, as well as their opinions and grievances; 2) give the service provider the opportunity to explain and clarify, understand the reasons for the elderly's dissatisfaction or misunderstanding, and evaluate the existing services; 3) Combining with the opinions of the elderly, we will work with service providers to make suggestions, so that researchers can understand which aspects can lead to improvement and the relevant departments involved in the improvement. Three meetings were eventually held in four districts. A total of 35 social workers, street workers, university staff and related enterprises participated in the consultation symposium.

4. China-Canada International Symposium on Healthy Aging

This study has carried out continuous research by holding a series of joint international seminars between China and Canada on the construction of age-friendly cities. Each seminar invites about 50 scholars from the University of Calgary, Canada, government officials and representatives of non-profit organizations from the Department of Age-friendly Business of the Calgary Municipal Government, as well as research institutes, government officials and community service personnel engaged in the cause of aging in Guangzhou and Hong Kong to participate in a series of international seminars related to the construction of age-friendly cities. This project adopts the method of co-design, which is a user-centered method to promote community participation, that is, to gather designers and potential service users to design and implement together, so as to gather the opinions of different stakeholders (Sanders & Stappers, 2008). This method consists of three steps: Understand (collect relevant information), Design (propose and discuss ideas together), and implement (implement the ideas discussed) (Winge et al., 2017). According to the guidance of this method, this study will combine the data collected from the questionnaire survey, and let the participating scholars and representatives hold group discussions on these data to discuss how to promote the development of healthy aging services. After that, the research team will summarize and refer to their opinions to build a development model for promoting the construction of a healthy and age-friendly city in Guangzhou. At present, we have successfully held five international seminars on the construction of age-friendly cities in China and Canada. In recent years, our research group has continuously deepened the research on the construction of age-friendly cities in the exchange and reference between China and Canada.

According to the content and project of the research plan, this project has been carried out step by step and orderly, and has undertaken a number of projects entrusted by the Office of Guangzhou Aging Committee during the research period. For example, the Report on the Development of Aging in Guangzhou in 2017 and the Handbook on the Data of the Elderly Population (Report), and the Report on the Development of Aging in Guangzhou in 2018 and the Handbook on the Data of the Elderly Population (Report). Research on the Construction of Livable Environment System for the Elderly in Guangzhou, and actively apply the research ideas and countermeasures to promote the construction of an age-friendly city in Guangzhou, and have achieved good research and application results. Professor Daniel W.L. Lai, Professor Christine Walsh, Associate Professor Jennifer Hewson (Faculty of Social Work, University of Calgary, Canada), and Professor Zhang Qing are the main member of the research group. Keynote speeches on this topic at domestic and international academic seminars were presented. July 23–27, 2017, San Francisco, USA Keynote speech at the 21th IAGG World Congress of Gerontology and Geriatrics: Age-Friendly Community Strategies: A research based approach adopted in Guangzhou,

China; October 19-21, 2017, Winnipeg, Manitoba, Canada Keynote speech at the 46th International Symposium on Annual Scientific and Educational Meeting of The Canadian Association: Understanding age friendliness from the Chinese cultural perspective; Toronto, Canada, August 8-10, 2018 Keynote speech at the 14th Global Conference on Aging Conference: Understanding age friendliness from a Chinese cultural Perspective: A case study of Guangzhou, China, has produced extensive and good international academic influence. Entering the new journey of the 14th Five-Year Plan can continue to make certain contributions to the promotion of active population aging.

IV. Observation, Analysis and Research Findings

(1) Regional characteristics and community research¹

From 2015 to 2019, the total registered population and the total elderly population in Guangzhou continued to grow, and the proportion of the elderly population in the registered population continued to increase, from 17.27% in 2015 to 18.40% in 2019. From 2015 to 2019, the proportion of the elderly population increased by 0.49, 0.27, 0.22 and 0.15 percentage points respectively. Guangzhou has an aging population². The growth rate of the proportion of the elderly population has slowed down. According to the situation of the elderly population of all ages, the elderly population aged 60-69 in Guangzhou in 2019 was 988100, an increase of 16900 compared with that in 2018 (971200), accounting for 56.30% of the total elderly population in the city. The elderly population aged 70-79 was 484300, an increase of 36200 over 2018 (448100), accounting for 27.60% of the city's elderly population. The elderly population aged 80-89 is 243600. Compared with 2018 (237 thousand and 300 people), it increased by 6 thousand and 300 people, accounting for 13.99% of the city's elderly population. The elderly population aged 90 and over was 39100, an increase of 0.3 million compared with 2018 (36100), accounting for 2.22% of the city's elderly population³.

Among the elderly population of all age groups in Guangzhou, the elderly population aged 70-79 showed a downward trend from 2015 to 2018, with a slight increase in 2019. The age group of 80-89 years old generally showed a downward trend from 2015 to 2019. After a slight increase in 2015-2018, the 60-69 age group fell back in 2019. The age group of 90 years and above is generally on the rise. The aging characteristics of people over 80 years old are significant in the overall aging population. Yuexiu, Haizhu, Liwan and other three old urban districts have aged population by more than 20% of its district's population. The number of elderly families (all family members are over 60 years old) reached 261500, accounting for 19.65% of the total elderly population. 112300 elderly people live alone, accounting for 8.4% of the total elderly population. In rural areas, there are more elderly families and elderly people living alone. The number of elderly people living alone in Huadu, Nansha and Zengcheng districts accounted for 47% of the total number of elderly people living alone in the city. Among the elderly population, the aging characteristics of people over 80 years old are significant (Guangzhou Working Committee on Aging, Guangzhou Civil Affairs Bureau, Guangzhou Statistical Bureau, 2018). Table 1 shows the four representative districts selected in this study:

¹<http://www.yanglao.com.cn/article/48222.html>

²Population aging: refers to the decrease in the number of young people and the increase in the number of elderly people in the dynamic process of proportional growth in the total population. China generally considered 60 years old as the starting age of elderly population.

3 Data source: 2019 Guangzhou Aging Development Report and Elderly Population Data Manual.

The four representative districts selected of Guangzhou

The selected district	Characteristics	Two randomly selected streets in the district	
Liwan District	Old city (more than 20% aging)	Golden Flower Street	Fengyuan Street
Yuexiu district		Baiyun Street	Renmin Street
Nansha district	In 2012, it became a state-level new area, and in 2015, it became a free trade zone.	Nansha Street	Pearl River Street
Tianhe District	The district with the highest economic output value in the city	yuancun Street	Tian He Nan

Data source: 2019 Guangzhou Aging Development Report and Elderly Population Data Manual.

(2) Community observation findings

The researchers visited the community based on the questionnaire scores and the opinions of the elderly residents in the focus interview group. From the collected community images, most of the opinions of the elderly residents can be found in the first three areas of livable and environment-friendly environment for the elderly (public space and buildings, transportation, housing), and the imbalances in the development of various districts can also be found. If it becomes a problem in one district, it is not a problem in another district. For example, there is a lack of subway elevators and supporting public toilets in the old city, but there is no such problem in Nansha and Tianhe districts. For example, the per capita housing area is small, which is more serious in the old urban areas. Residents in Nansha District also encounter special traffic convenience problems because they are far away from the subway station. However, their evaluation of the convenience and safety of cycling in the community is much higher than that of the other three districts.

(3) Findings of questionnaire survey

1. Sampling and grouping method (according to four selected areas)

Participants by district. The following table (Table 2) shows the average ratings of the elderly residents in each district for the corresponding categories (those marked with asterisks are the categories with significant differences in ratings between districts). Elderly residents scored highest on the fifth category (respect and social inclusion), according to questionnaires and focus group interviews. They appreciated the behavior of young citizens in giving up their seats on public transport, and praised the service attitude of social workers and street workers on many occasions. Although they have a high opinion of neighborhood relations, when asked carefully, they think that there are few reliable friends and neighbors near their homes, and most of them just say hello. They also reflect that they do not have the opportunity to get along with their young neighbors, let alone trust them. Elderly residents have the lowest evaluation of community support and health services, and their worries mainly come from the fear that they will not be able to afford the related costs, and some home-based pension needs are not met, such as the current home-based pension door-to-door services, which are mainly provided to "five-insurance households". The general elderly residents can not enjoy it. Although Nansha District is trying to introduce it to the general elderly residents,

considering the absence of service standards, social work organizations are gradually finding it difficult to meet many different needs.

Table 2

**The average ratings of the elderly residents in four districts
for the corresponding categories**

District	Overall	Yuxiu District	Liwan District	Nansha District	Tianhe District
Public Space and Building	2.20	2.10	2.10	2.26	2.22
Transportation	2.20	2.12	2.12	2.22	2.23
Housing	2.05	1.98	1.98	2.14	2.04
Social Participation	2.18	2.19	2.19	2.29	2.07
Respect and social inclusion	2.41	2.32	2.32	2.51	2.37
Community participation and employment	2.02	2.00	2.00	2.07	1.93
Community and Information	20.60	2.07	2.07	2.06	1.96
Community support and health services	1.86	1.81	1.91	1.87	1.85

Data source: Questionnaire survey of the service demand of the elderly in Guangzhou under the background of the framework of Age-friendly cities.

2. Discovery (by age, gender, education level, etc.)

According to age groups, the youngest group scored lower than the other two groups in the third category (housing) and the eighth category (community support and health services), with the oldest group scoring the highest. The following table shows the age group (Table 3) and sex ratio (Table 4):

Different gender and education level did not show significant differences in the eight categories. However, in the last part of the questionnaire (elder abuse risk assessment),

Table 3

Findings of questionnaire survey of the age group

Age group	44–59 (1)	60–66 (2)	67–89 (3)
Percentage	34.5%	32.3%	33.3%

Data source: Questionnaire survey of the service demand of the elderly in Guangzhou under the background of the framework of Age-friendly cities.

Table 4

Findings of questionnaire survey of the sex ratio

Gender	Male	Female	Not filled in
Number of respondents participating in the questionnaire	90	288	31
Percentage	22.0%	70.4%	7.6%

Data source: Questionnaire survey of the service demand of the elderly in Guangzhou under the background of the framework of Age-friendly cities.

the education level was negatively correlated with the total score of this part, that is, the higher the education level, the lower the abuse risk score.

(4) Findings of Focus Interview Group

This section serves as a warm-up question for the beginning of the focus interview group, but it can see what the elders think about themselves and their elders. Some elders think that “old is useless”, some think that “the brain will be strange, the individual will be crazy”, some think that “old is also wonderful, can also do a lot of things”. Most participants will assess older age from a functional point of view, and they define and find meaning for these functions.

V. Ideas and Countermeasures for the Construction of Aged Friendly Cities

The construction of age-friendly cities should comprehensively deepen the reform of community home-based pension and other fields, innovate and improve the service mechanism for the elderly, speed up the construction of social welfare and security system for the elderly, improve the medical and health network, improve the social pension service system, strengthen the construction of livable environment for the aged population, develop the related industry, and promote the social participation of the elderly; Protect the rights and interests of the elderly, enhance the sense of acquisition and happiness of the elderly in the development of co-construction and sharing, and form a new pattern of active response to population aging under the leadership of the Party Committee, government responsibility, social participation and national action. Specifically, there are the following aspects:

(1) Optimizing the functions of relevant government departments for the work of ageing and promoting the reform of local institutions for the work of ageing

Population aging “concerns the overall development of the country and the well-being of the people”. Through institutional reform and functional optimization, especially the adjustment of internal institutions and the strengthening of the coordination function of the Office for the Aged, local governments have autonomy in setting up institutions for the aged at or below the provincial level, and can explore and innovate according to local conditions. According to the requirements of the national and provincial institutional reform plans, combining with the needs of Guangzhou’s aging work, practical plans should be formulated, and to strengthen the functions of the Party’s departments in the member units of the Committee on aging, optimize the functions of the relevant departments of aging work, further promote the reform of local aging work institutions, and strive to shift the focus downward to effectively strengthen the aging work in urban and rural communities. Altogether consolidate the national policy corresponding to the aging of the population really take root and bear fruit at the grass-roots level.

(2) Multi-level joint efforts to promote the cause of ageing and the construction of the old-age pension system, and to build a government-led, social and market participation in the service system for the aged

1. Joint efforts of the government and the market. While emphasizing the responsibilities of the government, the construction of the cause of aging and the pension system

should pay more attention to the role of market mechanism and social forces. We should encourage social forces to participate in the reform of public pension institutions and support social forces to set up pension institutions and nursing homes. We will vigorously develop pension service enterprises. To cultivate a number of leading enterprises with different characteristics, management norms and service standards, to achieve more diversified pension services and product suppliers, through the joint efforts of the government and social forces, complementary advantages, so as to enrich service content and improve service quality.

2. Inter-industry resultant force. The construction of the pension system focuses on the extension of the industrial chain and cross-border mixed development, and proposes to support the integration and development of the pension service industry with health, health, tourism, culture, fitness, leisure and other industries, so as to enrich the new model and new format of the pension service industry. Enterprises such as finance, real estate and the Internet are encouraged to enter the pension service industry. Establish and improve the cooperation mechanism between medical and health institutions and pension institutions, promote the extension and integration of pension related industries, increase the market space and profitability of pension service industry, and form a joint force among industries, so as to improve quality and efficiency, and realize the healthy and sustainable development of pension related industries.

3. Form a joint force among government departments. From the perspective of the government, the cause of ageing involves macro-policies such as retirement and social security, involving medical and health care, financial and insurance systems, and closely related to urban planning and land supply. The development of the cause of ageing and the realization of the goal of building a pension system need to solve many practical problems, which cannot be solved by relying solely on market forces. Therefore, we must give full play to the leading core role of Party committees at all levels in overall situation and coordination of all parties, strengthen the main responsibility of governments and departments at all levels in implementing the plan, clarify the role of the government in the old-age service system, and build a government-led, social and market participation pattern of the old-age service system.

(3) The leading position and development suggestions of Guangzhou's healthy aging service system in Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area

1. Guangzhou builds a model city for healthy aging and livability in Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area

The construction of healthy aging service system in Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area is an important guarantee for the realization of livable, professional and tourist international first-class Bay Area, which requires the central cities in the forefront of the development of the cause of aging to play a leading role in demonstration and driving effect, and to push forward the cause of healthy aging in Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area. As the capital city of Guangdong Province, Guangzhou is backed by the Pearl River Delta and faces Hong Kong and Macao. Connecting internal and external resources is the focus of Guangzhou's economic and service industry development and is also in line with the concept of Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area. The Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area emphasizes regional integration and development, not only to build urban agglomerations, but also to cross the "one country, two systems" and break the spatial pattern. It provides us with the conditions for regional integration and development. Accordingly, the positioning of Guangzhou's healthy aging service system in the Greater Bay Area District of Guangdong, Hong Kong and Macao should be positioned as a model city for healthy aging and livability, and its development strategy and practical application can be carried out by declaring the certification of the

World Health Organization's global network of cities and communities caring for the elderly, carrying out the construction of healthy aging friendly cities, and promoting them. We will carry out in-depth cooperation with Hong Kong and Macao at all levels, build a demonstration zone for comprehensive cooperation between Guangdong, Hong Kong and Macao in Nansha, Guangzhou, realize the development of cross-border cooperation in pension services, focus on building an international metropolis with a livable environment for the elderly, and promote the coordinated and high-quality development of the cause of healthy aging in the Greater Bay Area District of Guangdong, Hong Kong, and Macao.

2. Guangzhou joined the WHO Network of Friendly Cities for the Aged

The WHO Age Friendly Cities Network (AFCN) is an accreditation system for cities and communities around the world to share experiences and learn from each other in response to population ageing. What all members of the network have in common is their desire and commitment to create urban physical and social environments that promote healthy active ageing and a high quality of life for their respective older residents. Through the network, who provides a global platform for information exchange and mutual support through the sharing of experiences. In addition, WHO also provides guidance and promotes knowledge on how to assess the extent to which a city or community is age-friendly, how to integrate ageing into urban planning and how to create age-friendly urban environments. It is suggested that Guangzhou join the who network of aging friendly cities, actively exert China's important influence in the field of international aging and deepen international cooperation. To provide a framework and blueprint for the development of the national cause of ageing and the construction of age-friendly cities; Joining this global network of age-friendly cities can enhance Guangzhou's international visibility, promote social integration and enhance cross-generational connectivity, thus promoting Guangzhou's central position in the development of healthy aging in the Great Bay Area of Guangdong, Hong Kong and Macao. Improve the hardware environment and facilities to promote home-based care for the aged. Reduce the pressure of waiting time for elderly homes (long-term homes), improve the environment of Guangzhou and promote social harmony; To provide more opportunities for the elderly and pension service institutions in the Greater Bay Area District of Guangdong, Hong Kong and Macao, especially those in Hong Kong and Macao, to participate more easily in social affairs and enhance the accessibility of community, health and other social services. Improve the quality of life and happiness of the elderly.

3. Take the lead in exploring the establishment of the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area Nansha Free Trade Zone Health Aging Service Demonstration Zone

Guangzhou can pilot the establishment of a Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area health and aging service cooperation mechanism in the Nansha National Free Trade Zone. Nansha District, as the geographical center of the Great Bay Area of Guangdong, Hong Kong and Macao, has become a national-level new area and free trade zone with the support of the national policy and strategy, and the only urban sub-center in Guangzhou, is facing new development opportunities when the country puts forward the development strategy of the Great Bay Area of Guangdong, Hong Kong and Macao. In the three-year action plan of Guangdong Province to promote the construction of the Great Bay Area of Guangdong, Hong Kong and Macao, Nansha in Guangzhou is positioned as a demonstration area of comprehensive cooperation in the Great Bay Area of Guangdong, Hong Kong and Macao. Build a demonstration area for the construction of a healthy and livable city for the elderly in Nansha, Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area. As the core city of the first echelon in the Greater Bay Area

District of Guangdong, Hong Kong and Macao, Guangzhou can build an innovative service development model for healthy aging cities by introducing innovative experience and resources of pension services in Hong Kong and Macao. Open up the channels for social forces and individuals to participate in pension services, so as to improve the circulation of resources in Guangdong, Hong Kong and Macao Greater Bay Area.

References

1. Lin Gong-qin, Xu Guang-lin (2017). Development of Foreign Bay Areas and its Implication to China[J]. *Journal of Shenzhen University (Humanities & Social Sciences)*, 34 (5): 25–31.
2. Elderly Commission (2017). Elderly Services Programme Plan [PDF file]. Retrieved from https://www.lwb.gov.hk/elderlyservicesprogrammeplan/index_e.html
3. Greenfield E. (2015). Healthy Aging and Age-Friendly Community Initiatives. *Public Policy & Aging Report*, 25(2): 43–46.
4. Han K., Lee Y. J., Gu J., Oh H., Han J. H. & Kim K. B. (2015). Psychosocial Factors for Influencing Healthy Aging in Adults in Korea. *Health and Quality of Life Outcomes*, 13 (1): 31.
5. Hong Kong Policy Research Institute (2017). Aging in place: Family and Community Care Support [PDF file]. Retrieved from: http://www.hkpri.org.hk/storage/app/media/Research_Report/20170611_aging_in_place_report_web.pdf
6. Ploughman M., Austin M.W., Murdoch M., Kearney A., Fisk J.D., Godwin M. & Stefanelli M. (2012). Factors Influencing Healthy Aging with Multiple Sclerosis: A Qualitative Study. *Disability and rehabilitation*, 34 (1): 26–33.
7. Sanders E.B.N., & Stappers P.J. (2008). Co-creation and the New Landscapes of Design. *CoDesign*, 4 (1): 5–18.
8. Winge L., Carroll S., Schmidt T., Wagner A., Lamm B., Kural R., Troelsen J. (2017). Move the Neighbourhood: Study Design of a Community-Based Participatory Public Open Space Intervention In a Danish Deprived Nighbourhood to Promote Active Living. *BMC Public Health*, 17 (1): 1–10.

About the author:

Qing Zhang, Professor, Doctor of Laws, Deputy Director of the Department of Emergence Management, Guangdong Institute of Public Administration (Guangzhou, China); eva2046@126.com

Об авторе:

Чжан Цин, профессор, доктор юридических наук, заместитель директора отдела по чрезвычайным ситуациям, Гуандунский административный институт (г. Гуанчжоу, КНР); eva2046@126.com

Члены исследовательской группы:

Дэниел Лай, доктор философских наук, декан и профессор института социальных наук, Гонконгский баптистский университет (САР Гонконг, Китай)

Кристин Уолш, доктор в области социальной деятельности, профессор факультета социальной работы, Университет Калгари (г. Калгари, Канада)

Дженнифер Хьюсон, доктор педагогических наук, доцент факультета социальной работы, Университет Калгари (г. Калгари, Канада)

Тун Хунмэй, доктор педагогических наук, доцент института социальной работы, факультет здравоохранения и общественных исследований, Университет Макьюэн (г. Эдмонтон, Канада)

Цифровизация как стратегическая основа ESG-траектории развития здравоохранения

Морозова Ю. А.

Городская клиническая больница № 24 Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Российская Федерация; morozova.u24@yandex.ru
ORCID 0000-0002-0524-6937

РЕФЕРАТ

Цель. В работе рассматриваются подходы к решению одной из основных задач стратегирования социально-экономических систем национального уровня, связанной с необходимостью уточнения приоритетов развития в условиях формирования новых глобальных трендов. **Методы.** Рассмотрена роль здравоохранения в становлении системы устойчивого развития России с точки зрения взаимовлияния с другими направлениями достижения данной траектории. **Результаты.** Показано, что в системе целей устойчивого развития именно развитие здравоохранения в России должно быть приоритетным. Целесообразно активное внедрение в корпоративное и государственное управление принципов ESG, обогащенное включением в них задач повышения (содействия повышению) уровня здоровья сотрудников, клиентов, партнеров, общества в целом. **Выводы.** Комплексность стратегического управления в согласовании ключевых современных приоритетов (экологического, экономического, социального и связанного со здоровьем человека) предлагается достичь за счет активного создания и внедрения цифровых платформ.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, ESG-принципы, Россия, здравоохранение, стратегирование

Для цитирования: Морозова Ю. А. Цифровизация как стратегическая основа ESG-траектории развития здравоохранения // Управленческое консультирование. 2022. № 12. С. 76–86.

Digitalization as a Strategic Basis for the ESG Trajectory of Healthcare Development

Yulia A. Morozova

City Clinical Hospital N 24 of the City Health Department Moscow, Moscow, Russian Federation; morozova.u24@yandex.ru

ABSTRACT

Goal. The paper considers approaches to solving one of the main tasks of strategizing the socio-economic systems on the national level, associated with the need to clarify the strategic development priorities in the context of the formation of new global development trends. **Methods.** The role of health care in the formation of the system of sustainable development in Russia is considered from the point of view of its mutual influence with other areas of achieving this trajectory. **Results.** It is shown that in the system of other sustainable development goals, it is the development of healthcare in Russia that should be a priority. For a comprehensive solution to the problems of sustainable development, it is advisable to actively introduce the principles of ESG into corporate and public administration, enriched by the inclusion of the tasks of improving (promoting improving) the level of health of employees, customers, partners, and society as a whole. **Conclusion.** The emerging difficulty in coordinating key modern priorities (environmental, economic, social and related to human health) is supposed to be solved through the active creation and implementation of digital platforms for strategic management.

Keywords: Sustainable Development Goals, ESG principles, Russia, healthcare, strategizing

Введение

Внедрение принципов устойчивого развития в стратегические документы и практики управления — основной тренд мировой управленческой практики. Вместе с тем целей устойчивого развития много, зачастую они разнонаправленны, а их достижение имеет сильную национальную и региональную специфику. О важности согласования стратегических приоритетов на различных уровнях пишет иностранный член РАН В. Л. Квинт [5], и это — одна из ключевых задач процесса стратегирования больших социально-экономических систем. В качестве конечной цели стратегии должна стоять конкретная, пусть и комплексная, но определяемая всеми направлениями реализации цель. В. Л. Квинт обращает внимание на сформированный трудами отечественных ученых (В. И. Вернадского и др.) концепт ноосферы как ключевое отражение «образа будущего» стратегируемой системы в современных условиях стремления к устойчивому развитию [4].

Однако при управлении движением к сложной, многогранной цели возникает стратегическая задача разумного распределения сил и ресурсов для ее достижения. В условиях стремления к устойчивости развития, далеко не все страны могут обеспечивать поддержку гармонии между социальной сферой, экологией и экономикой в своем развитии, а также в развитии отдельных отраслей. Данная задача представляется сложной. Недостаточно хорошо спланированная попытка выхода развивающейся страны сразу на траекторию устойчивого развития может обернуться социально-экономическими неудачами (показателен пример Шри-Ланки, попытавшейся в 2019 г. выйти на «современный» путь формирования «органического» сельского хозяйства, отказавшись от удобрений [7]).

* * *

Указ о национальных целях развития России до 2030 г. от 21 июля 2020 г. № 474 включает пять основных целей, в первую очередь — сохранение населения, здоровье и благополучие людей. Один из основных целевых показателей национального развития — повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет. При этом другие целевые показатели национального развития взаимосвязаны с ключевым показателем здоровья населения.

На глобальном и национальном уровне отражение такой взаимосвязи социального, экономического, образовательного, технологического, экологического и политического развития находит отражение в единой концепции устойчивого развития, что в очередной раз подтвердилось в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Повестка-2030). Резолюция была принята в 2015 г. всеми членами ООН. Повестка-2030 консолидирует 17 взаимосвязанных Целей устойчивого развития (ЦУР), которые, в свою очередь декомпозируются на 169 задач.

Для России, большой и крайне сложной в управлении страны, имеющей определенные Национальные цели развития до 2030 г., отвечающие принципам устойчивого развития, целесообразен поиск и уточненный путь решения задачи повышения качества жизни. В настоящей работе подходы к ее решению рассматриваются с точки зрения отрасли здравоохранения с учетом ее приоритетности для

нашей страны, что и обозначено в Национальных целях, а также необходимости соотнесения с другими важными направлениями развития.

С точки зрения ЦУР, помимо вопросов обеспечения равновесия человеческой деятельности с природной средой, решения проблем бедности, неравенства, продовольственной безопасности, доступа к энергии, а также обеспечения мира, свободы и безопасности немаловажную роль играет Цель 3 (ЦУР 3 или Глобальная цель 3), касающаяся «Хорошего здоровья и благополучия». Следование ЦУР 3 включает решение 13 задач и контролируются на основании 28 индикаторов. Четырьмя «средствами достижения» целей ЦУР 3 являются: осуществление Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака; поддержка исследований, разработок и всеобщего доступа к недорогостоящим вакцинам и лекарствам; увеличение финансирования здравоохранения и поддержка медицинских кадров в развивающихся странах; совершенствование систем раннего предупреждения о глобальных рисках для здоровья. Среди других показателей в качестве одного из важнейших учитывается и ожидаемая продолжительность жизни.

В целом ЦУР 3 направлена прежде всего на достижение всеобщего охвата услугами здравоохранения, то есть равного доступа к медицинским услугам для всех. В ее рамках предполагается «положить конец» всем предотвратимым и преждевременным смертям, прежде всего, новорожденных, младенцев и детей в возрасте до пяти лет (детская смертность), а также эпидемиям. Вместе с тем необходимо отметить, что в условиях того, что большая часть населения Земли имеет ограниченный доступ даже к самой простой медицинской помощи, ЦУР 3 сосредотачивается на обеспечении базового уровня медицинского обслуживания для широкого круга жителей в основном бедных стран.

ЦУР 3 тесно взаимосвязана с другими Целями, в частности, решением проблем недоедания и голода, образования, насилия вообще и, в частности, его форм по отношению к женщинам, доступа к чистой воде, качественному воздуху, энергии, предотвращения и устранения последствий стихийных бедствий и др. (ЦУР 2, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 13, 16).

В связи с тем, что на национальном уровне стратегическое управление включает выработку мер и верное их соотношение в рамках небольшого числа приоритетов, внедрение ЦУР должно сопровождаться сосредоточением ресурсов и инструментов на тех направлениях, которые могут максимально возможным образом улучшить остальные. В связи с этим, большую роль играют исследования, направленные на изучение взаимосвязи между различными ЦУР [13; 16; 25], а также внедрение элементов Повестки-2030 в национальные стратегии развития [12; 22]. В отечественной литературе в последние годы были опубликованы несколько работ, посвященных вопросам адаптации и реализации глобальных Целей устойчивого развития [3; 8] в том числе в России [1; 10] а также роли бизнеса в достижении ЦУР [2].

* * *

Если рассмотреть соотношение важнейшего для Национальных целей развития ключевого показателя здоровья населения — ожидаемой продолжительности жизни — и уровня достижения разными странами целей устойчивого развития, то получится картина, представленная на рис. 1.

Как видно из рис. 1, интегральный показатель достижения разными странами Целей устойчивого развития прекрасно коррелирует с ОПЖ. Вместе с тем, именно по этому показателю Россия не дотягивает до уровня тренда, иными словами, он является остропроблемным для России (и ряда других расположенных с нею рядом на графике стран). Общего уровня развития страны не хватает для обеспечения

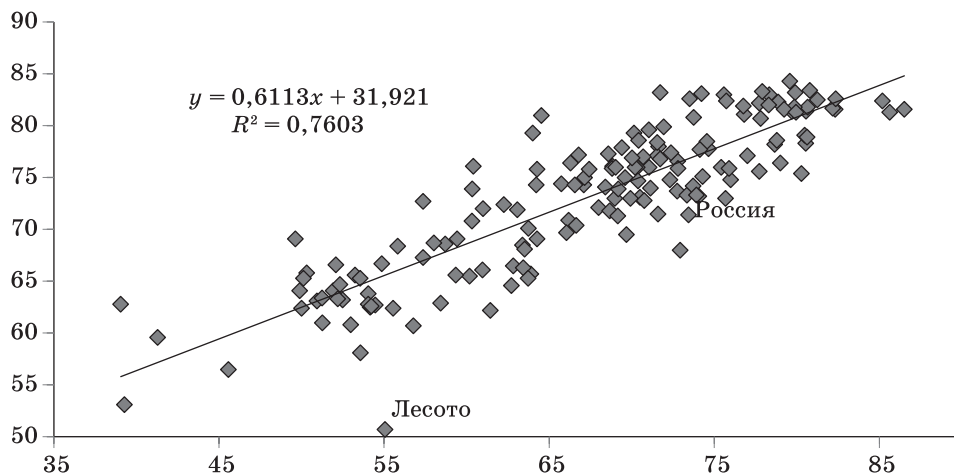

Рис. 1. Интегральный показатель достижения странами — членами ООН 17 ЦУР (100 баллов означают, что все ЦУР были достигнуты) и ожидаемая продолжительность жизни (до пандемии, 2019)

Fig. 1. Integral indicator of 17 SDG achievement by UN member countries (100 points mean that all SDGs were achieved) and life expectancy (before the pandemic, 2019)

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://dashboards.sdgindex.org/rankings> (дата обращения: 20.02.2022).

высокого уровня здоровья населения, что означает целесообразность направления на данный сектор дополнительных ресурсов.

Важнейшей для общего развития, затрагивающей все остальные цели, является ЦУР 9: Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций. Рассмотрим соотношение уровня инновационности стран и ключевого показателя здоровья нации — ожидаемой продолжительности жизни (рис. 2).

Из данных, представленных на рис. 2, видно, что инновационное развитие и развитие здравоохранения весьма неплохо коррелируют между собой, разброс страновых показателей вокруг линий тренда очень невелик. При этом такие крупные страны, как Россия, Китай и США, находятся ниже линии тренда, имея уровень ОПЖ меньше ожидаемого по сравнению с уровнем их инновационного развития. Относительно небольшие по уровню инновационности, но богатые страны, а также страны, располагающиеся в благоприятных для здоровья природно-климатических условиях, демонстрируют в отношении выявленной закономерности иные результаты, их точки на графике объяснимо выше линии тренда. Таким образом, в целом, внедряя инновации, через повышение оснащенности знаниями, техникой, лекарствами, а также через общее повышение образованности людей, человечество повышает и качество жизни, выражаемое прежде всего через ОПЖ. Основной составляющей современного инновационного развития является цифровизация как процесс создания и внедрения в экономику, социальную сферу и безопасность цифровых технологий.

Вместе с тем инновационное развитие требует энергии и ресурсов. Концепция устойчивого развития закрепилась в последние 50 лет в мировом сознании через понимание не только их ограниченности, но и невозможности бесконтрольного использования, поскольку оно приводит к разрушению биосферы. В рыночных условиях реализация стратегии устойчивого развития невозможна без активного участия бизнеса. В последние 20 лет стратегия ESG (Экологическое, социальное

Рис. 2. Глобальный инновационный индекс (ГИИ) 2021 (ед.) и ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) 2019 (лет, по данным ВОЗ).

По оси абсцисс — ГИИ, по оси ординат — ОПЖ

Fig. 2. Global Innovation Index (GII) 2021 (units) and LE (life expectancy) 2019 (years, according to WHO). The x-axis shows GII, the y-axis shows life expectancy

Источник: [15].

и корпоративное управление) пришла на смену концепции корпоративной социальной ответственности (КСО). Значительным этапом в процессе вовлечения частного сектора в решение глобальных задач и реализацию концепции устойчивого развития послужила разработка группой 20 крупных инвесторов из различных стран на основе Глобального договора ООН Принципов ответственного инвестирования (Principle for Responsible Investment; ПРИ) [19].

Принципы ответственного инвестирования ознакомили экспансию в частную экономическую деятельность ESG-принципы¹, которые все более широко распространяются в частном секторе. Глобальная инициатива по отчетности (GRI) фиксирует, что за 20 лет, с 1993 по 2013 г. доля компаний мира, отчитывающихся в той или иной форме по вопросам устойчивого развития, увеличилась с 12 до 71%. Относительно недавно, в начале 2020 г. BlackRock (компания № 1 мира по объему предоставляемых инвестиций и управляющая 7 трлн долл.) заявила, что экологическая устойчивость становится отныне во главу угла решений об инвестициях [20]. В развитие общей стратегии вовлечения в достижение ЦУР негосударственных игроков, Ассоциация, созданная разработчиками Принципов ответственного инвестирования, опубликовала рекомендации для частного бизнеса по их внедрению [19].

¹ Следует отметить, что эксперты используют различные термины для обозначения корпоративной устойчивости и отчетности в области устойчивого развития. Среди них КСО (корпоративная социальная ответственность), ESG (окружающая среда, социальная ответственность и корпоративное управление), «тройной результат» и «воздействие на общество». Иногда также описывают раскрытие информации об устойчивом развитии как «нефинансовый» отчет. См. [14].

Определенной проблемой реализации принципов корпоративной социальной ответственности (КСО) и ESG, как результата их развития, становится разность понимания тех или иных принципов, которая находит отражение в различиях результатов оценок компаний. Три наиболее известных рейтинга КСО — Newsweek, Forbes и CSR Magazine Global, показали в 2015 г., что только 12% компаний присутствуют во всех трех рейтингах. The Wall Street Journal выявил разницу четырех ведущих ESG-рейтингов, определив, что оценка «устойчивости» инвестора у них существенно отличается или даже получается совершенно различной. Данное обстоятельство не способствует распространению принципов ЦУР в частном секторе. Есть даже устойчивое и довольно распространенное мнение, что КСО и ESG всего лишь способ компаний развитого мира повысить свою конкурентоспособность в условиях постепенного снижения уровня его глобального экономического господства [23]. Вместе с тем имеются и положительные результаты на пути распространения стандартов GRI. В 2017 г. КПМГ выявила, что уже 88% компаний мира так или иначе применяли стандарты Глобальной инициативы по отчетности [24]. 59% компаний Евросоюза применяют стандарты GRI28. Для России, в связи с этим, интересным и перспективным представляется предложение использовать стандарт Международной организации по стандартизации (ИСО), в частности, ISO 14001 «Система экологического менеджмента».

Ежегодная потребность в финансировании глобальных целей ЦУР в области здравоохранения оценивается ВОЗ в 134 млрд долл. в год и предположительно вырастет до 274–371 млрд долл. к 2030 г. В связи с этим возникает проблема повышения привлекательности устойчивых инвестиционных структур в глобальном здравоохранении для основных финансовых рынков.

Вместе с тем, даже у лидеров ESG-подхода далеко не всегда получается совмещать финансовый успех и заботу о сотрудниках и окружающей среде. Анализ ESG-стратегий американских компаний, связанных со здравоохранением, показывает, что в значительной степени реализации таких стратегий приводит к повышению экономических и финансовых рисков [17]. То же относится и к здоровью. При исследовании 11 корпораций в Японии с 2017 по 2019 г. выявлены положительные и отрицательные связи между деятельностью предприятия в области охраны окружающей среды и профессиональным стрессом. Было обнаружено, что действия, которые снижают нагрузку на использование воды во время работы и внедряют чистые технологии, приносят пользу психологическому благополучию сотрудников. Также программа сокращения токсичных выбросов и отходов значительно снизила уровень профессионального стресса сотрудников. Однако было установлено, что специфика корпоративного управления оказывает неблагоприятное влияние на психологическое благополучие сотрудников [18].

В одном из недавних немецких исследований проанализирована реализация экологических, социальных и управленческих критериев (ESG) в инвестициях немецких частных медицинских страховых компаний. В 2019 г. ряду компаний был разослан опрос о стратегиях ESG. В ходе опроса оценивались инвестиционные стратегии и пороговые значения для исключения секторов и методов ведения бизнеса, а также стратегии компаний по устойчивому развитию бизнеса. Согласно их бизнес-отчетам, исследуемые медицинские страховые компании Германии управляют активами на сумму более 350 млрд евро. Выяснилось, что ни одна из этих страховых компаний не исключила производство и продажу ископаемого топлива. Все исключали добычу угля, но только при высоких пороговых значениях. По 226 млрд евро данные не предоставлены. Полученные данные противоречат ожидаемому

внутреннему экономическому интересу страховщиков остановить глобальное потепление и одновременно — улучшить здоровье населения. Управление большинством активов весьма проблематично, особенно нельзя предполагать отсутствие капитала, направленного в области, противоречащие медицинской этике. В исследовании был сделан вывод о том, что отсутствие прозрачности является серьезной проблемой, которая ограничивает клиентов в выборе страховщика, у которого самые передовые критерии ESG [21].

В России идеология ESG расширяет свое применение. Эксперты считают, что критерии ESG-отчетности в РФ требуют унификации и систематизации. В настоящее время не хватает публичной информации о деятельности крупного бизнеса в области ESG, представленной в едином агрегированном цифровом виде, не существует единого цифрового решения, чтобы сопоставлять компании из различных рейтингов между собой. Между тем, такая информация будет востребована бизнесом, государством, инвесторами, а также общественными организациями. Было бы уместно уже сегодня задуматься о том, как использовать возможности цифровизации, чтобы создать инструмент (платформу), позволяющий с помощью больших данных ответить на вопрос «кто есть кто», сопоставить себя с другими компаниями, а также получить автоматизированные рекомендации по дальнейшему развитию. Нефинансовую отчетность в том или ином виде по итогам прошлого года опубликовали более 50% российских компаний. Рейтинговое агентство «Эксперт РА» свидетельствует о том, что компании хотят отчитываться, хотят быть открытыми, но представляют отчеты по-своему. Каждая компания берет за основу тот стандарт, который считает наиболее релевантным [11]. При этом эксперты отмечают, что в большинстве случаев ESG-агентства присваивают рейтинги без запроса со стороны компании, а только лишь на основании публично доступной информации [6].

Соответствие международным стандартам важно для продвижения российских организаций здравоохранения (в том числе, в плане развития медицинского туризма). В 2020 г. Клинико-диагностический центр МЕДСИ на Красной Пресне получил международную аккредитацию по стандартам JCI, а затем сфокусировался на внедрении стандартов ESG, являющихся продолжением практик KCO. В 2022 г. должна быть доработана ESG-стратегия, включающая подготовку первого публичного нефинансового отчета. Реализация принципов ESG заключается для компании прежде всего в участии в охране окружающей среды, включая «управление воздействием на окружающую среду, эффективное потребление ресурсов, утилизацию медицинских отходов, сдачу и переработку отработанного медицинского и хозяйственного оборудования, сокращение объемов использования бумаги: внедрение СЭД, электронных медицинских карт и др., а также международную сертификацию ISO 45001-2018 (менеджмент в сфере охраны здоровья и безопасности труда) [9]. Отметим, что данное упоминание является на сегодня практичным единственным случаем декларации следования ESG-принципам в российской организации здравоохранения.

Вхождение принципов ESG (в их современном виде) в государственное и корпоративное управление в России происходило буквально в последние несколько лет, оно практически совсем не затрагивает программы развития в сфере здравоохранения. Москва является лидером и локомотивом развития российского здравоохранения, вместе с тем, в программе в Постановлении Правительства Москвы от 04.10.2011 № 461-ПП (ред. от 30.03.2021) «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Развитие здравоохранения города Москвы (Столичное здравоохранение)» в отношении устойчивого развития можно встретить только небольшой раздел о необходимости налаживания взаимодействия граждан и города в плане мониторинга экологической ситуации.

Заключение

Обобщая, можно сказать, что практически все направления трех составляющих ESG не напрямую, но косвенно связаны со здоровьем сотрудников, клиентов, партнеров и общества в целом. Между тем, как следует из вышеприведенных рассуждений, устойчивое развитие обесмысливается без непрерывного и неуклонного «отвоевывания» у природы лишних здоровых или по крайней мере активных лет человеческой жизни. Если в социальную часть стратегии напрямую включить повышение качества жизни клиентов, партнеров, сотрудников, общества в целом все медицинские организации становятся лидерами процесса. Вместе с тем, соблюдение принципов ESG организациями здравоохранения понятно — экономия во всем, соблюдение экологических норм, социальное управление, эффективность управления корпорацией в целом при максимизации результата в виде конкретного эффекта для пациентов.

Такая задача в современных экономических системах решается на основе разработки, внедрения и применения современных цифровых платформ. Цифровые платформы ESG (а точнее, с учетом наших предложений ESG-H) — управления — основа для управления организациями и системой здравоохранения в будущем. Целесообразно постулировать необходимость формирования системы ESG-цифровых платформ для цифрового управления организациями различных сфер, в том числе, здравоохранения, и закрепления данного направления в системе отраслевых стратегий.

С другой стороны, критерии влияния на здоровья людей (сотрудников, клиентов, партнеров, общества в целом) могут быть включены в ESG-опросники любых компаний, и здесь должны учитываться и факторы экологического следа деятельности компании, и факторы непосредственной заботы о здоровье, в том числе, психологическом. Пандемия в России показала, что здоровье значительной части населения России встретило ее подорванным стрессом, плохим питанием, экологией, употреблением вредных веществ. Учтя указанные пагубные факторы, можно обогатить и ESG идеологию для участия бизнеса и государства в устойчивом развитии, а также принести конкретную пользу развитию здравоохранения. Управление такой сложной системой данных невозможно без применения современных цифровых технологий. Более того, цифровизация расширяет возможности локализации ЦУР. Однако глобальный потенциал цифрового сектора в устойчивом развитии еще далек от полной реализации.

Литература

1. Бобылев С. Н., Соловьева С. В. Цели устойчивого развития для будущего России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 26–33.
2. Дунаев О. И., Нагорнов В. А. Гармонизация практики корпоративной социальной ответственности для достижения целей устойчивого развития // Государственно-частное партнерство. 2017. Т. 4. № 2. С. 93–102.
3. Игнатов А. А., Михневич С. В., Попова И. М., Сафонкина Е. А., Сахаров А. Г., Шелепов А. В. Подходы ведущих стран-доноров к внедрению ЦУР в национальные стратегии устойчивого развития // Вестник международных организаций. 2018. Т. 14. № 1. С. 164–188.
4. Квинт В. Л. Идея ноосферы Вернадского и закономерности, предопределяющие формирование глобального ноосферного миропорядка XXI в. // Управленческое консультирование. 2013. № 5. С. 13–19.
5. Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 11. С. 900–909.
6. Кондратенко М. ESG-принципы: что это такое и зачем компаниям их соблюдать // РБК-тренды, 14.10.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (дата обращения: 01.06.2022).

7. Лакстыгал И., Ужов Ф. Дефолт Шри-Ланки может вызвать цепную реакцию на развивающихся рынках. Страна объясняет его крахом туризма, инфляцией и событиями на Украине // Ведомости. 2022. 12 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/04/12/917829-defolt-shri-lanki> (дата обращения: 01.06.2022).
8. Ланьшина Т. А., Баранова В. А., Логинова А. Д., Лавровский Е. П., Понедельник И. В. Опыт локализации и внедрения Целей устойчивого развития в странах — лидерах в данной сфере // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 207–224.
9. МЕДСИ. Устойчивое развитие медицинской организации: международные стандарты качества и принципы ESG. 14.12.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://medsi.ru/about/press-centr/news/ustoychivoe-razvitie-meditsinskoy-organizatsii-mezhdunarodnye-standarty-kachestva-i-printsipy-esg/> (дата обращения: 01.06.2022).
10. Сахаров А. Г., Колмар О. И. Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 189–206.
11. Эксперты считают, что критерии ESG-отчетности в РФ требуют унификации и систематизации // ТАСС. 1.06.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/14796233?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 01.06.2022)
12. Bickler G., Morton S., Menne B. Health and sustainable development: an analysis of 20 European voluntary national reviews // Public Health. 2020. Vol. 180. P. 180–184. DOI: 10.1016/j.puhe.2019.10.020.
13. Biggeri M., Clark D. A., Ferrannini A., Mauro V. Tracking the SDGs in an 'integrated' manner: A proposal for a new index to capture synergies and trade-offs between and within goals // World Development. 2019. Vol. 122. P. 628–647. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.05.022.
14. Fisch J. E. Making Sustainability Disclosure Sustainable // Georgetown Law Journal. 2019. Vol. 107. P. 931–932.
15. Global Innovation Index 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (дата обращения: 1.06.2022).
16. Le Blanc D. Towards Integration at Last? The Sustainable Development Goals as a Network of Targets // Sustainable Development. 2015. Vol. 23. N 3. P. 176–187. DOI: 10.1002/sd.1582.
17. Payne B. C., Bredthauer J. S. Revisiting the Performance of Firms Recognized for Creating a Healthy Culture // Journal of Occupational and Environmental Medicine. 2022. Vol. 64, No 2. P. E411–E521. DOI: 10.1097/JOM.0000000000002434.
18. Piao X., Xie J., Managi S. Environmental, social, and corporate governance activities with employee psychological well-being improvement// BMC Public Health. 2022. Vol. 22. N 1. Paper number: 22. DOI: 10.1186/s12889-021-12350-y.
19. PRI. What are the Principles for Responsible Investment? Официальный сайт Ассоциации ПРИ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unpri.org/pri/what-are-the-principles-for-responsible-investment> (дата обращения: 1.06.2022)
20. Scanlan M. K. Climate Risk is Investment Risk // Journal of Environmental Law and Litigation. 2021. Vol. 36. N 4. P. 20–22.
21. Schneider F., Gogolewska J., Ahrend K.-M., Hohendorf G., Schneider G., Busse R., Schulz M. Do private German health insurers invest their capital reserves of €353 billion according to environmental, social and governance criteria? // Journal of Medical Ethics. 2021. Vol. 47. N 12. P. E481. DOI: 10.1136/medethics-2020-106381.
22. Sebestyen V., Domokos E., Abonyi J. Focal points for sustainable development strategies — Text mining-based comparative analysis of voluntary national reviews // Journal of Environmental Management. 2020. Vol. 263. P. 110414. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2020.110414>.
23. Sjöfjell B., Richardson B. J. Company Law and Sustainability: Legal Barriers and Opportunities. Cambridge University Press, 2015. P. 24–25.
24. The road ahead. The KPMG Survey of Corporate Responsibility Reporting 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2017/10/kpmg-survey-of-corporateresponsibility-reporting-2017.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
25. Zhou X., Moinuddin M. Sustainable Development Goals Interlinkages and Network Analysis: A practical tool for SDG integration and policy coherence // IGES Research Report. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iges.or.jp/en/pub/sustainable-development-goals-interlinkages/en> (дата обращения: 1.06.2022).

Об авторе:

Морозова Юлия Александровна, заместитель главного врача по экономическим вопросам
Городской клинической больницы № 24 Департамента здравоохранения города Москвы

(Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; morozova.u24@yandex.ru; ORCID 0000-0002-0524-6937

References

1. Bobylev S.N., Solovieva S.V. Goals of sustainable development for the future of Russia // Problems of Forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2017. N 3. P. 26–33 (In Rus).
2. Dunaev O.I., Nagornov V.A. Harmonization of the practice of corporate social responsibility to achieve the goals of sustainable development // Public-private partnership [Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo]. 2017. V. 4. N 2. P. 93–102 (In Rus).
3. Ignatov A.A., Mikhnevich S.V., Popova I.M., Safonkina E.A., Sakharov A.G., Shelepov A.V. Approaches of leading donor countries to the implementation of the SDGs in national strategies for sustainable development // Bulletin of International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2018. Vol. 14. N 1. P. 164–188 (In Rus).
4. Kvint V.L. Vernadsky's idea of the noosphere and the regularities that determine the formation of the global noospheric world order of the 21st century. // Management consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 5. P. 13–19. (In Rus).
5. Kvint V.L., Novikova I.V., Alimuradov M.K. Consistency of global and national interests with regional strategic priorities // Economics and Management [Jekonomika i upravlenie]. 2021. Vol. 27. N 11. P. 900–909 (In Rus).
6. Kondratenko M. ESG principles: what are they and why do companies comply with them // RBC Trends, 10.14.2021 [Electronic source]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435> (accessed: 01.06.2022) (In Rus).
7. Lakstygai I., Uzhov F. The default of Sri Lanka can cause a chain reaction in emerging markets. The country explains it by the collapse of tourism, inflation and events in Ukraine // Vedomosti. 2022. April 12 [Electronic source]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/04/12/917829-defolt-shri-lanki> (accessed: 01.06.2022) (In Rus).
8. Lanshina T.A., Barinova V.A., Loginova A.D., Lavrovsky E.P., Monday I.V. Experience of localization and implementation of the Sustainable Development Goals in the leading countries in this area // Bulletin of International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2019. V. 14. N 1. P. 207–224 (In Rus).
9. MEDSI. Sustainable development of a medical organization: international quality standards and ESG principles. 12.14.2021 [Electronic source]. URL: <https://medsi.ru/about/press-centr/news/ustoychivoe-razvitiye-meditsinskoy-organizatsii-mezhdunarodnye-standardty-kachestva-i-print-sipy-esg/> (accessed: 01.06.2022) (In Rus).
10. Sakharov A.G., Kolmar O.I. Prospects for the implementation of the UN Sustainable Development Goals in Russia // Bulletin of International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2019. Vol. 14. N 1. P. 189–206 (In Rus).
11. Experts believe that the criteria for ESG reporting in the Russian Federation require unification and systematization // TASS. 1.06.2022 [Electronic source]. URL: https://tass.ru/ekonomika/14796233?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed: 06.01.2022) (In Rus).
12. Bickler G., Morton S., Menne B. Health and sustainable development: an analysis of 20 European voluntary national reviews // Public Health. 2020 Vol. 180. P. 180–184. DOI: 10.1016/j.puhe.2019.10.020.
13. Biggeri M., Clark D.A., Ferrannini A., Mauro V. Tracking the SDGs in an 'integrated' manner: A proposal for a new index to capture synergies and trade-offs between and within goals // World Development. 2019. Vol. 122. P. 628–647. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.05.022.
14. Fisch J.E. Making Sustainability Disclosure Sustainable // Georgetown Law Journal. 2019 Vol. 107. P. 931–932.
15. Global Innovation Index 2021 [Electronic source]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (accessed: 01.06.2022).
16. Le Blanc D. Towards Integration at Last? The Sustainable Development Goals as a Network of Targets // Sustainable Development. 2015. Vol. 23. N 3. P. 176–187. DOI: 10.1002/sd.1582.
17. Payne B.C., Bredthauer J.S. Revisiting the Performance of Firms Recognized for Creating a Healthy Culture // Journal of Occupational and Environmental Medicine. 2022. Vol. 64. N 2. P. E411–E521. DOI: 10.1097/JOM.0000000000002434.
18. Piao X., Xie J., Managi S. Environmental, social, and corporate governance activities with employee psychological well-being improvement// BMC Public Health. 2022 Vol. 22. N 1. Paper number: 22. DOI: 10.1186/s12889-021-12350-y.

19. P.R.I. What are the Principles for Responsible Investment? Official site of the PRI Association [Electronic source]. URL: <https://www.unpri.org/pri/what-are-the-principles-for-responsible-investment> (accessed: 01.06.2022).
20. Scanlan M. K. Climate Risk is Investment Risk // Journal of Environmental Law and Litigation. 2021 Vol. 36. N 4. P. 20–22.
21. Schneider F., Gogolewska J., Ahrend K.-M., Hohendorf G., Schneider G., Busse R., Schulz M. Do private German health insurers invest their capital reserves of €353 billion according to environmental, social and governance criteria? // Journal of Medical Ethics. 2021. Vol. 47. N 12. P. E481. DOI: 10.1136/medethics-2020-106381.
22. Sebestyen V., Domokos E., Abonyi J. Focal points for sustainable development strategies — Text mining-based comparative analysis of voluntary national reviews // Journal of Environmental Management. 2020 Vol. 263. P. 110414. DOI: 10.1016/j.jenvman.2020.110414.
23. Sjärfjell B., Richardson B. J. Company Law and Sustainability: Legal Barriers and Opportunities. Cambridge University Press, 2015.
24. The road ahead. The KPMG Survey of Corporate Responsibility Reporting 2017 [Electronic source]. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2017/10/kpmg-survey-of-corporateresponsibility-reporting-2017.pdf> (accessed: 01.06.2022)
25. Zhou X., Moinuddin M. Sustainable Development Goals Interlinkages and Network Analysis: A practical tool for SDG integration and policy coherence // IGES Research Report. 2017 [Electronic source]. URL: <https://www.iges.or.jp/en/pub/sustainable-development-goals-interlinkages/en> (accessed: 01.06.2022).

About the author:

Yulia A. Morozova, Deputy Chief Physician for Economic Affairs City Clinical Hospital N 24 of the City Health Department Moscow (Moscow, Russian Federation), Candidate of Economic Sciences; morozova.u24@yandex.ru; ORCID 0000-0002-0524-6937

Влияние гражданского общества на реализацию реформы по обращению с отходами: статистический анализ*

Тиняков Д. К.

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики — Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Российская Федерация; tinyakovdk@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7223-9916

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу возможностей гражданского участия повлиять на результаты политико-управленческих процессов в гибридных режимах на примере современной российской реформы системы по обращению с твердыми коммунальными отходами. Целью статьи является выявление того, насколько и при каких условиях гражданское участие было значимым фактором результатов реформы в регионах. Основываясь на положениях концепций авторитарной отзывчивости и региональных политических режимов, были выдвинуты предположения о значимости фактора гражданского участия при условиях сочетания с определенными характеристиками регионов по параметрам уровня консолидации политической системы, открытости региональной бюрократии, степени зависимости от центра. Данные по 69 субъектам РФ за 2018–2019 годы были проанализированы статистическими методами (модели порядковых и логистических регрессий). Результаты анализа показывают, что гражданское участие было значимым фактором результатов реформы в регионах с более закрытыми бюрократиями и в регионах, менее зависимых от центра. При этом в отдельности от указанных условий уровень гражданского участия не был значимым фактором сам по себе. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в гибридных режимах гражданское участие может быть значимым фактором политико-управленческого процесса, если а) элиты более восприимчивы к рискам протестной активности (в менее зависимых от центра регионах властям более важна поддержка населения), или б) в случае наличия неформальных каналов взаимодействия государства и общества (регионы с более закрытыми администрациями), что соотносится с положениями концепции авторитарной отзывчивости. В свою очередь, результаты исследования свидетельствуют в пользу подхода «ограниченного плюрализма», согласно которому гражданское участие в не-демократиях, пусть и выполняя основную функцию обеспечения стабильности режима, тем не менее, способно оказывать значимое влияние на исходы политико-управленческих процессов при определенных условиях.

Ключевые слова: реформа ТКО, гражданское участие, политико-управленческий процесс, гибридный режим, институты в недемократиях, региональный политический режим

Для цитирования: Тиняков Д. К. Возможности влияния гражданского участия на реформу по обращению с отходами: статистический анализ // Управленческое консультирование. 2022. № 12. С. 87–99.

Opportunities for Public Participation Influence on the Russian Waste Management Reform: Statistical Analysis

Daniil K. Tinyakov

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation; tinyakovdk@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90028.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the opportunities for civic participation to influence the results of policy processes in hybrid regimes on the example of the modern Russian waste management reform. The goal of the article is to identify to what extent and under what conditions civic participation was a significant factor in the outputs of the reform in the regions. Based on the provisions of the concepts of authoritarian responsiveness and regional political regimes, assumptions were made about the significance of the factor of civic participation under conditions of combination with certain features of the regions: the level of consolidation of the political system, the openness of the regional bureaucracy, and the degree of dependence on the federal center. Data for 69 constituent entities of the Russian Federation for 2018–2019 were analyzed by statistical methods (models of ordinal and logistic regressions). The results of the analysis show that civic participation was a significant factor in reform outcomes in regions with less transparent bureaucracies and in regions less dependent on the center. At the same time, apart from these conditions, the level of civic participation was not a significant factor in itself. Thus, we can conclude that in hybrid regimes, civic participation can be a significant factor in the policy process if a) the elites are more susceptible to the risks of protest activity (in regions less dependent on the center, the support of the population is more important to the authorities), or b) if there are informal channels of interaction between the state and society (regions with more closed administrations), which is consistent with the provisions of the concept of authoritarian responsiveness. In turn, the results of the study testify in favor of the “limited pluralism” approach, according to which civic participation in non-democracies, although performing the main function of ensuring regime stability, can nevertheless have a significant impact on the outcomes of policy processes under certain conditions.

Keywords: Russian waste management reform, civic participation, political and administrative process, hybrid regime, institutions in non-democracies, regional political regime

For citing: Tinyakov D. K. Opportunities for public participation influence on the Russian waste management reform: statistical analysis // Administrative consulting. 2022. N 12. P. 87–99.

The reported study was funded by RFBR, project number 19-311-90028.

Введение

Нормативная база современных изменений в сфере обработки отходов начала складываться с середины 2010-х годов [5]. Проблемы этой сферы наблюдались и раньше и потенциально могли привести к негативным эффектам на здоровье граждан и экономику страны (что, например, зафиксировано в «Стратегии Правительства по развитию промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года»)¹, однако активные действия по имплементации реформы системы по обращению с твердыми коммунальными отходами (ТКО) на уровне субъектов федерации стартовали только в 2018–2019 гг. Привлечению внимания властей к этому вопросу способствовали относительно масштабные региональные протесты граждан, несогласных с экологической политикой или конкретными решениями в этой сфере². В период 2017–2018 гг.

¹ Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 84-р.

² Рекомендации по результатам 67-го специального (133-го) заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на тему «Предотвращение образования отходов как необходимое условие обеспечения экологических прав граждан и успешной реализации национального проекта «Экология» // Сайт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. 2019. 17 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5589> (дата обращения: 24.07.2021).

протестующие преимущественно были недовольны организацией хранения мусора и маршрутами его перевозки. Но общественное внимание к экологической ситуации, связанной с обращением отходов, существовало и ранее [5].

Целями реформы системы по обращению с отходами на сегодняшний день являются переход к использованию более экологичных и экономичных методов переработки мусора, реорганизация маршрутов перевозки и системы хранения отходов на региональном уровне. Имплементация реформы в субъектах федерации предполагает принятие программ конкретных мер на уровне субъектов, разработку системы тарифов за утилизацию мусора, проработку маршрутов транспортировки и хранения отходов в рамках так называемых территориальных схем, определение региональных операторов, оказывающих услуги по утилизации отходов. Согласно ФЗ «Об отходах производства и потребления»¹, регионы должны были начать проводить мероприятия в рамках реформы с 1 января 2019 г., однако не все из них выполнили требование в указанный срок, в то время как другие субъекты частично реализовали отдельные меры ранее этой даты.

На сегодня с разных сторон отмечается недостижение реформой поставленных целей в совокупности с увеличением тарифов для населения². Предпосылками такой ситуации отмечаются отсутствие экономической мотивации для региональных операторов; непрозрачность процессов выработки нормативов и проведения конкурсов; недостаточный вклад со стороны муниципальных властей³. Имплементация реформы в регионах проходит в том числе и с несоблюдением нормативных рамок: наиболее часто нарушаются требования по организации мест хранения мусора, происходят случаи незаконного установления платы за определенные услуги [11]. Проведение реформы с многочисленными нарушениями в совокупности с недостаточным информированием граждан о ее целях и мероприятиях [6] вызывало возмущение со стороны населения. Представляется, что допущение и расширение гражданского участия в ходе ее имплементации позволило бы достичь лучших результатов реформы, более эффективному и прозрачному процессу ее имплементации.

Необходимо отметить наличие большого потенциала для гражданского участия в ходе реформы ТКО как в рамках институционализированных, так и неинституционализированных каналов. К последним, в частности, относится подача петиций; протестная активность, способная выступать результативным инструментом давления на власти; составление жалоб и судебные иски, в некоторых случаях приводящие к устранению допущенных нарушений [11]. К институционализированным возможностям участия можно отнести деятельность общественных объединений и влияние на ход реформы через принятие участия в публичных слушаниях, работе общественно-консультативных структур. Несмотря на необязательность учета результатов общественных слушаний и рекомендаций консультативных структур, можно привести примеры успешного влияния подобных институтов на имплементацию реформы. Так, например, по результатам онлайн-консультаций с гражданами были внесены изменения в петербургский проект территориальной схемы по

¹ Там же.

² Тимирчинская О. Выбросить на свалку: почему буксует мусорная реформа // Портал газета.ru. 2019. 6 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/06/12398923.shtml> (дата обращения: 05.05.2021).

³ Генпрокурор: в России мусорная реформа проходит с системными нарушениями // РИА «Новости». 2020. 17 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200617/1573056166.html> (дата обращения: 05.05.2021); Тимирчинская О. Указ соч.; Пивоваров П. «Мусорное лобби»: свердловский депутат потребовал общественного контроля по ТКО // Портал Накануне.ru. 2021. 26 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2021/01/26/22593489/> (дата обращения: 05.05.2021).

обращению с мусором в Петербурге¹. Общественные организации (и другие объединения) участвуют в ходе реформы, либо контролируя процесс имплементации, либо через непосредственное участие в проводимых мероприятиях в роли «поставщика услуг». Например, общественное движение «Отпор» содействовало сокращению в Московской области количества мест хранения мусора и отмене проекта по приему и хранению отходов из Москвы². А движение «РазДельный сбор»³ занимается как агрегацией данных о процессах, связанных с мероприятиями по организации раздельного сбора мусора, так и непосредственным обеспечением системы раздельного сбора и взаимодействием с другими потенциально заинтересованными акторами.

В литературе существует две основные точки зрения относительно роли гражданского участия в гибридных режимах. Согласно первой, гражданское участие, как и другие институты, внешне напоминающие демократические, выступает субституту, основной функцией которого является обеспечение стабильности режима [15; 17; 22]. Альтернативный подход признает, что вдобавок к этому гражданское участие все же способно влиять на ход политико-управленческих (policy) процессов [19, р. 416; 21]. В развитие последней группы идей, в современной политологической литературе возникает множество теорий, призванных объяснить существование и роль гражданского участия в не-демократиях [9, с. 8]: «ограниченный плюрализм» [21], «популистский авторитаризм» [26], «консультативный авторитаризм» [25], «авторитарная отзывчивость» [14], «авторитарная делиберация» [12], «авторитаризм участия» [17]. Проблематике гражданского и общественного участия в современной России посвящены работы К. Оуэн, Э. Байндман [19; 20; 21], А. Тарасенко, Е. Богдановой, М. Кулмала [8; 13; 24], Л. Никовской, И. Скалан, В. Якимца [3; 4; 7] и др. Выше были описаны теоретически возможные каналы влияния граждан на ход реформы ТКО в регионах и отдельные примеры такого влияния. В то же время, целью эмпирического исследования, результаты которого отражены в данной статье, был анализ возможностей и выявление условий влияния гражданского участия на результаты реформы в регионах на большом количестве случаев.

Гипотезы о влиянии гражданского участия на результаты реформы по обращению с отходами в регионах России и условиях значимости такого влияния основывались на двух теоретических источниках. Так, теория авторитарной отзывчивости, разработанная для осмысления места гражданского участия в Китае, утверждает, что в не-демократиях гражданское участие может оказывать влияние на ход политико-управленческих процессов на местах, если интересы граждан совпадают с целями вышестоящих властей («давление сверху»), либо если местные элиты опасаются неконтролируемых проявлений недовольства граждан (механизм «давления снизу»). В недемократических режимах «давление снизу» проявляется и в том, что элиты могут с большей чувствительностью воспринимать интересы наиболее лояльных социетальных акторов [14]. В свою очередь, концепция региональных политических

¹ Комитет по благоустройству Санкт-Петербурга. Заключение от 17.02.2020 № 01-12-6 20-0-0 // Сайт правительства города Санкт-Петербурга. 2020. 17 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/blago/documents/obshestvennoe-obsuzhdenie-proektov-normativnyh-pravovyh-aktov/zaklyuchenie-ot-17022020-01-12-6-20-0-0/> (дата обращения: 21.07.2021).

² «Мы организуем сопротивление!» Подмосковье объединяется на фоне «мусорного бунта» // Портал Activatica.org. 2018. 18 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://activatica.org/blogs/view/id/4543/title/zhiteli-podmoskovya-gotovyat-otpor-musoroszhigatelnyim-zavodam> (дата обращения: 24.07.2021).

³ Сайт экологического движения «РазДельный сбор» [Электронный ресурс]. URL: <https://rsbor.ru/> (дата обращения: 23.07.2021).

режимов [2; 10] дает возможность предположить, что в случае, если гражданское участие не имеет безусловного влияния на политические процессы в гибридном режиме, оно может оказывать большее или меньшее влияние на результаты реформы в регионах, обладающими определенными относительно стабильными характеристиками. Так, предполагалось, что:

- меньшая зависимость региона от центра способствовала значимости влияния гражданского участия на результаты реформы в сторону, соответствующую общественным интересам, поскольку в таких регионах элиты в большей степени зависят от поддержки населения, которое с остротой воспринимало проблематику реформы ТКО;
- значимость гражданского участия обратно зависела от степени консолидации политической системы региона: в регионах с относительно большей конкуренцией с большей вероятностью включался бы механизм «давления снизу» и гражданское участие было бы значимым фактором;
- в связи с распространенностью и большим значением неформальных взаимодействий между государством и социетальными акторами в не-демократиях [16; 21], гражданское участие было более значимо в регионах с менее открытыми бюрократическими системами (более «патримониальные» регионы).

Данные и методы

Представленные выше гипотезы проверялись при помощи кросс-регионального статистического анализа с использованием моделей порядковых и логистических регрессий. В выборку вошли данные по 69 регионам страны (часть регионов была исключена из-за отсутствия полных данных или в связи с требованиями методов анализа) за период 2018–2019 гг. (начало регионального этапа реформы ТКО).

Для анализа были построены регрессионные модели, проверяющие зависимость исходов реформы от уровня гражданского участия. Поскольку предполагалось, что гражданское участие будет значимо только при наличии определенных условий, в модели включался эффект интеракции переменной, измеряющей уровень участия, с параметрами региональных режимов (открытость бюрократии, политическая конкуренция, зависимость от федерального центра). При этом элементы эффекта взаимодействия включались в модели и как отдельные предикторы. Также в регрессии включались контрольные переменные, отражающие демографические, географические, социально-экономические характеристики субъектов федерации.

В связи со сложностью операционализации категории результатов реформы, было решено использовать две группы моделей. В первой результаты реформы по обращению с ТКО измерялись при помощи рейтинга региональных программ реформы («garbage_reform_rank») [1, р. 90–91]. Другим способом операционализации зависимой переменной была бинарная переменная, отражающая факт своевременного начала реформы в регионе — 1 января 2019 года или до («reform_start») [9, с. 95–96]. Для измерения уровня гражданского участия был сконструирован авторский индекс, включающий следующие индикаторы: количество профсоюзов и социально-ориентированных НКО (СОНКО) на душу населения; отношение количества граждан, получающих услуги от СОНКО, к общему населению региона; соотношение совокупных доходов СОНКО и валового регионального продукта. Для операционализации степени открытости региональных администраций также использовался индекс, учитывающий рейтинг информационной открытости высших¹

¹ Инфометр. Рейтинги // Сайт проекта Инфометр [Электронный ресурс]. URL: <http://system.infometer.org/ru/ratings/> (дата обращения: 18.03.2022). На 16.09.2022 ресурс не активен;

органов исполнительной власти и рейтинг конкурентности государственных закупок¹. Веса составляющих в обоих индексах задавались при помощи метода главных компонент [23, р. 54–56]; значения индексов нормировались. Для операционализации степени политической консолидации региона использовалось среднее эффективное число партий по Молинару [18] по региональным результатам последних думских и региональных (парламентских) выборов. Степень зависимости от центра измерялась через долю трансфертов в структуре доходов регионов [9, с. 99–104].

Результаты анализа

Табл. 1, 2 включают в себя базовую и лучшую модели для обоих вариантов операционализации переменной результатов реформы. В модели 1.2 (табл. 1), где в качестве результатов реформы используются рейтинг региональных программ, значимый эффект присутствует у взаимодействия уровня гражданского участия с индикаторами прозрачности административной системы и степени зависимости субъекта федерации от центра. Важно подчеркнуть, что составляющие эффекта взаимодействия не являются значимыми предикторами по отдельности [9, с. 107–108].

Таблица 1

Зависимая переменная — рейтинг региональных программ по обращению с ТКО (порядковая регрессия)

Table 1. Dependent variable — ranking of regional programmes of the waste management reform (ordinal regression)

DV	Model 1.1 (all controls)			Model 1.2		
	garbage_reform_rank			garbage_reform_rank		
	estimate	p-value		estimate	p-value	
civic_participation:molinar_index	0.427	0.170				
civic_participation:transparency_index	-0.964	0.009	**	-0.523	0.037	*
civic_participation:share_of_transfers	-0.813	0.003	**	-0.516	0.022	*
civic_participation	-0.162	0.564		-0.097	0.705	
molinar_index	0.442	0.171				
transparency_index	0.030	0.937		0.218	0.483	
share_of_transfers	0.076	0.887		0.260	0.504	
grp_pc	0.123	0.732				
urban_share	-0.491	0.245				
vet_orgs_qty_p100k	0.060	0.844				
budget_delta	-0.305	0.358				
below_sub	-0.801	0.175		-0.720	0.061	.
rus_share	-0.269	0.250				

указанная страница доступна по архивной ссылке: <https://web.archive.org/web/20201206020243/http://system.infometer.org/ru/ratings/>.

¹ Регионы России: оценка конкурентности закупок // Портал Госрасходы [Электронный ресурс]. URL: <https://spending.gov.ru/analytics/ratings/competitiveness/> (дата обращения: 24.03.2021).

DV	Model 1.1 (all controls)			Model 1.2		
	garbage_reform_rank			garbage_reform_rank		
	estimate	p-value		estimate	p-value	
unempl_lvl	-0.528	0.357				
high_ed_per1k	0.206	0.543				
pop_dens	0.098	0.825				
<i>intercepts:</i>						
0 1	-1.121	0.000	* *	-1.071	0.000	* *
1 2	-0.679	0.024	*	-0.674	0.015	*
2 3	0.472	0.108		0.354	0.192	
3 4	2.136	0.000	* *	1.922	0.000	* *
4 5	3.918	0.000	* *	3.701	0.000	* *
N	61			61		
Nagelkerke	0.240			0.323		
McFadden	0.081			0.160		
CoxSnell	0.230			0.283		

Источник: [9, с. 108, табл. 4].

Если говорить о примерах конкретных регионах, то можно отметить следующее: «В соответствии с сформулированными гипотезами, в регионах с меньшей открытостью региональной бюрократии больший уровень гражданского участия способствует разработке более качественных региональных программ. Примером такого субъекта является Республика Татарстан со значением индекса открытости = 0.35 (медиана = 0.45, 1-й квартиль = 0.37) и значением индекса гражданского участия = 0.145 (медиана = 0.069, 3-й квартиль = 0.084), где в программу реформы по обращению с ТКО вошли мероприятия по четырем направлениям из пяти возможных. Обратным случаем является Воронежская область, где, несмотря на высокий уровень индекса гражданского участия (0.1), в ситуации сравнительно высокой открытости региональной бюрократии (значение индекса 0.66; 3-й квартиль = 0.52) в региональной программе не были отражены мероприятия ни по одному из ключевых направлений, оцениваемых в рейтинге Счетной палаты. В субъектах, в меньшей степени зависимых от центра, в ситуации повышенного внимания населения к предмету политического курса более высокий уровень институционализированного гражданского участия в регионе положительно влияет на рейтинг региональных программ. Примерами таких регионов являются Вологодская область (индекс участия = 0.08; доля трансфертов = 0.3 при медиане = 0.36 и 1-м квартиле = 0.3; рейтинг программы реформы = 5), Челябинская область (индекс участия = 0.8; доля трансфертов = 0.32; рейтинг программы реформы = 4) и, опять же, Татарстан (доля трансфертов = 0.21). В Алтайском и Ставропольском краях и Саратовской

области, несмотря на значения индекса гражданского участия выше среднего (0.09, 0.11, 0.09, соответственно) в ситуации относительно большей зависимости от центра (доля трансфертов 0.51, 0.46, 0.43 при медиане = 0.36 и 3-м квантиле = 0.48) в региональные программы реформы не вошли мероприятия ни по одному из анализируемых направлений» [9, с. 108–109].

Табл. 2 содержит базовую и лучшую модели с бинарной переменной старта реформы в регионе до или после нормативно закреплённой даты в качестве прокси-исходов анализируемого политического курса. Эффект взаимодействия уровня гражданского участия и индикатора прозрачности административной системы ре-

Таблица 2

**Зависимая переменная — старт реформы до/после января 2019 г.
(логистическая регрессия)**

Table 2. Dependent variable — start of the reform before/after of January, 2019
(logistic regression)

	Model 2.1 (all controls)			Model 2.2		
DV	reform_start			reform_start		
	estimate	p-value		estimate	p-value	
civic_participation:molinar_index	0.182	0.653				
civic_participation:transparency_index	-1.168	0.042	*	-0.984	0.045	*
civic_participation:share_of_transfers	0.736	0.204				
civic_participation	0.161	0.698		-0.186	0.580	
molinar_index	-0.482	0.370		-0.474	0.214	
transparency_index	-0.329	0.438				
share_of_transfers	0.374	0.585				
grp_pc	-1.013	0.234				
urban_share	0.254	0.677				
vet_orgs_qty_p100k	0.490	0.185				
budget_delta	0.144	0.766				
below_sub	0.112	0.885				
rus_share	-1.881	0.138				
unempl_lvl	-0.782	0.431				
high_ed_per1k	0.247	0.634				
pop_dens	-0.520	0.424				
(Intercept)	-1.602	0.001	**	-1.227	0.000	***
N	69			69		
Nagelkerke	0.277			0.116		
McFadden	0.187			0.074		
CoxSnell	0.183			0.077		

Источник: [9, с. 112, табл. 6].

гона по-прежнему статистически значим. Причем направление связи с зависимой переменной соответствует гипотезе: в субъектах с более закрытыми администрациями высокий уровень гражданского участия повышает шансы своевременного старта реформы системы по обращению с отходами (рис.). Как и ранее, прокси уровня гражданского участия и индикаторы «осей» региональных режимов не являются значимыми предикторами сами по себе [9, с. 112–113].

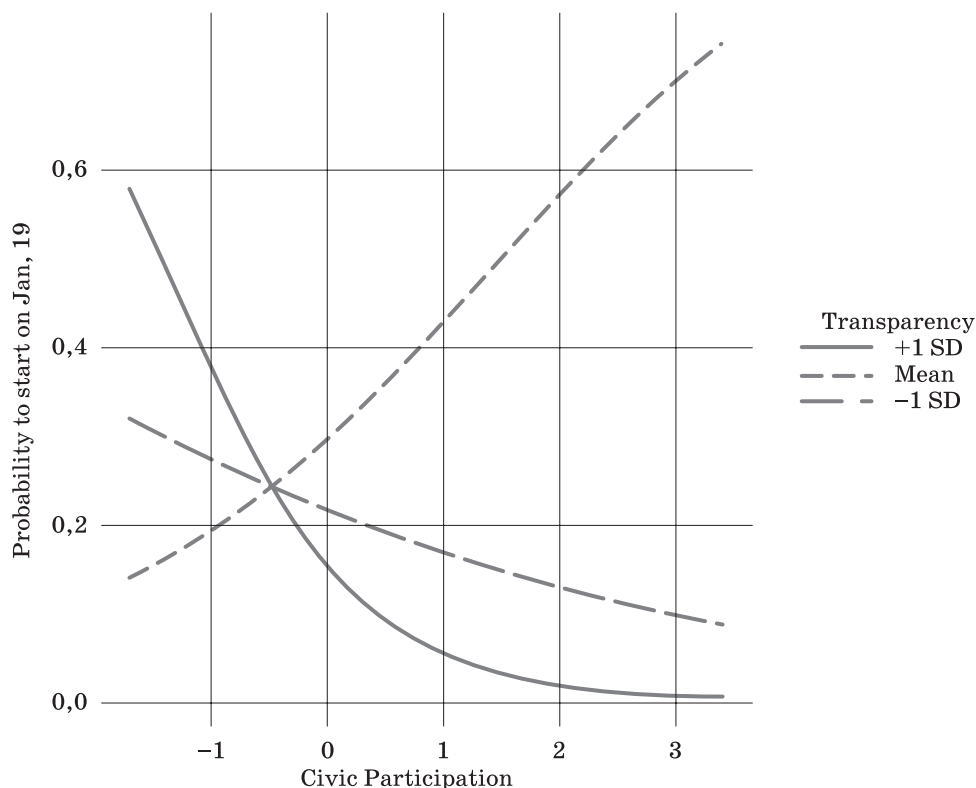

Рис. Влияние эффекта взаимодействия уровней гражданского участия и открытости региональной бюрократии на вероятность своевременного старта реформы
Fig. Impact of moderation effect between civic participation and bureaucratic transparency levels on probability of a timely start of the reform

Источник: [9, с. 158, рис. 4].

* * *

Приведенные выше модели подтверждают, что гражданское участие, не будучи безусловно значимым фактором результатов политического курса, тем не менее оказывало статистически значимое влияние при наличии определенных условий. Модели с обоими способами операционализации результатов реформы системы по обращению с отходами показывают положительный эффект уровня гражданского участия в региональных режимах с более закрытыми административными системами, что теоретически обосновывается большей эффективностью неформальных взаимодействий между властями и обществом в не-демократиях. Помимо этого, построенные регрессии подтверждают, что в субъектах, которые в меньшей степени зависят от федерального центра и власти которых скорее будут учитывать ин-

тересы населения, в ситуации остроты социальной проблемы, относительно высокий уровень гражданского участия оказывал значимый положительный эффект на качество программ региональных мероприятий, что, скорее, соответствует общественным интересам.

В то же время в более зависимых от центра субъектах и в регионах с более прозрачными бюрократиями наблюдался обратный эффект от относительно более высоких уровней гражданского участия. *Post hoc* это можно объяснить тем, «что в регионах, где, с одной стороны, устойчивость элит обеспечивается экономической поддержкой центра а, с другой стороны, отсутствуют эффективные неформальные каналы взаимодействия органов власти с сообществом, включенность граждан в политико-управленческий процесс носит исключительно формальный характер и не оказывает реального влияния на его результаты. Будучи формально обязанными вовлекать общественность в процессы обсуждения и принятия решений, региональные элиты при этом не заинтересованы в реальном учете мнений представителей третьего сектора. В этой ситуации увеличение количества участников процесса при отсутствии стимулов к выработке совместных решений со стороны лиц, их принимающих, способно само по себе замедлить ход преобразований» [9, с. 114].

Заключение

Как упоминалось ранее, в политологической литературе распространено понимание роли гражданского участия в недемократических режимах в качестве субститута, основной (или даже единственной) функцией которого признается поддержание стабильности режима. Впрочем, ограниченность возможностей граждан воздействовать на политико-управленческий процесс признается и теми авторами, которые, тем не менее, говорят о наличии и реальности таких возможностей. Результаты анализа дают возможность предполагать сочетание этих двух функций гражданского участия в условия гибридного режима. В условиях, когда у региональных властей отсутствуют стимулы учитывать интересы населения, гражданское участие выступает, скорее, в роли легитимизирующего субститута, зачастую даже препятствуя достижению оптимальных результатов политических курсов с точки зрения реализации общественных интересов. Но в обстоятельствах, когда власти вынуждены учитывать интересы населения, участие граждан в политико-управленческом процессе способно оказывать реальное (положительное) воздействие на его результаты.

Возвращаясь к цели исследования, заключающейся в понимании возможностей гражданского участия оказывать влияние на результаты реформы по обращению с отходами, можно заключить, что проведенный анализ подтверждает основное теоретическое ожидание, согласно которому гражданское участие, не являясь безусловно значимым фактором политико-управленческого процесса, тем не менее, в сочетании с определенными характеристиками политических систем (регионов), было способно оказать реальное влияние на ее результаты. Важно еще раз подчеркнуть условия повышенного внимания граждан к проблемам, на решение которых была направлена реформа, что способствовало относительно большей инклюзивности процесса имплементации как в смысле разнообразия акторов процесса, так и в смысле репертуара каналов участия.

Результаты анализа свидетельствуют в пользу применимости концепции авторитарной отзывчивости для понимания политико-управленческих процессов в недемократиях. Механизм «давления снизу» проявлялся в субъектах федерации, в меньшей степени зависимых от центра, где власти были вынуждены учитывать интересы населения. В то время как в большая зависимость региона от поддерж-

ки центра, делала элиты менее чувствительными к рискам, связанным с потенциальным недовольством населения.

Одной из интересных зависимостей, выявленных в ходе исследования, было положительное влияние гражданского участия на результаты реформы ТКО в регионах с менее прозрачными административными системами. С одной стороны, это наблюдение соответствует положению концепции авторитарной отзывчивости, согласно которому в не-демократиях местные элиты в большей степени готовы взаимодействовать с отдельными, наиболее лояльными акторами (что потенциально подразумевает определенную неформальность таких взаимодействий). С другой стороны, такой результат может свидетельствовать в пользу тезиса об эффективности неформальных каналов взаимодействия государства и общества в ситуации недемократического режима в целом. Это в свою очередь поддерживает точку зрения таких авторов в сфере исследований гражданского участия в не-демократиях, как К. Фостер, К. Оуэн и Э. Байндмен [16; 19; 20; 21], согласно которой, говоря о политико-управленческих процессах нельзя противопоставлять их демократичность закрытости и патримониальности: в режимах, где возможности граждан влиять на реализацию политических курсов ограничены, неформальные каналы зачастую становятся способом обеспечить определенный уровень плюрализма процессов [9, с. 118–123].

Однако нужно отметить, что не оправдалось теоретическое ожидание о влиянии гражданского участия на исходы реформы в регионах с более высоким уровнем политической конкуренции, где власти предположительно будут более восприимчивы к рискам проиграть выборы в ситуации недовольства населения. Такие результаты говорят в пользу того, «что в ситуации российского гибридного режима власти могут быть отзывчивы к интересам населения только в случае опасений прямого коллективного действия и/или в отношении инициатив отдельных лояльных акторов» [9, с. 123].

Литература

1. *Бюллетень* Счетной палаты РФ (Мусорная реформа). 2020. № 9.
2. *Гайворонский Ю.* Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2015. № 2. С. 21–37.
3. *Никовская Л., Скалабан И.* Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // *Полис. Политические исследования.* 2017. № 6. С. 43–60.
4. *Никовская Л., Якимец В.* Институциональное развитие межсекторного партнерства в России // *Полис. Политические исследования.* 2016. № 5. С. 37–48.
5. *Пупкова Ю., Шевцов Ю.* Реформа сферы обращения с отходами: общественная реакция в сети Интернет (ч. 1) // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2019. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-sfery-obrascheniya-s-othodami-obschestvennaya-reaktsiya-v-seti-internet-chast-1> (дата обращения: 16.09.2022).
6. *Пупкова Ю., Шевцов Ю.* Реформа сферы обращения с отходами: общественная реакция в сети Интернет (часть 2) // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2020. № 2. С. 27–32.
7. *Скалабан И.* Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2011. № 1(13). С. 130–139.
8. *Тарасенко А., Кулмала М.* Ветеранские организации как заинтересованные группы: возможности и ограничения клиентелизма для защиты социальных прав в регионах России. Препринт. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
9. *Тиняков Д.* Влияние институционализированного гражданского участия на реализацию политических курсов в регионах РФ: случаи административной реформы и реформы системы по обращению с отходами : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2022.
10. *Туровский Р.* Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // *Полис. Политические исследования.* 2009. № 2. С. 77–95.
11. *Тюрин И., Петросова К., Сергеева А.* Некоторые проблемные и спорные аспекты практического опыта реализации реформы обращения с твердыми бытовыми отходами в Рос-

- сийской Федерации // Вопросы Российского и международного законодательства. 2020. № 10. С. 194–212.
12. *Baogang H., Warren M.* Authoritarian deliberation: The deliberative turn in Chinese political development // Perspectives on politics. 2011. Vol. 9. N 2. P. 269–289.
 13. *Bindman E., Kulmala M., Bogdanova E.* NGOs and the policy-making process in Russia: The case of child welfare reform // Governance. 2019. Vol. 32. N 2. P. 207–222.
 14. *Chen J., Pan J., Xu Y.* Sources of authoritarian responsiveness: A field experiment in China // American journal of political science. 2016. Vol. 60. N 2. P. 383–400.
 15. *Dimitrov M.* What the party wanted to know: Citizen complaints as a «barometer of public opinion» in communist Bulgaria // East European Politics and Societies. 2014. Vol. 28. N 2. P. 271–295.
 16. *Foster K.* Associations in the embrace of an authoritarian state: State domination of society? // Studies in comparative international development. 2001. Vol. 35. N 4. P. 84–109.
 17. *Gallagher M.* «Reform and openness»: Why China's economic reforms have delayed democracy // World Politics. 2002. Vol. 54. N 3. P. 338–372.
 18. *Molinar J.* Counting the Number of Parties: An Alternative Index // The American Political Science Review. 1991. Vol. 85. N 4. P. 1383–1391.
 19. *Owen C.* Participatory authoritarianism: From bureaucratic transformation to civic participation in Russia and China // Review of international studies. 2020. Vol. 46. N 4. P. 415–434.
 20. *Owen C.* The Struggle for Meaning of Obshchestvennyi Kontrol' in Contemporary Russia: Civic Participation between Resistance and Compliance after the 2011–2012 Elections // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. N 3. P. 379–400.
 21. *Owen C., Bindman E.* Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia // Government and Opposition. 2019. Vol. 54. N 1. P. 98–120.
 22. *Petrov N., Lipman M., Hale H.* Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 30. N 1. P. 1–26.
 23. *Sendhil R, et al.* Data Analysis Tools and Approaches (DATA) in Agricultural Sciences. ICAR-Indian Institute of Wheat and Barley Research, 2017.
 24. *Tarasenko A.* Russian Welfare Reform and Social NGOs: Strategies for Claim-making and Service Provision in the Case of Saint Petersburg // East European Politics. 2015. Vol. 31. N 3. P. 294–313.
 25. *Teets J.* Let Many Civil Societies Bloom: The Rise of Consultative Authoritarianism in China // The China quarterly. 2013. Vol. 213. P. 19–38.
 26. *Wenfang T.* Populist Authoritarianism: Chinese Political Culture and Regime Sustainability. NY: Oxford University Press, 2016.

Об авторе:

Тиняков Даниил Кириллович, выпускник аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», филиал в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; tinukovdk@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7223-9916.

References

1. Bulletin of the Russian Accounting Chamber [Byulleten' Schetnoj palaty RF]. The waste management reform. 2020. N 9 (In Rus).
2. *Gajvoronskij Yu.* Regional political regimes in Russia: conceptual innovations and ways to measure // Politiya: Analysis. Chronicles. Forecast. [Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz]. 2015. N 2. P. 21–37 (In Rus).
3. *Nikovskaya L., Skalaban I.* Civic Participation: Features of Discourse and Real Development Trends // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2017. N 6. P. 43–60 (In Rus).
4. *Nikovskaya L., Yakimec V.* Institutional development of intersectoral partnership in Russia // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2016. N 5. P. 37–48 (In Rus).
5. *Pupkova Yu., Shevcov Yu.* The waste management reform: public reaction on the Internet (P. 1) // Society: sociology, psychology, pedagogy [Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika]. 2019. N 11 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-sfery-obrascheniya-s-othodami-obschestvennaya-reaktsiya-v-seti-internet-chast-1> (request date: 16.09.2022) (In Rus).

6. Pupkova Yu., Shevcov Yu. The waste management reform: public reaction on the Internet (part 2) // Society: sociology, psychology, pedagogy [Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika]. 2020. N 2. P. 27–32 (In Rus).
7. Skalaban I. Social, public and civic participation: to the problem of understanding the concepts // Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology Political science [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya Politologiya]. 2011. N 1 (13). P. 130–139 (In Rus).
8. Tarasenko A., Kulmala M. Veteran organizations as interest groups: opportunities and limitations of clientelism for the protection of social rights in the regions of Russia. Preprint. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2015 (In Rus).
9. Tiniakov D. The Effects of Institutional Civic Participation on Policy Implementation in the Russian Regions: Evidence from Administrative and Waste Management Reforms. Ph.D. thesis in Political Science. M., 2022 (In Rus).
10. Turovskij R. Regional political regimes in Russia: to the methodology of analysis // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2009. N 2. P. 77–95 (In Rus).
11. Tyurin I., Petrosova K., Sergeeva A. Some problematic and controversial aspects of practical experience in the implementation of the Russian waste management reform // Issues of Russian and International Legislation [Voprosy Rossijskogo i mezhdunarodnogo zakonodatel'stva]. 2020. N 10. P. 194–212 (In Rus).
12. Baogang H., Warren M. Authoritarian deliberation: The deliberative turn in Chinese political development // Perspectives on politics. 2011. Vol. 9. N 2. P. 269–289.
13. Bindman E., Kulmala M., Bogdanova E. NGOs and the policy-making process in Russia: The case of child welfare reform // Governance. 2019. Vol. 32. N 2. P. 207–222.
14. Chen J., Pan J., Xu Y. Sources of authoritarian responsiveness: A field experiment in China // American journal of political science. 2016. Vol. 60. N 2. P. 383–400.
15. Dimitrov M. What the party wanted to know: Citizen complaints as a «barometer of public opinion» in communist Bulgaria // East European Politics and Societies. 2014. Vol. 28. N 2. P. 271–295.
16. Foster K. Associations in the embrace of an authoritarian state: State domination of society? // Studies in comparative international development. 2001. Vol. 35. N 4. P. 84–109.
17. Gallagher M. «Reform and openness»: Why China's economic reforms have delayed democracy // World Politics. 2002. Vol. 54. N 3. P. 338–372.
18. Molinar J. Counting the Number of Parties: An Alternative Index // The American Political Science Review. 1991. Vol. 85. N 4. P. 1383–1391.
19. Owen C. Participatory authoritarianism: From bureaucratic transformation to civic participation in Russia and China // Review of international studies. 2020. Vol. 46. N 4. P. 415–434.
20. Owen C. The Struggle for Meaning of Obshchestvennyi Kontrol' in Contemporary Russia: Civic Participation between Resistance and Compliance after the 2011–2012 Elections // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. N 3. P. 379–400.
21. Owen C., Bindman E. Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia // Government and Opposition. 2019. Vol. 54. N 1. P. 98–120.
22. Petrov N., Lipman M., Hale H. Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 30. N 1. P. 1–26.
23. Sendhil R, et al. Data Analysis Tools and Approaches (DATA) in Agricultural Sciences. ICAR-Indian Institute of Wheat and Barley Research, 2017.
24. Tarasenko A. Russian Welfare Reform and Social NGOs: Strategies for Claim-making and Service Provision in the Case of Saint Petersburg // East European Politics. 2015. Vol. 31. N 3. P. 294–313.
25. Teets J. Let Many Civil Societies Bloom: The Rise of Consultative Authoritarianism in China // The China quarterly. 2013. Vol. 213. P. 19–38.
26. Wenfang T. Populist Authoritarianism: Chinese Political Culture and Regime Sustainability. NY: Oxford University Press, 2016.

About the author:

Daniil K. Tinyakov, Graduate of the Graduate School for Political Sciences of the Saint-Petersburg branch of National Research University — Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Political Sciences; tinyakovdk@gmail.com. ORCID: 0000-0001-7223-9916.

Становление планирования в России 1920-х годов и современные реалии

Елсуков М. Ю. *, Кириллова Н. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *elsukov-my@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Становление современной системы стратегического планирования требует учета накопленного опыта советского периода российской истории. Особого внимания заслуживают исследования 1920-х годов. Представляет интерес сопоставление генетического и телеологического подходов к планированию. Первый предполагает учет влияния различных факторов и подготовки разнообразных вариантов планов. Второй основан на необходимости установления целевых ориентиров и показателей, решения актуальных и масштабных проблем народного хозяйства. Опыт исследований 1920-х годов и результаты реализации планов советского периода, так же, как и опыт становления стратегического планирования современного периода российской истории свидетельствует о необходимости комплексного учета разнообразных подходов в организации планирования.

Ключевые слова: планирование, социально-экономическое развитие, методологические основы, научный подход, генетический подход, телеологический подход, стратегическое планирование, индикативный подход, директивный подход

Для цитирования: Елсуков М. Ю., Кириллова Н. Н. Становление планирования в России 1920-х годов и современные реалии // Управленческое консультирование. 2022. № 12. С. 100–112.

The Formation of Planning in Russia in the 1920^s and Modern Realities

Mikhail Yu. Elsukov*, Nadezhda N. Kirillova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-Western Institute of Management RANEPa), St. Petersburg, Russian Federation, *elsukov-my@ranepa.ru

ABSTRACT

The formation of a modern system of strategic planning requires taking into account the accumulated experience of the Soviet period of Russian history. The studies of the 1920s deserve special attention. It is of interest to compare the genetic and teleological approaches to planning. The first involves taking into account the influence of various factors and the preparation of various options for plans. The second is based on the need to establish targets and indicators, to solve urgent and large-scale problems of the national economy. The experience of research in the 1920s and the results of the implementation of the plans of the Soviet period, as well as the experience of the formation of strategic planning of the modern period of Russian history, testify to the need for a comprehensive consideration of various approaches in organizing planning.

Keywords: planning, socio-economic development, methodological foundations, scientific approach, genetic approach, teleological approach, strategic planning, indicative approach, directive approach

For citing: Elsukov M. Yu., Kirillova N. N. Development of planning in Russia in the 1920s and modern realities // Administrative Consulting. 2022. N 12. P. 100–112.

Введение

В российском обществе неуклонно возрастает понимание необходимости планирования деятельности органов власти в решении вопросов социально-экономического развития. Этому способствуют внешние обстоятельства, связанные с созданием искусственных барьеров экономического роста и социального развития Российской Федерации, ростом числа угроз национальной безопасности и суверенитета. Для обеспечения устойчивого развития российской экономики становится жизненно необходимым укрепление собственной экономической базы, эффективное распоряжение ресурсами, повышение качества управления процессами социально-экономического развития. Этот комплекс вопросов решаем только при условии адекватной оценки возможностей, своевременного предвосхищения рисков и угроз, четкого понимания целей государственной политики и методов их достижения.

Тема планирования в течение длительного времени в России искусственно обходилась стороной. Особенно это было заметно в начале рыночных преобразований, когда органами государственного управления задача невозврата к плановой экономике рассматривалась в качестве приоритетной. В 90-е гг. XX в. система управления социально-экономического развития настраивалась по принципу максимальной передачи функций частному бизнесу в руки стихийно развивающегося рынка. Низкая предсказуемость протекающих в экономике процессов дополнялась незавершенностью государственного строительства, отсутствием четкого понимания о распределении полномочий федерального, регионального и муниципального уровней управления, недостаточным вниманием со стороны органов власти к содержанию и направлениям развития отраслей народного хозяйства.

После 2000 г. были приняты многочисленные меры по решению проблем, накопленных в 90-е гг. О завершении подготовительно-восстановительного этапа свидетельствует принятие в 2014 г. закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹. Этим законом были определены содержание и последовательность подготовки основных документов, формирующих систему планирования в современной России. Законом предусмотрена подготовка документов целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования. Распределены функции между федеральным, региональным и муниципальным уровнями управления. Предусматривается подготовка отраслевых документов и документов, связанных с развитием отдельных сфер народного хозяйства. По сути, решается вопрос о создании системы планирования, адаптированной к условиям рыночной экономики.

Становление системы планирования в настоящее время протекает, сталкиваясь с различными сложностями. Об имеющихся проблемах свидетельствует недостижение существенного количества целевых ориентиров, заложенных в документах стратегического планирования. Критике подвергается методология, которая используется в работе органов власти. Дезорганизующую роль вносят новые вызовы и риски, которые не были учтены на стадии разработки документов и которые требуют принятия срочных антикризисных мер. Устранению системных и принципиально важных вопросов посвящен Указ Президента Российской Федерации от 08 ноября 2021 г. «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»². В текущей работе органов власти вносятся изменения, касающиеся целей и методов реализации государственной политики.

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020).

² Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 № 633.

Актуальность существующих проблем организации планирования процессов социально-экономического развития в России заставляет обратить внимание на изучение предшествующего опыта. Напрашиваются определенные исторические параллели с событиями начала XX в., начальным периодом становления планирования, как формы организации управления процессами социально-экономического развития. Как и в начале XXI в., в нашей стране стояли задачи восстановления народного хозяйства, обеспечения обороноспособности и суверенитета государства, создание условий для поступательного социально-экономического развития. Очевидно, что условия 20-х гг. XX и XXI вв. уникальны и не позволяют напрямую перенимать ранее принятые решения. Ценность приобретенного исторического опыта представляет не только анализ практически достигнутых результатов, а также исторических последствий для народного хозяйства, но и сформированная вместе с тем теоретическая база, методологический инструментарий, особенности постановки вопросов организации планирования.

Методы и принципы исследования

Планирование — это специфический вид деятельности. Среди многих интерпретаций этого термина отметим характеристику, которая в той или иной степени присутствует во всех определениях понятия «планирование», а именно — установление определенной последовательности действий для достижения поставленных целей.

Планирование осуществляется в отношении различных экономических систем — предприятия и организации, отрасли экономики и народного хозяйства [27]. И на содержание планирования оказывают влияние характеристики, которыми эти системы располагают. Планирование имеет целенаправленный характер и неразрывно связано с целями, которые ставят перед собой соответствующие субъекты управления. Оно предполагает достижение определенных результатов. Накопленный опыт планирования позволяет выявить лучшие практики и сформулировать выводы, которые, в свою очередь, предоставляют возможность установить определенные общие закономерности, образующие теорию планирования.

Таким образом, для осуществления планирования необходимо понимание его основных параметров. В качестве таковых выступают:

- 1) объект, на который направлена деятельность,
- 2) субъект, осуществляющий деятельность,
- 3) методы, которые используются в процессе этой деятельности,
- 4) цели, которые преследуются при осуществлении этой деятельности.

В современной теории и в практике управления вопросы планирования рассматриваются с учетом указанных параметров.

Наряду с данными параметрами является важным учитывать воздействия внешней и внутренней среды. Внутренние факторы — это качественные параметры участников планирования. При рассмотрении этих характеристик особое место приобретают экономические системы, ориентированные не только на достижение определенных финансово-экономических результатов, но и на формирование среды проживания населения, обеспечение суверенитета и национальной безопасности. Планирование на уровне национальной экономики, региона или муниципального образования располагает специфическими особенностями и не может рассматриваться в общем ряду с планированием деятельности отдельных хозяйствующих субъектов, предприятий и организаций. Внешними выступают условия, в которых находятся участники планирования. Они связаны с уровнем и направлениями социально-экономического развития, общественно-политической ситуацией, геополитическим положением и ха-

рактором взаимодействия с прочими участниками социально-экономического развития. Планирование на уровне территорий, представленных органами власти неразрывно связано с государственным строительством. Достижение поставленных целей с применением эффективных методов управления и обеспечивающих поступательное социально-экономическое развитие ведет к формированию и повышению эффективности работы общественных институтов.

Осуществление планирования находится под преобладающим влиянием общих условий экономического развития, исторически обусловленных обстоятельств. Поэтому теория планирования пополняется новыми знаниями только после отсева из числа лучших практик той информации, которая не теряет своей актуальности с течением времени, оказывается востребованной в новых исторических условиях.

Результаты

Впервые государственное планирование в масштабах всего народного хозяйства было применено в Советском Союзе [20]. Фундаментальные труды советских экономистов в данной области опередили аналогичные зарубежные разработки, получили мировое признание, внесли весомый вклад в достижении СССР стратегических целей и задач, обеспечили решения проблем национальной безопасности.

Начало XX в. стало сложным испытанием для страны. Первая Мировая война сменилась двумя революциями и гражданской войной. Руководство молодой советской республики, определяя перспективы развития народного хозяйства, первоначально опиралось на довольно солидный ранее накопленный опыт исследований. Еще в XIX в. в Российской империи была весьма востребована тема повышения эффективности государственного управления и достижения стратегически значимых целей. После революционных преобразований в российском обществе наряду с марксистскими идеями централизованной плановой экономики сосуществовали школы так называемого «умеренного либерализма», которые в той или иной степени рассматривали перспективы вовлечения личной предпринимательской инициативы в процессы социально-экономического развития. Идеи поддержки частного бизнеса как метода достижения целей при планировании на уровне национальной экономики можно найти в работах таких ученых, как М. И. Боголепов, И. М. Гольдштейн, В. Я. Железнов, Л. Б. Кафенгауз, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. И. Чупров, И. И. Янжул и др. [7].

На практике были реализованы идеи сторонников централизованного планирования, с минимальным вовлечением предпринимательской инициативы. Об этом свидетельствует состав ученых и общественных деятелей, вошедших в Комиссию ГОЭЛРО — Государственного плана электрификации России, которая была учреждена 22 декабря 1920 [11]. В их числе Г. М. Кржижановский, А. И. Эйсман, Б. И. Угрюмов, Г. О. Графтио, Л. В. Дрейер и др. [11]. План ГОЭЛРО фактически выполнял функцию обеспечения процессов восстановления экономики. В нем рассматривались проблемы развития различных отраслей народного хозяйства [2].

Современные исследователи обращают внимание на творческое наследие исследователей того времени, которые высказывали альтернативные взгляды на содержание и организацию планирования в России. Это советские ученые и общественные деятели: Н. И. Бухарин, Н. А. Витке, А. К. Гастев, Е. А. Преображенский, Е. Ф. Розмирович, А. В. Чаянов и др. Высказывались зачастую полярные точки зрения, в 20-е гг. была сформирована атмосфера подлинно научного поиска и часто это время называют периодом расцвета планирования. В качестве примера можно привести расчеты конъюнктурного института под руководством Н. Д. Кондратьева по составлению первого в мире межотраслевого баланса [2].

В работах именно этих исследователей можно увидеть сопоставления идей возможных вариантов развития народного хозяйства, а также обоснования закономерностей организации планирования.

Особое место в ряду этих исследователей принадлежит Владимиру Александровичу Базарову (1874–1939). Творческое наследие В. А. Базарова охватывает не только сферу экономики. Его работы имеют подлинно междисциплинарный характер, рассматривают вопросы как экономики, так и философии, истории, социологии. Он одним из первых обосновал необходимость применения научного подхода к теории и методологии планирования и прогнозирования народного хозяйства, применения математических методов и моделей в экономике [19]. С 1921 г. работал в Госплане, занимаясь практической разработкой первых плановых и прогнозных документов становления экономики СССР.

Среди научных трудов Базарова следует отметить: «К методологии перспективного планирования (1924 г.)» [3], «О методологии построения перспективных планов» (1926 г.) [5], «Принципы построения перспективного плана» (1928 г.) [6] и др.

Основная «архитектурная линия», которая прослеживается в работах В. А. Базарова, — необходимость четкого понимания объекта, субъекта, методов и целей планирования.

Уникальность исследований советских ученых-экономистов 20-х гг. XX в. заключается в возможности постановки вопросов планирования в масштабах всего народного хозяйства. Такой возможностью не располагали, да и не могли располагать и их предшественники, и их зарубежные коллеги. В советской России возникли централизованные органы управления, которые осуществляли планирование развития народного хозяйства и выступали в качестве субъектов управления. Это государственные хозяйственные плановые органы — государственный плановый комитет (Госплан), Высший совет народного хозяйства с главными управлениями по отраслям, народные хозяйственные комиссариаты, местные хозяйственные органы [2].

В. А. Базаров в своих работах обосновал принципы методологии планирования, выделив два подхода: генетический и телеологический. При генетическом подходе, акцент делается на текущие тенденции экономического развития, влияние которых следует учитывать в течении всего периода реализации плана. План рассматривается как система перспектив, планирование придерживается принципа сбалансированности спроса и предложения, при устойчивости денежного обращения. Обосновывается необходимость предвидения экономической ситуации, прогнозирования, на основе изучения *генетики*, под которой В. А. Базаров понимал комплекс причин происхождения событий.

Телеологический подход предполагает сначала разработку целевых заданий, а уже потом, поиск оптимальных путей их достижения с позиции наименьших затрат производственных, финансовых и трудовых ресурсов. Подход ориентирован на директивы — обязательные к выполнению нормативные установки, на основе заранее обозначенных критериев, поиска взаимосвязи между закономерностями, анализа динамических коэффициентов, экономико-математических моделей. Сравнение двух подходов представлено в табл.

Долгосрочное планирование возможно, по мнению Базарова, только при гармоничном сочетании обоих подходов, так как телеологический подход обозначает цель, а генетический определяет ее достижимость [4].

Идеология «генетической» концепции В. А. Базарова подкреплялась выводами исследований другого выдающегося ученого того времени — Н. Д. Кондратьева (1892–1938). В 1925 г. опубликована его работа «Большие циклы экономической конъюнктуры». В ней автор указывает на возможность использования для расчета прогнозов последствий влияния циклов экономической конъюнктуры, а также коротких и длинных волн, следующих за экономическими кризисами [17]. Директив-

Таблица

Сравнение основных подходов к планированию В. А. Базарова
 Table. Comparison of the main approaches to planning by V. A. Bazarov

Генетический подход	Телеологический подход
Акцент на текущие тенденции экономического развития	Плановое целеполагание на основе директив от органа государственной власти
Перенос выявленных тенденций на весь период реализации плана	Использование балансов производства и потребления в качестве основы планирования, агрегирование и деагрегирование продукции на основе межотраслевых балансов, и как результат лишение предприятий и организаций самостоятельности при принятии решений
Планирование придерживается принципа сбалансированности спроса и предложения, при устойчивости денежного обращения	При составлении планов используется методология бюджетного обследования и индексов, составление материальных балансов
План — система перспектив	План — совокупность установок

ное планирование, по мнению Кондратьева, негативно влияет на развитие рыночных механизмов, так как способствует возникновению диспропорций в различных отраслях экономики, а также между товарным и денежным обращением.

Концепция, основоположниками которой стали В. А. Базаров и Н. Д. Кондратьев, получила название «генетической». С этих методологических позиций планирование должно опираться на предварительно составленные прогнозы. Также к ключевым аспектам данной концепции можно отнести:

- необходимость выделения временных промежутков выполнения планов;
- осуществление планирования на основе экстраполяции выявленных тенденций;
- развитие хозяйственной деятельности, при минимальном вмешательстве государства в экономику.

Планирование, с точки зрения В. А. Базарова и сторонников его концепции, должно ориентироваться на законы рыночного регулирования. Оптимальной отраслью, для применения генетического подхода, он считал сельское хозяйство, контролировать полностью которое невозможно. Государство способно лишь оказывать влияние на его развитие, ориентируясь на тенденции рынка. Ученый определил, что телеологический подход наилучшим образом возможно применить в сфере тяжелой промышленности, где полный контроль со стороны государства не только возможен, но и эффективен.

Обозначив методологию планирования, Базаров формулирует основные телеологические постулаты — требования в результативности плана:

- рост производительных сил;
- повышение качества жизни и благосостояния населения;
- агрегирование — объединение отдельных элементов в целостную систему.

Методология планирования должна выстраиваться по принципу бескризисного воспроизводства, обеспечения равновесия спроса и предложения [19]. Задачи, обеспечивающие достижимость целевых показателей, обозначенные в прогнозе, Базаров называл «регулятивными идеями» [5].

При осуществлении планирования содержание и смысл этого процесса обнаруживается при определении цели. Планирование рассматривается не как совокуп-

ность целевых установок, а перспективный план, то есть прогноз — не только анализ причинно-следственных связей. Цель планирования — результат грамотного объединения генетического и телеологического подходов.

Телеологическая концепция предполагала кардинально отличные выводы от генетической концепции Базарова и Кондратьева. Наиболее последовательными сторонниками телеологического подхода к планированию являлись Г. И. Кржижановский и С. Г. Струмилин.

В основе телеологической модели организации планирования стояло целеполагание и государственное регулирование основных экономических процессов. Цели планирования разрабатывались на основе результатов анализа балансов производства и потребления народного хозяйства. Механизмы реализации планов формировались на основе принципов централизованности и директивности. Впервые в рамках концепции «были разработаны методология использования бюджетных обследований, составления ряда бюджетных индексов, а также методология составления системы материальных балансов» [9].

Советская экономика была направлена на решение масштабных стратегически важных задач, таких как: форсированная индустриализация, обеспечение независимости и безопасности, формирование новых высокотехнологичных отраслей народного хозяйства и др. Достижение этих задач осуществлялось с опорой на механизмы плановой административно-хозяйственной системы, в основе которой был заложен принцип телеологического подхода.

Обсуждение

Тема сопоставления генетического и телеологического подходов при разработке и реализации планов приобрела фундаментальный характер в теории и практике планирования. По сути сформированы две концепции, которые по-своему предлагают рассматривать вопросы управления процессами развития народного хозяйства [9].

Научные труды В. А. Базарова и его соратников довольно резко критиковались в советский период, в них видели попытку протаскивания в практику управления буржуазных идей, контрреволюционные настроения, представлявших угрозу советской власти. Труды В. А. Базарова, Н. Д. Кондратьева и их последователей уже в конце 1920-х гг. запрещали публиковать, а в 1930-е гг. они сами подверглись репрессиям. «Вредительские воззрения, которым стараются придать научную оболочку» — так отзывались об этих идеях их оппоненты [8].

Система планирования формировалась с учетом господствующих политических взглядов, и телеологический подход рассматривался в качестве приоритетного. Цели, устанавливались «сверху», часто ориентировали работу на достижение завышенных показателей, предполагали опережающие темпы роста промышленного производства с преднамеренным игнорированием объективно развивающихся процессов. Планирование советского периода придерживалось принципов директивности и определения ограниченного количества приоритетов [24].

Основными инструментами реализации планов стали целевые программы. Инвестиции со стороны государства распределялись на основе потребностей, согласовывались с производственными возможностями отрасли и плановыми расчетами. Рассчитывались показатели по основным отраслям, затем по смежным, которые могли претендовать на остаточное финансирование [14].

При разработке народно-хозяйственных планов использовался метод балансовых расчетов [1]. Помимо баланса народного хозяйства, охватывающего все сферы воспроизводства, разрабатывались также балансы товарных ресурсов, всех важ-

нейших видов продукции, трудовых ресурсов, балансы оборудования и производственных мощностей и т. д.

Особое место при планировании расширенного социалистического воспроизводства занимал межотраслевой баланс, разработанный В. Леонтьевым, статистическая модель которого позволяла рассчитать:

- объемы производства по каждой отрасли промышленности и народного хозяйства, основываясь на конечном продукте;
- сбалансированность плана, исходя из объемов производства;
- на основе предопределенного объема производства по одним отраслям и конечной продукции по другим отраслям, определить конечную продукцию первых и объем производства последних [13].

Получается, что при централизованном планировании, правительство на основе свода и агрегирования полученных показателей составляло обобщающий баланс, утверждало план и после доводило его до ответственных исполнителей (территориальных и отраслевых органов).

В годы Великой Отечественной войны жесткая централизованная модель управления являлась единственно возможной для решения текущих вопросов. Этот подход был оправдан и в период послевоенного восстановления народного хозяйства. Но уже к 1950-м годам масштаб экономики и, следовательно — хозяйственных связей стал расти в геометрической прогрессии. Как следствие, систематический характер приобрели сбои, вызванные перегруженностью центральных органов планирования и управления.

Попытки усовершенствовать систему планового хозяйства привели к исследованиям возможностей применения методов математической оптимизации в планировании. Появляется концепция советского оптимального функционирования экономики (СОФЭ), предпринимаются меры по адаптации идей Л. В. Канторовича, А. Л. Лурье, В. С. Немчинова, В. В. Новожилова [26]. Концепция предполагала сокращение уровня директивности в планировании, использование методов хозяйственных расчетов и косвенных рычагов регулирования экономики со стороны государства [23].

Еще одним направлением усовершенствования системы планирования явилось внедрение территориального принципа управления. В 1957 г. были в масштаб экономических районов стали создаваться «совнархозы», которые взяли на себя часть функций сосредоточенных в руках центральных органов плановой экономики. Однако уже после 1964 г., с приходом к власти Л. И. Брежнева, СССР возвращается к ранее использовавшимся принципам организации управления [28].

Наиболее значимыми плановыми документами 1960–1980-х гг. являлись Комплексные программы научно-технического прогресса, Энергетическая стратегия, Продовольственная программа, Программы социально-экономического развития различных территорий, в том числе — Нечерноземной зоны.

К концу 1980-х ученые все чаще поднимают вопрос о невозможности полного отказа от генетической концепции. С. Глазьев пишет о необходимости перехода с балансовой системы планирования на программно-целевую и важности кооперации плановых и рыночных регуляторов в управлении экономическим развитием [12]. Труды Базарова и Кондратьева после 1920-х гг. не цитировались и не переиздавались. Об актуальности генетической концепции ученые заговорили вновь только в 1990-х гг. в связи с ликвидацией Государственного планового комитета СССР.

Как период 1920-х гг., так и 1990-е гг. можно назвать периодом поиска новых путей экономического развития страны. В условиях перехода к рыночной экономике, часть принципов планирования признавалась устаревшей и не эффективной. Отказ от директив со стороны государственных органов и ликвидация плановых

институтов рассматривались как стимулы формирования свободных рыночных отношений. После ликвидации плановой системы была сделана ставка на механизмы саморегулирования и самостоятельного становления рыночных отношений. Негативные последствия этих решений достаточно скоро дали о себе знать. В научных кругах утверждается мнение об ошибочности выбранного курса, необходимости восстановления и адаптации методологии планирования для рыночных условий хозяйствования [27].

В 1995 г. принят ФЗ-115 «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»¹. В одной из первоначальных формулировок название закона звучало «Об индикативном планировании», но в последствии от него отказались [10]. Фактически закон направлен был на решение вопросов планирования, в части перехода к стратегическому планированию. Законом предусматривалась разработка концепций и программ социально-экономического развития. Целеполагание основывалось на прогнозах. Принимались во внимание условия внешней и внутренней среды [10]. Однако, в практике реализации закона, возникли противоречия, в части нехватки ресурсного обеспечения, в том числе финансового, для достижения обозначенных целей, а также несогласованности системы управления, при определении объекта, субъекта, метода и цели планирования на различных уровнях власти, что приводило к противоречивости разработанных стратегий и планов. Одним из инструментов, в решении этой проблемы стала попытка применения методологии бюджетирования, ориентированного на результат (БОР), т.е. бюджетные ассигнования, распределялись с ориентацией на прогнозируемые результаты в части эффективности достижения приоритетных целей государственной политики [16].

В этих условиях возникает необходимость перехода к стратегическому планированию.

Закон 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ² был направлен на урегулирование возникших противоречий. Происходит возврат к директивной системе планирования. Закон связывает в рамках стратегического планирования социально-экономическое развитие и обеспечение национальной безопасности, объединяет плановую стратегическую документацию в единую систему со строгой иерархией [25], упорядочивает работу органов власти. Предлагается порядок разработки документов планирования, включающий целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование. Принципы бюджетирования по результатам, реализует комплекс государственных программ. Однако предложенная система стратегического планирования оказалась недостаточно эффективной в практическом применении по ряду причин, таких как:

- в качестве участников стратегического планирования не указаны представители бизнес-структур [18], субъектами выступают лишь представители власти;
- недостижимость значительного количества целевых показателей государственных программ, по причине нечеткого определения индикаторов результативности;
- игнорирование необходимости применения сценарного подхода при прогнозировании финансовых показателей и будущей наполняемости бюджетов;
- отсутствие системности между национальными проектами и государственными программами [15].

На решение обозначенных проблем направлен, принятый в 2021 г. Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегиче-

¹ Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» от 20.07.1995 № 115-ФЗ (последняя редакция).

² Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ (последняя редакция).

ского планирования в Российской Федерации. Указом предполагается, что в качестве субъекта планирования будет выступать единый стратегический центр, координирующий работу органов управления в части разработки стратегических плановых документов, что позволит оптимизировать расходы, путем ликвидации дублирования функций. В Указе обосновывается необходимость разработки стратегий социально-экономического развития на основе индикативного подхода к планированию. В части порядка разработки плановых документов происходит возврат к ряду положений Федерального Закона 1995 г., где прогнозирование предшествует целеполаганию.

Заключение и выводы

В 1920-е гг. был накоплен уникальный опыт, не потерявший своей актуальности в настоящее время. Научные основы применения генетического и телеологического подходов являются той фундаментальной теоретической базой, на которой формируются современные принципы индикативного и директивного планирования.

Становление системы планирования, на протяжении столетия, многократно доказало верность тезиса В.А. Базарова, Н.Д. Кондратьева и их последователей о необходимости комплексного применения генетического и телеологического подходов для обеспечения эффективного экономического развития.

Опыт планирования советского периода, деятельности по управлению народным хозяйством с опорой на принципы телеологического подхода и директивности с преднамеренным игнорированием естественных факторов социально-экономического развития, оказался эффективен на непродолжительных этапах экономической истории: начального становления системы управления, мобилизации военного времени и послевоенного восстановления народного хозяйства. В долгосрочной перспективе кратно возрастающее количество хозяйственных связей перегружает работу центральных органов управления, требует применения иных инструментов управления и планирования.

Преднамеренный отказ от методов директивного планирования, произошедший в 1990-е гг., привел к хаосу. Попытки построения системы стратегического планирования на основах директивного управления в соответствии с требованиями закона о стратегическом планировании в 2014 г. тоже не принесли должных результатов.

Актуальность вопросов организации системы планирования и необходимость внесения корректив в данной сфере подтверждается положениями Указа Президента Российской Федерации № 633 от 8 ноября 2021 г. об утверждении основ государственной политики в сфере стратегического планирования. При реализации положений этого Указа важно принимать во внимание богатый отечественный опыт.

Придерживаться какого-то одного подхода — генетического (индикативное планирование) или телеологического (директивное планирование) не эффективно, так как в процессе социально-экономического развития и преобразований народного хозяйства возникают различные задачи. И только сочетание подходов способно дать наилучшие результаты.

Литература

1. *Альтер Л.Б., Брагинский Б.И.* Экономические законы и совершенствование планирования народного хозяйства. М. : Экономика, 1970. 151 с.
2. *Амосов А.И.* Социально-экономическая эволюция России. М. : РОССПЭН, 2004. 183 с.
3. *Базаров В.А.* К методологии перспективного планирования. Гос. плановая комис. при СТО. М. : Госплан, 1924. 16 с.

4. Базаров В.А. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М.; Л. : Гос. изд-во, 1927. 168 с.
5. Базаров В.А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9–10.
6. Базаров В.А. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 7–21.
7. Боженова С.И. Экономические воззрения ученых-экономистов 20-30-х годов XX века по проблемам становления и развития планирования : дис. ... канд. экон. наук. СПб.: СПбГЭУ, 2021. 173 с.
8. Вайсберг Р. «Объективная» наука плановиков-вредителей // Большевик. 1930. № 19–20. С. 3–41.
9. Валишевская Т.И. Особенности развития методологии отечественного планирования // Вестник ОГУ. 2014. № 8 (169). С. 3–9.
10. Вилисов М.В. Роль законодательство о стратегическом планировании в сфере государственной политики // Власть. 2016. № 6. С. 7–14.
11. Гвоздецкий В.Л. План ГОЭЛРО. Мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 102–109.
12. Глазьев С.Ю., Микерин Г.И., Тесля П.Н., Ковалева Г.Д., Николов И.Г. Длинные волны: научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. Новосибирск : Наука, 1991. 224 с.
13. Гранберг А.Г. В. Леонтьев и его вклад в мировую экономическую науку // Экономист. 2007. № 2. С. 11–18.
14. Гретченко А.И., Горохова И.В. Плановый опыт СССР и проблемы стратегического планирования в современной России // Вестник РЭУ им. Плеханова. 2014. № 11 (77). С. 70–80.
15. Елсуков М.Ю. О перспективах стратегического планирования социально-экономического развития России // Государство и бизнес. Современные проблемы и тенденции развития региональной экономики : Материалы XIV Международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2022 года. СПб. : Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, 2021. С. 51–62.
16. Елсуков М.Ю. Актуальные направления инновационного развития: отечественный и зарубежный опыт исследований / М.Ю. Елсуков, А.П. Исаев // Тренды глобализации. СПб. : Издательско-полиграфический центр СЗИУ РАНХиГС, 2022. С. 225–247.
17. Кадифов В.В. Современные методологические подходы к стратегическому управлению и развитию городов различных типов. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 246 с.
18. Казанцев Н.М. Ляпсусы федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Инновации. 2018. № 8 (238). С. 24–32.
19. Клебанер В.С. В.А. Базаров мыслитель, ученый, гражданин // Проблемы прогнозирования. 2004. № 6. С. 150–156.
20. Колганов А.И. Советское планирование: что и почему актуально в XXI в. // Экономическая наука современной России. 2021. № 4. С. 127–132.
21. Коровникова Н.А. Современные российские экономисты о советской экономической мысли 1920-х годов // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика : Реферативный журнал. 2019. № 4. С. 7–12.
22. Маршев В.И. История управленческой мысли: учебник. М. : ИНФРА-М, 2005. 731 с.
23. Немчинов В.С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством. М. : Издательство экономической литературы, 1964. 307 с.
24. Погребинская В.А. Опыт стратегического планирования России // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17., № 14. С. 1629–1644.
25. Российские доктрины как акты государственного управления: монография / С.С. Сулакшин и др. М. : Научный эксперт, 2012. 148 с.
26. Федоренко Н.П. О разработке системы оптимального функционирования экономики. М. : Наука, 1968. 243 с.
27. Ходачек В.М. Национальное стратегическое планирование как условие устойчивого развития российской экономики // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2009. № 4 (36). С. 96–103.
28. Чистобаев А.И. Сюжеты из практики управления развитием территорий в СССР и современной России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 13–24.

Об авторах:

Елсуков Михаил Юрьевич, доцент кафедры экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук, доцент; elsukov-my@ranepa.ru

Кириллова Надежда Николаевна, аспирант кафедры экономики, преподаватель кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), kirillova-nn@ranepa.ru

References

1. Alter L.B., Braginsky B.I. Economic laws and improvement of national economy planning. M. : Economics, 1970. 151 p. (In Rus).
2. Amosov A.I. Socio-economic evolution of Russia. M. : ROSSPEN, 2004. 183 p. (in Rus).
3. Bazarov V.A. To the methodology of long-term planning. State planned commission at STO. M. : Gosplan, 1924. 16 p. (In Rus).
4. Bazarov V.A. Capitalist cycles and the recovery process of the economy of the USSR. M.; L. : State Publishing House, 1927. 168 p. (In Rus).
5. Bazarov V.A. On the methodology for constructing long-term plans // Planned economy [Planovoe khozyaistvo]. 1926. N 7. P. 9–10 (In Rus).
6. Bazarov V.A. Principles of building a long-term plan // Planned economy [Planovoe khozyaistvo]. 1928. N 2. P. 7–21 (In Rus).
7. Bozhenova S.I. Economic views of scientists-economists of the 20–30s of the twentieth century on the problems of the formation and development of planning: PhD Dissertation. SPb. : St. Petersburg State University of Economics, 2021. 173 p. (In Rus).
8. Weisberg R. "Objective" science of pest planners // Bolshevik. 1930. N 19–20. P. 3–41 (In Rus).
9. Valishevskaya T.I. Features of the development of the methodology of domestic planning // Bulletin of the OSU [Vestnik OGU]. 2014. N 8 (169). P. 3–9 (In Rus).
10. Vilisov M.V. The role of legislation on strategic planning in the sphere of public policy // Power [Vlast']. 2016. N 6. P. 7–14 (In Rus).
11. Gvozdetsky V.L. GOELRO plan. Myths and reality // Science and life [Nauka i zhizn']. 2001. N 5. P. 102–109 (In Rus).
12. Glaz'ev S.Yu., Mikerin G.I., Teslya P.N., Kovaleva G.D., Nikolov I.G. Long waves: scientific and technological progress and socio-economic development. Novosibirsk : Nauka, 1991. 224 p. (In Rus).
13. Granberg A.G. V. Leontiev and his contribution to world economic science // The Economist [Economist]. 2007. N 2. P. 11–18 (In Rus).
14. Gretchenko A.I., Gorohova I.V. Planning experience of the USSR and the problems of strategic planning in modern Russia // Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics [Vestnik REU im. Plekhanova]. 2014. N 11 (77). P. 70–80 (In Rus).
15. Elsuikov M.Yu. On the prospects for strategic planning of the socio-economic development of Russia // State and business. Modern problems and trends in the development of the regional economy: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference. In 2 parts, St. Petersburg, April 21–22, 2022. SPb. : North-Western Institute of Management — branch of the RANEPa, 2021. P. 51–62 (In Rus).
16. Elsuikov M.Yu. Actual directions of innovative development: domestic and foreign research experience / M. Yu. Elsuikov, A. P. Isaev // Trends of globalization. SPb. : Publishing and Printing Center of the SZIU RANEPa, 2022. P. 225–247 (In Rus).
17. Kadifov V.V. Modern methodological approaches to strategic management and development of cities of various types. Moscow: Publishing house "Delo" RANEPa, 2015. 246 p. (in Rus).
18. Kazantsev N.M. Lapses of Federal Law N 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation" // Innovations [Innovatsii]. 2018. N 8 (238). P. 24–32 (In Rus).
19. Klebaner V.S. V.A. Bazarov thinker, scientist, citizen // Problems of Forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2004. N 6. P. 150–156 (In Rus).
20. Kolganov A.I. Soviet planning: what and why is relevant in the 21st century // Economic science of modern Russia [Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii]. 2021. N 4. P. 127–132 (In Rus).
21. Korovnikova N.A. Modern Russian economists about the Soviet economic thought of the 1920s // Social and humanitarian sciences: Domestic and foreign literature. Ser. 2, Economics: Abstract journal. 2019. N 4. P. 7–12 (In Rus).

22. Marshev V.I. History of managerial thought: a textbook. M. : INFRA-M, 2005. 731 p. (In Rus).
23. Nemchinov V.S. On the further improvement of planning and management of the national economy. M. : Publishing house of economic literature, 1964. 307 p. (In Rus).
24. Pogrebinskaya V.A. Russian strategic planning experience // Russian Entrepreneurship [Rossiiskoe predprinimatel'stvo]. 2016. Vol. 17. N 14. P. 1629–1644 (In Rus).
25. Russian doctrines as acts of state administration: monograph / S.S. Sulakshin and others. M. : Scientific expert, 2012. 148 p. (In Rus).
26. Fedorenko N.P. On the development of a system for the optimal functioning of the economy. M. : Nauka, 1968. 243 p. (In Rus).
27. Khodachek V.M. National strategic planning as a condition for the sustainable development of the Russian economy // Administrative Consulting. Actual problems of state and municipal management [Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2009. N 4 (36). P. 96–103 (In Rus).
28. Chistobaev A.I. Plots from the practice of managing the development of territories in the USSR and modern Russia // Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian social geographers [Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvovedov]. 2018. N 7. P. 13–24 (In Rus).

About the authors:

Mikhail Yu. Elsukov, Associate Professor of the Chair of Economics and Finance of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor; elsukov-my@ranepa.ru

Nadezhda N. Kirillova, Postgraduate Student of the Chair of Economics, Lecturer of the Chair of Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), kirillova-nn@ranepa.ru

Стратегическое развитие трудовых ресурсов электроэнергетической отрасли России

Попов П. С.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, unrealpopov@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье выявлены приоритетные направления развития электроэнергетической отрасли Российской Федерации в условиях роста доступности современных технологий, таких как искусственный интеллект, цифровые двойники, система виртуальной реальности и др. Целью работы являлось изучение ключевых направлений стратегического развития трудовых ресурсов электроэнергетической отрасли России с учетом специфики региона, а также особенностей развития отрасли. В связи с этим проанализированы основополагающие принципы стратегического развития трудовых ресурсов с учетом особенностей отрасли хозяйствования, а также рассмотрена возможность применения методологии стратегирования, разработанной д. э. н., профессором, иностранным членом РАН В. Л. Квинтом. Выделены проблемные аспекты эффективности трудовой деятельности в электроэнергетической отрасли, в том числе, касающиеся угроз кибербезопасности в современных условиях, и проанализированы практические случаи решения данных проблем государственными органами и различными хозяйствующими субъектами.

Ключевые слова: энергетическая отрасль; трудовые ресурсы; методология стратегирования, стратегическое управление, мотивационные механизмы, кадровое обеспечение

Для цитирования: Попов П. С. Стратегическое развитие трудовых ресурсов электроэнергетической отрасли России // Управленческое консультирование. 2022. N 12. С. 113–120.

Strategic Workforce Development of the Staffing in the Russian Federation

Petr S. Popov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, unrealpopov@gmail.com

ABSTRACT

The article analyzes the current state of the electric power industry of the Russian Federation, identifies priority areas for its development in the context of the availability of modern technologies, such as artificial intelligence, digital twins, and a virtual reality system. The possibility of replacing human labor resources by electric power with artificial intelligence is considered in the context of the priority policy of using the best available technologies with minimal harm to the environment. The key directions of the strategic development of the labor resources of the electric power industry in Russia are studied, taking into account the specifics of the region, as well as the features of the development of the industry. The fundamental principles of the strategic development of labor resources are analyzed, taking into account the characteristics of the economic sector, and the possibility of applying the strategizing methodology proposed by Doctor of Economics, Professor, foreign member of the Russian Academy of Sciences V.L. Kvint is considered. The problematic aspects of labor efficiency in the electric power industry, including those related to cybersecurity threats in modern conditions, are highlighted, and practical cases of solving these problems by government agencies and various business entities are analyzed. Ways are proposed to overcome difficulties, taking into account the costs inherent in each of the options, in order to increase the performance of enterprises in the electric power industry and their further improvement.

Keywords: energy industry; labor resources; strategizing methodology, strategic management, motivational mechanisms, staffing

For citing: Popov P. S. Strategic workforce development of the staffing in the Russian Federation // Administrative consulting. 2022. N 12. P. 113–120.

В современном мире происходит постоянное развитие и совершенствование наукоемких промышленных корпораций и наукоемких отраслей экономики в целом. Развитие инновационных технологий, к примеру робототехники в машиностроении, а также различного рода «малолюдных» производственных процессов свидетельствует о том, что промышленные организации постепенно теряют работников, которые ранее были задействованы в процессе производства, в связи с трансформацией экономики в сторону механизации и автоматизации. Данная ситуация зачастую усугубляется непониманием руководством значимости человеческих ресурсов для того, чтобы в полной мере иметь возможность обеспечить инновационное развитие производственных процессов, а также получить достойный уровень конкурентоспособности и устойчивости в условиях постоянно изменяющихся условий [12].

На практике при постепенном осуществлении данного перехода была отмечена несостоятельность и преждевременность реализации рассматриваемой концепции в связи с практической необходимостью использовать человеческий капитал, в частности — в энергетике. Актуальность изучения вопроса о развитии трудовых ресурсов в электроэнергетической отрасли обусловлена, в первую очередь, повышением производительности человеческих ресурсов [9]. Для повышения эффективности деятельности данной отрасли необходимо использование имеющегося потенциала наряду со стимулированием формирования и развития человеческого капитала.

В этой связи важное значение приобретает методология стратегирования д. э. н., профессора, иностранного члена РАН В. Л. Квинта [4], на которой основывается стратегическое управление трудовыми ресурсами. Согласно данной методологии, именно на основе учета интересов работодателя, работника и иных лиц происходит стратегическое управление трудовыми ресурсами. В случае, если требования данных сторон не будут согласованы друг с другом, невозможно говорить об успешном функционировании предприятий. Уникальность методологии стратегирования В. Л. Квинта заключается, с одной стороны, в ее междисциплинарном характере, а, с другой стороны, в конечной направленности на человека. Методология стратегирования В. Л. Квинта в общей системе экономических исследований занимает особое значение, оказывая существенное практическое влияние на развитие не только отдельных корпораций, но и отраслей регионов.

Реализация стратегического управления происходит посредством осуществления стратегического лидерства, то есть наличия некой управленческой фигуры, которая позволяет проанализировать и обозначить ключевые преимущества той или иной деятельности, определить стратегические цели, преследуемые организацией, а также выработать тактику дальнейшей деятельности на основании глобальных и региональных трендов в данной области. Особенностью методологии стратегирования В. Л. Квинта является сочетание таких приоритетных элементов, определяющих мотивацию и заинтересованность персонала, как его интерес, контроль, вовлеченность — которые в дальнейшем будут играть ведущую роль в развитии долгосрочных отношений работодателя с сотрудниками. Помимо межличностных отношений в профессиональной сфере, данная деятельность будет способствовать поддержанию устойчивости экономики как отдельно взятого предприятия, так и всей отрасли хозяйствования.

Эффективным решением представляется создание системы корпоративного управления с условием использования инновационных технологий и новейших мотивационных методов [19]. Постоянный поиск новых инструментов, которые позволили бы рационализировать осуществляемую деятельность с целью сокращения издержек, при этом поддерживания уровень осуществления деятельности предприятия высоким, позволяет моделировать мотивационный механизм деятельности в сложных

производственных структурах, в частности — в электроэнергетической отрасли. В рамках подобного моделирования можно выделить такие направления как распределение функциональных связей, формирование системы оплаты труда в зависимости от специфики осуществления трудовой функции, конкретизация полномочий, определение целей деятельности и формирование системы оценки эффективности производства [17].

Среди принципов стратегического развития трудовых ресурсов можно выделить следующие [20]: работоспособность построенных отношений, достижение конкурентоспособности, ориентация на итоговые результаты, соответствие правовым нормам, социальная справедливость и иные. Соблюдение указанных принципов дает возможность руководству выявить цели и способности каждого субъекта, тем самым сократив материальные и временные затраты на адаптацию новых специалистов, а также позволит эффективно сформировать коллектив профессиональных работников [19].

В связи с тем, что современная экономика основывается на интеллектуальном капитале, оптимизация использования человеческих ресурсов и качественное развитие потенциала работников представляет собой стратегическую задачу экономического субъекта [18]. Приоритетными процессами, которые обеспечивают повышение эффективности управления трудовыми ресурсами на предприятии электроэнергетической отрасли, по мнению автора, являются следующие: унификация организационных структур управленческих подразделений, автоматизация кадровых процессов, формирование ключевых показателей эффективности деятельности определенных служб.

Важно учитывать особенности электроэнергетической отрасли, которые связаны с привлечением высококвалифицированных кадров, а также необходимостью осуществлять деятельность на удаленных территориях. Несомненно, удаленность территорий усложняет привлечение высококвалифицированных кадров, готовых к реализации своих трудовых функций в районах специфических бытовых и порой погодных условий. Помимо этого, важную роль играют современные тенденции, направленные на изучение и последующую разработку проектов по возобновляемым источникам энергии на различных территориях, в том числе, на отдаленных от крупных городов.

В связи с этим важным аспектом деятельности организаций электроэнергетики является стимулирование рабочих, придание престижа рабочим специальностям, а также обеспечение эффективности функционирования современных наукоемких промышленных предприятий электроэнергетического комплекса. Современное развитие электроэнергетической отрасли направлено на расширение использования процессов цифровизации и применения достижений науки и техники. Так, среди приоритетов развития электроэнергетической отрасли, которые напрямую влияют на развитие трудовых ресурсов, можно выделить ряд ключевых направлений.

1. Применение технологий виртуальной реальности для тестирования и дальнейшего применения на практике интерактивных электронных технических руководств и систем управления.
2. Проведение оцифровки бизнес-проектов, что в перспективе позволит избегать ошибок в документации, а также рационально перераспределять персонал для избежания аварий и обеспечения прозрачности деятельности организации и принимаемых руководством решений [3].
3. Совершенствование системы кибербезопасности, в том числе от различного рода цифровых атак, что позволит избежать утечки конфиденциальных сведений, персональных данных, поможет защитить электроэнергетический объект и электроэнергетическую компанию от нарушения бизнес-процессов ввиду неправомерного доступа к информации третьих лиц либо внесения несанкционированных

изменений в опубликованные документы и изданные акты. Следует отметить, что крупные мировые игроки на энергетическом рынке неоднократно сталкивались с угрозами кибервымогательства, которые могли повлечь за собой серьезные проблемы. К примеру, в 2019 г. была совершена кибератака на крупный энергетический объект в Норвегии, в результате чего была парализована его работа, и на восстановление деятельности ушло порядка 70 млн долл.¹

4. Создание цифрового двойника энергетического объекта представляет собой инновационное достижение, благодаря которому появляется возможность создавать виртуальную копию промышленного объекта со всеми мельчайшими деталями, которая будет в полной мере соответствовать объекту, находящемуся в реальном мире. Благодаря применению данной технологии в сфере электроэнергетики, снизится, по мнению автора, риск осуществления технических и технологических вмешательств в структуру объекта вслепую в связи с появлением возможности досконального изучения всех производственных процессов и структурных механизмов объекта заранее [16].
5. Применение облачных хранилищ и распределительных реестров должно способствовать распределению данных по контрольным регистрам, благодаря чему облегчается доступ к искомой информации за счет четкого структурирования имеющихся сведений. Помимо этого, упрощается возможность внедрения инноваций, а также повышается гибкость ресурсов.
6. Важным элементом стратегии применения достижений современных технологий, инноваций и цифровизации является использование робототехники, беспилотных летательных аппаратов и дронов. Подобные устройства полезны для проведения плановых и экстренных диагностик состояния электроэнергетических объектов, а также для целей сопровождения строительных работ, реконструкций и иных вмешательств.

С учетом представленного выше перечня, можно сделать вывод, что высококвалифицированным кадрам, занятым в сфере электроэнергетики, необходимо обладать соответствующими знаниями и умениями в области современных технологий. В связи с этим, необходима соответствующая оплата труда, кроме того, помимо материального стимулирования большие значение приобретают нематериальные факторы [6]. Согласно официальной статистике средней оплаты труда в сфере энергетики России², на данный момент заработная плата специалистов в данной сфере не является сильно отличающейся в лучшую сторону от средней заработной платы в иных отраслях производства (рис.).

Так, к примеру, в сфере производства табачных изделий средняя заработная плата составляет 70 тыс. руб., в производстве нефтепродуктов — 60 тыс. руб., в производстве текстильных изделий — 25 тыс. руб., в производстве мебели — 23 тыс. руб.³

Электроэнергетическая отрасль сама по себе имеет очень важное значение для социально-экономического развития любого региона. В частности, на территории Дальнего Востока в Российской Федерации наблюдается невысокий уровень заселенности территорий, имеющих большой потенциал для экономического развития. Однако на практике существуют определенные сложности в привлечении квалифицированных профессиональных кадров на работу в таких условиях (на отдаленных и слабоосвоенных территориях). В то же время не вызывает сомнений

¹ Kaspersky. ICS-cert [Электронный ресурс]. URL: <https://ics-cert.kaspersky.ru/publications/reports/2019/09/30/threat-landscape-for-industrial-automation-systems-h1-2019/> (дата обращения: 01.03.2022).

² Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 14.02.2022).

³ Там же.

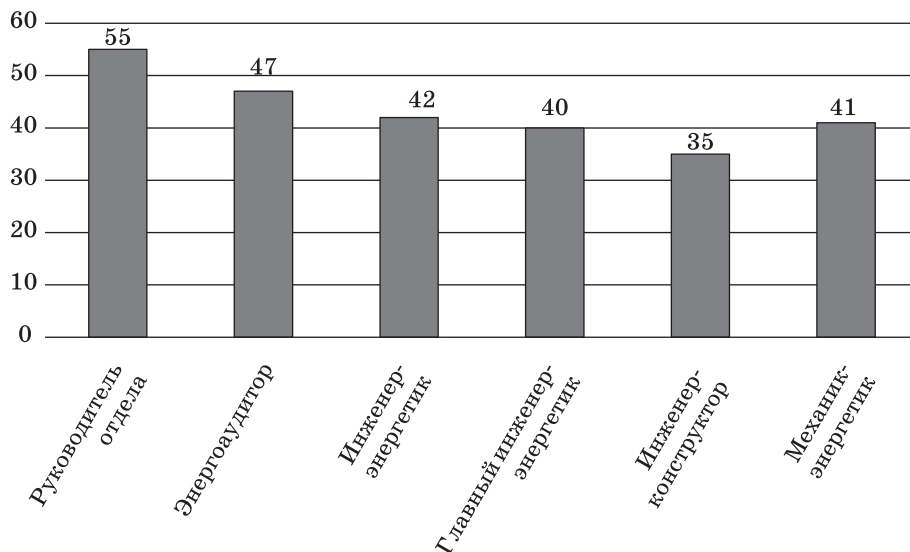

Рис. Средние заработные платы в сфере энергетики, Россия, тыс. руб.
Fig. Average wages in the energy sector, Russia, thousand rubles

необходимость участия высококвалифицированных кадров в работе по развитию отрасли электроэнергетики [11].

Достижение данной цели реализуется посредством создания системы непрерывного многоуровневого образования. Подобная система включает в себя меры, направленные на формирование неких базовых структур на предприятиях, на создание учебных центров повышения квалификации и переподготовки инженерно-технических работников и кадров рабочих специальностей. К примеру, у государственной корпорации «Ростех» на данный момент имеются соглашения о сотрудничестве более чем с 200 вузами (например, МГУ им. М.В. Ломоносова, РЭУ им. Г.В. Плеханова, МГТУ им. Н.Э. Баумана и иными). Особое внимание уделяется получению опыта и знаний в области инновационного и технологического менеджмента. Так, в 2017 г. была создана Корпоративная сетевая академия, предоставляющая форматы обучения на высокоэффективных программах, призванных реализовывать долгосрочные цели¹.

Важно отметить, что масштабы развития строительства в области электроэнергетики требуют привлечения в отрасль большого количества высококвалифицированного персонала, обладающего необходимыми знаниями и умениями. К примеру, эта тенденция ярко прослеживается при увеличении количества атомных электростанций (АЭС), для осуществления непосредственной деятельности на которых необходим высококвалифицированный персонал, прошедший, помимо прочего, специальную подготовку непосредственно в формате подготовки к деятельности в области атомной электроэнергетики.

Дополнительно необходимо отметить, что происходит постоянное возрастание необходимости выработки новых технологий осуществления деятельности, а также поиска новых способов, которые бы позволяли рационализировать процессы производства. Данное направление деятельности базируется на необходимости со-

¹ Ростех [Электронный ресурс]. URL: <https://rostec.ru/careers/kadrovaya-politika/> (дата обращения: 15.02.2022).

крашения транзакционных издержек, а также на поддержании на высоком уровне производственных процессов [2]. К примеру, придерживаясь тенденции автоматизации и развитию современных технологий, в госкорпорации «Росатом» внедряются автоматизированные системы управления человеческими ресурсами, такие как SAP HCM для крупных организаций и 1С: Зарплата и Управление для организаций с небольшой численностью работников.

Важно отметить, что наиболее важными процессами, которые обеспечивают повышение эффективности управления человеческими ресурсами в электроэнергетике, являются: автоматизация кадровых процессов; формирование ключевых показателей эффективности; унификация организационных структур; вывод транзакционных процессов управления человеческими ресурсами. Исследование особенностей в сфере управления человеческими ресурсами наукоемких корпораций в области электроэнергетики свидетельствует о том, что те хозяйствующие субъекты, которые реализуют многоуровневую и системную политику развития человеческого потенциала собственных организаций, формируют себе конкурентные преимущества.

Таким образом, для эффективного проведения стратегического развития трудовых ресурсов электроэнергетической отрасли в Российской Федерации необходимо комплексное сочетание научных и практических методов повышения производительности человеческих ресурсов. При этом важную роль играет также учет достижений современных технологий, таких как искусственный интеллект, концепция цифрового двойника, система виртуальной реальности и иных. В то же время в целях сокращения негативных проявлений в трудовой среде необходимо учитывать интересы всех сторон трудовых отношений, принимая во внимания как потребности, так и мотивы работников.

Литература

1. Горюнов О. А., Назарова Ю. А., Жильцов С. А. Анализ факторов, влияющих на развитие возобновляемых источников энергии для энергообеспечения удаленных потребителей // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2018. № 3. С. 28–40.
2. Дубаневич Л. Э., Дмитриев Н. Д. Генерирование базовых инвестиционных целей предприятия в стратегической перспективе // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 1. С. 33–41. DOI: 10.34822/2312-3419-2020-1-33-41.
3. Иголкин А. А. Нефтяная политика СССР в 1928–1940 гг. М. : РИИ РАН, 2005. С. 3.
4. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. 1. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.
5. Кирьяков А. Г. Воспроизводство инноваций в рыночной экономике (теоретико-методологический аспект). Ростов-на-Дону : РГУ, 2000.
6. Козлова А. А. Изыскание профессиональных кадров для повышения эффективности производства на удаленных территориях // Стратегии бизнеса. 2020. Т. 8, № 3. С. 75–79. DOI: 10.17747/2311-7184-2020-3-75-79.
7. Незнамов Ал. В., Незнамов Ан. В. Использование искусственного интеллекта в судопроизводстве: первый опыт и первые выводы // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 32–39.
8. Новикова И. В. Стратегическое управление трудовыми ресурсами предприятия // Экономика в промышленности. 2018. Т. 11, № 4. С. 318–326.
9. Павлова О. С. Риск-менеджмент на российских энергетических предприятиях // Вестник научно-технического развития. 2011. № 6. С. 34–43.
10. Роков А., Иохимович Е. Д. Экономические аспекты разработки возобновляемых источников энергии // Стратегии бизнеса. 2020. Т. 8, № 2. С. 55–59. DOI: 10.17747/2311-7184-2020-2-5559.
11. Рыжов И. В. Современные тенденции управления человеческими ресурсами наукоемких промышленных предприятий / И. В. Рыжов, О. Г. Кебадзе // Экономика и предпринимательство. 2020. № 1. С. 908–911.

12. Тарбастаева И. С. Роль территориального общественного самоуправления в межэтнической интеграции мигрантов // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 2. С. 164–174.
13. Цифровая энергетика: новая парадигма функционирования и развития / под ред. Н. Д. Роголева. М. : Издательство МЭИ, 2019. 300 с.
14. Чеботарев С. С. Инновационная модель подготовки кадров / С. С. Чеботарев, П. А. Кохно, Е. П. Дюндик // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2014. № 1. С. 3–7.
15. Эфендиев А. Г., Сорокин П. С. Инновационное поведение сотрудников российских бизнес-организаций: теоретические и методологические основы эмпирического исследования // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2012. № 3. С. 82–93.
16. Boon C., Eckardt R., Lepak D., Boselie, P. Integrating strategic human capital and strategic human resource management // The International Journal of Human Resource Management. Forthcoming, 2017.
17. Degtereva V., Zaytsev A., Dmitriev N. The development of the mathematical apparatus for calculation of the intellectual rent industrial enterprises to achieve innovation leadership / VI International Conference «Social, Economic, and Academic Leadership». Czech Republic : Prague, 2019.
18. Delery J. E., Roumpi D. Strategic human resource management, human capital and competitive advantage: Is the field going in circles? // Human Resource Management Journal. 2017. N 27 (1). P. 1–21.
19. Makedon V., Hetman O., Yemchuk L., Paranytsia N., Petrovska S. Human resource management for secure and sustainable development // Journal of Security and Sustainability Issues. Vol. 8. Is. 3. 2019. P. 345–354.
20. Sokolov D. N., Zavyalova E. K. The Integration of Strategic Resources of a Company in the Context of the New Economy: A Conceptual Model // Vestnik of Saint Petersburg University. Management. 2018. N 17 (1). P. 46–68. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2018.103.

Об авторе:

Попов Петр Сергеевич, аспирант 2-го курса факультета Высшая школа государственного администрирования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), unrealpopov@gmail.com

References

1. Goryunov O. A., Nazarova Yu. A., Zhiltsov S. A. Analysis of factors influencing the development of energy flows for energy supply to remote consumers // Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University [Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarского gosudarstvennogo universiteta]. 2018. N 3. P. 28–40 (In Rus).
2. Dmitriev N. D., Dubanevich L. E. Generation of Basic Investment Goals for Enterprise in Strategic Perspective // Surgut State University Journal [Vestnik Surgutского gosudarstvennogo universiteta]. 2020. N 1 (27). P. 33–41. DOI 10.34822/2312-34192020-1-33-41 (In Rus).
3. Igolkin A. A. Oil policy of the USSR in 1928–1940. M. : RII RAN, 2005. P. 3 (In Rus).
4. Kvint V. The Concept of Strategizing. Vol. 1. St. Petersburg: NWIM RANEPa Publ., 2019, 132 p. (In Rus).
5. Kiryakov A. G. Reproduction of innovations in a market economy (theoretical and methodological aspect). Rostov-on-Don : RSU, 2000 (In Rus).
6. Kozlova A. A. Finding professional personnels to increase production efficiency in remote areas // Business Strategies [Strategii biznesa]. 2020. Vol. 8, N 3. P. 75–79. DOI: 10.17747/2311-7184-2020-3-75-79 (In Rus).
7. Neznamov A. I., Neznamov A. N. The use of artificial intelligence in legal proceedings: first experience and first conclusions // Russian law: education, practice, science [Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka]. 2020. N 3. P. 32–39 (In Rus).
8. Novikova I. V. Strategic management of labor resources // Russian Journal of Industrial Economics [Ekonomika v promyshlennosti]. 2018. Vol. 11, N 4. P. 318–326. DOI: 10.17073/2072-1633-2018-4-318-326 (In Rus).

9. Pavlova O.S. Risk management at Russian energy enterprises // Bulletin of Scientific and Technical Development [Vestnik nauchno-tehnicheskogo razvitiya]. 2011. N 6. P. 34–43 (In Rus).
10. Rokov A.I., Iokhimovich E.D. Economic aspects of developing renewable energy sources // Business Strategies [Strategii biznesa]. 2020. Vol. 8. N 2. P. 55–59. DOI: 10.17747/2311-7184-2020-2-55-59 (In Rus).
11. Ryzhov I.V. Modern trends in human resource management of high-tech industrial enterprises / I.V. Ryzhov, O.G. Kebabze // Economics and Entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2020. N 1. P. 908–911 (In Rus).
12. Tarbastaeva, I.S. The role of territorial public self-government in the interethnic integration of migrants // Siberian Philosophical Journal [Sibirskij filosofskij zhurnal]. 2017. Vol. 15. N 2. P. 164–174 (In Rus).
13. Digital energy: a new paradigm of functioning and development / ed. N.D. Rogaleva. M. : MPEI Publishing House, 2019. 300 p. (In Rus).
14. Chebotarev S.S. Innovative model of personnel training / S.S. Chebotarev, P.A. Kokhno, E.P. Dyun-dik // Scientific Bulletin of the Military Industrial Complex of Russia [Nauchnyj vestnik oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii]. 2014. N 1. P. 3–7 (In Rus).
15. Efendiev A.G., Sorokin P.S. Innovative behavior of employees of Russian business organizations: theoretical and methodological foundations of empirical research // Bulletin of RUDN University. Ser. «Sociology» [Vestnik RUDN. Seriya «Sotsiologiya»]. 2012. N 3. P. 82–93 (In Rus).
16. Boon C., Eckardt R., Lepak D., Boselie P. Integrating strategic human capital and strategic human resource management // The International Journal of Human Resource Management. Forthcoming, 2017.
17. Degtereva V., Zaytsev A., Dmitriev N. The development of the mathematical apparatus for calculation of the intellectual rent industrial enterprises to achieve innovation leadership / VI International Conference «Social, Economic, and Academic Leadership». Czech Republic : Prague, 2019.
18. Delery J.E., Roumpi D. Strategic human resource management, human capital and competitive advantage: Is the field going in circles? // Human Resource Management Journal. 2017. N 27 (1). P. 1–21.
19. Makedon V., Hetman O., Yemchuk L., Paranytsia N., Petrovska S. Human resource management for secure and sustainable development // Journal of Security and Sustainability Issues. Vol. 8. Is. 3. 2019. P. 345–354.
20. Sokolov D.N., Zavyalova E.K. The Integration of Strategic Resources of a Company in the Context of the New Economy: A Conceptual Model // Vestnik of Saint Petersburg University. Management. 2018. N 17 (1). P. 46–68. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2018.103.

About the author:

Petr S. Popov, 2nd year Postgraduate Student of the Faculty of Higher School of Public Administration of the Moscow State University (Moscow, Russian Federation), unrealpopov@gmail.com

Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2022 г.

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

О международных сопоставлениях и качестве управления	№ 1, с. 8
Потеря связи — потеря управления	№ 2, с. 8
Почему живущие в стеклянном доме так любят кидаться камнями?	№ 3, с. 8
К вопросу о новых управленческих практиках, или «неважно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей»	№ 4, с. 8
Реформы в России: от Петра Великого до наших дней	№ 5, с. 8
«Культура отмены» как европейская ценность	№ 6, с. 8

ОТ РЕДАКЦИИ

Хлутков А. Д. Эффективность управления как императив победы	№ 9, с. 9
Хлутков А. Д. Мобилизационная экономика или эффективное управление: взгляд экономиста	№ 10, с. 10
Хлутков А. Д. Эффективность государственного управления: взгляд экономиста	№ 11, с. 9
Хлутков А. Д. Итоги года: взгляд экономиста	№ 12, с. 9
Шамахов В. А. Разглядеть в прошлом уроки будущего	№ 9, с. 8
Шамахов В. А. Мобилизационная экономика или эффективное управление: взгляд историка	№ 10, с. 8
Шамахов В. А. Эффективность государственного управления: взгляд историка	№ 11, с. 8
Шамахов В. А. Итоги года: взгляд историка	№ 12, с. 8

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

Катанандов С. Л., Солодилов В. В., Шамахов В. А. К вопросу о новых формах урбанизации в контексте задач управления пространственным развитием в Республике Карелия. Статья вторая	№ 1, с. 10
Литвинович В. М., Пальчик Г. В. Особенности развития системы непрерывной профессиональной подготовки кадров в сфере управления на современном этапе (на примере Республики Беларусь)	№ 1, с. 20
Межевич Н. М., Солодилов В. В., Шамахов В. А. Особенности и перспективы развития западного планировочного сектора пригородной зоны Санкт-Петербургской городской агломерации	№ 2, с. 9

- Межевич Н. М., Хлутков А. Д., Шамахов В. А.* Выбор без выбора: Россия как триггер смены мирового порядка № 3, с. 10
- Хлутков А. Д.* Образование для государственной службы: традиционные подходы и новые вызовы № 8, с. 8
- Хлутков А. Д., Межевич Н. М.* Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях. Статья первая. Промышленная политика № 4, с. 10
- Хлутков А. Д., Шамахов В. А., Межевич Н. М.* Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях. Статья вторая. Освоение Арктики № 5, с. 10
- Хлутков А. Д., Шамахов В. А., Межевич Н. М.* Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях. Статья третья. Госплан № 6, с. 10

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- Агарков К. Ю.* Применение социальных сетей в принятии проектных решений: гендерное восприятие информации и не прямое воздействие в ходе избирательной кампании № 8, с. 28
- Антончева О. А., Апанасенко Т. Е.* Влияние системы социального кредита в Китае на политическую коммуникацию № 10, с. 12
- Антончева О. А., Апанасенко Т. Е.* Перспективы криптовалюты как инструмента государственного управления благосостоянием населения № 1, с. 28
- Баранов Н. А.* Взаимоотношения РПЦ и государства в условиях пандемии COVID-19 в контексте смены политических парадигм и цифровизации № 7, с. 8
- Бахлова О. В., Бахлов И. В.* Возможности и угрозы для интеграционного взаимодействия в рамках Союзного государства Беларуси и России: стратегический ситуационный анализ. Часть 1 № 6, с. 22
- Бахлова О. В., Бахлов И. В.* Возможности и угрозы для интеграционного взаимодействия Беларуси и России в рамках Союзного государства: стратегический ситуационный анализ. Часть 2 № 7, с. 23
- Вульфович Р. М., Ефремова М. С.* Современное состояние «зеленых» партий: Россия, Европа, мир № 8, с. 15
- Жданов В. Л., Антрушина К. Т.* Политические аспекты международного сотрудничества в космосе № 11, с. 10
- Каплуненко А. М.* Формирование устойчивой технополитической среды как фактор развития рекурсивной публичной политики в России № 3, с. 28
- Кефели И. Ф., Николаенко А. В.* Взаимодействие арктических и неарктических государств в научных исследованиях и практическом освоении геополитического потенциала Арктики № 3, с. 17
- Коростелев С. В.* Проблема разночтений в понимании сущности институциональных усилий ООН в сфере поддержания и восстановления международного мира и безопасности № 5, с. 19
- Кугай А. И., Давыдов А. Б.* Модели лоббистских практик в морской деятельности США и стран Европы № 2, с. 20

<i>Медведев Ю. С.</i> Авторитарные выборы: состояние литературы и исследовательские проблемы	№ 3, с. 41
<i>Перевышин Н. В.</i> Выборы для власти, выборы для граждан	№ 1, с. 35
<i>Шумилов М. М.</i> «Торговая война» США и КНР в контексте деглобализации и реидеологизации международных отношений. Часть 1	№ 4, с. 19
<i>Шумилов М. М.</i> «Торговая война» США и КНР в контексте деглобализации и реидеологизации международных отношений. (Часть 2)	№ 5, с. 28
<i>Шумилов М. М.</i> Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке. Часть 1	№ 6, с. 36
<i>Шумилов М. М.</i> Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке. Часть 2	№ 7, с. 37

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

<i>Алексеева А. Н., Ачба Л. В., Островская Н. В.</i> Опыт реализации региональных концепций развития «зеленой» экономики стран мира	№ 12, с. 32
<i>Белов В. И.</i> Государственное регулирование жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации: централизация управления или рыночное саморегулирование	№ 3, с. 58
<i>Бойко И. В.</i> Глобализация или локализация: новая управленческая парадигма XXI века	№ 1, с. 64
<i>Бойко И. В., Гетман А. Г.</i> Современные вызовы для международных морских грузоперевозок	№ 8, с. 36
<i>Бушенева Ю. И.</i> Компонентно-элементный состав методологии прогнозирования и планирования национальной экономики	№ 8, с. 46
<i>Веселова Д. Н.</i> Основные направления сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Арктике	№ 12, с. 42
<i>Волкова А. А., Никитин Ю. А., Плотников В. А.</i> Эволюция цифровых технологий, используемых в логистике	№ 1, с. 76
<i>Гаврилина Д. Н.</i> Стратегический анализ международного опыта финансирования малых инновационных предприятий	№ 8, с. 67
<i>Гаибова Т. В., Башкирова О. В.</i> Бережливое инвестирование как инструмент устойчивого развития в эпоху постковида	№ 6, с. 98
<i>Демидов М. О., Пашковская Е. В.</i> Цифровые платформы как ресурс государственной поддержки предпринимательства в России: эффекты и риски использования	№ 10, с. 28
<i>Дорофеева Л. В., Рослякова Н. А.</i> Трансформации социально-экономического пространства регионов: международный опыт и основные тенденции	№ 2, с. 33
<i>Жиряева Е. В., Наумов В. Н.</i> Является ли российская экономика рыночной?	№ 9, с. 79
<i>Затевахина А. В.</i> Дисбалансы интересов субъектов экономической безопасности на макро- и мезоуровнях	№ 3, с. 67
<i>Ильясов Р. Х., Плотников В. А.</i> Добыча нефти и углеродные выбросы: сплайн-анализ взаимосвязей	№ 5, с. 51
<i>Каранатова Л. Г., Кулев А. Ю.</i> Социально-экономическое развитие Арктики: современные вызовы и приоритеты	№ 2, с. 49

<i>Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К., Сасаев Н. И.</i> Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики	№ 9, с. 57
<i>Кисляков А. Н.</i> Графовые методы описания торгового профиля региона	№ 2, с. 70
<i>Колесов А. С., Катанандов С. Л.</i> Взаимосвязь цифровой экономики и финансовой политики в Российской Федерации: пути совершенствования	№ 6, с. 54
<i>Колобова Е. Ю.</i> Стратегическая ориентированность развития киноорганизации в цифровую эпоху	№ 6, с. 116
<i>Конягина М. Н., Хэлльстром А. К., Хэлльстром Д. А.</i> Поиск оптимальных подходов к оценке инновационного потенциала мегаполиса	№ 7, с. 96
<i>Куклина Е. А.</i> Экономическая трансформация недропользования как императив новейшей истории России	№ 11, с. 25
<i>Куклина Е. А.</i> Концепция устойчивого развития в проекции современных трансформационных трендов: новая реальность и новые возможности для бизнеса	№ 1, с. 64
<i>Курзенов В. А., Перекрест В. Т., Перекрест И. В.</i> Балансовые технологии исчисления и прогнозного оценивания трудовых ресурсов региональных социально-экономических систем	№ 4, с. 35
<i>Лапыгин Ю. Н., Розенков М. А.</i> Ментальные карты стратегических альянсов	№ 6, с. 79
<i>Лихтин А. А., Муфтахова А. Н.</i> Актуальные подходы к государственной жилищной политике	№ 4, с. 44
<i>Лихтин А. А., Муфтахова А. Н.</i> Государственная классификация жилой недвижимости. Управленческий подход	№ 3, с. 80
<i>Марголин А. М., Синютин Л. П.</i> Основные проблемы развития венчурной индустрии в России и методы их решения	№ 1, с. 47
<i>Межевич Н. М., Хлутков А. Д., Шамахов В. А.</i> Эффективность управления как условие мобилизации экономики: некоторые исторические уроки	№ 11, с. 20
<i>Межевич Н. М., Шевчук Н. В., Сеник Н. М., Го Шухун</i> ШОС и стратегические цели развития Республики Узбекистан	№ 9, с. 68
<i>Мисько О. Н., Цыганкова И. В.</i> Тенденции развития самозанятости в России	№ 12, с. 18
<i>Плотников В. А., Маслюк А. В.</i> Перспективы цифровизации процессов государственного управления	№ 3, с. 87
<i>Разуваев Р. А., Цацулин А. Н.</i> Каковы ближайшие перспективы реализации инновационной активности отечественного АПК	№ 3, с. 95
<i>Рогатин С. И.</i> Направления совершенствования регулирования экономических отношений в сфере Государственного оборонного заказа	№ 7, с. 128
<i>Сантьяго Казтано</i> Глобальная устойчивость и структурная власть: место биоэкономики в переходном мире	№ 8, с. 56
<i>Сасаев Н. И.</i> Основы отраслевого стратегирования: формирование концепции	№ 9, с. 106
<i>Соснило А. И., Соловьев Р. С.</i> Оценка влияния роботизации бизнес-процессов на современную экономическую систему	№ 2, с. 63

<i>Терешенкова А. Ю.</i> Проблемы практики и перспективы развития таможенного тарифа ЕАЭС	№ 4, с. 50
<i>Титов С. А., Титова Н. В.</i> Актуальные тенденции развития проектного управления: смешанный анализ концепции «гимнастического» предприятия	№ 7, с. 115
<i>Тяпухин А. П.</i> Структура принципов инновационного менеджмента	№ 9, с. 95
<i>Федотова Г. Ю.</i> Гармонизированная система описания и кодирования товаров как основа ТН ВЭД ЕАЭС: проблемы и перспективы применения	№ 1, с. 84
<i>Хабекова М. К.</i> Стратегирование развития и реализации финансовых технологий в национальных инновационных системах	№ 6, с. 88
<i>Халин В. Г., Чернова Г. В., Калайда С. А.</i> Модель формирования эффективного бизнеса	№ 7, с. 66
<i>Цыгалов Ю. М.</i> Проблемы ESG-реорганизации российских металлургических корпораций	№ 5, с. 40
<i>Цыгалов Ю. М., Стрижов С. А.</i> Политики и процедуры ESG-преобразования российских компаний	№ 7, с. 88
<i>Чан Х. Х., До Х. Х.</i> Анализ привлечения прямых иностранных инвестиций в недвижимость Вьетнама в условиях пандемии	№ 3, с. 108
<i>Шамахов В. А., Кудряшов В. С., Хлутков А. Д.</i> Принципы современного менеджмента в инновационной деятельности хозяйствующий субъектов	№ 7, с. 50
<i>Шпак П. С.</i> Концепция «умного производства» как эффективный инструмент цифровой трансформации предприятия	№ 11, с. 43

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

<i>Qing Zhang</i> Age-Friendly City Construction and Its Practical Application: A Case Study on the Application of Service Demand Research for the Elderly in Guangzhou, China	№ 12, с. 62
<i>Александров В. Б.</i> Русские философы о личностных истоках социальных концепций	№ 9, с. 116
<i>Байер Ю. П., Коваленко В. Д., Родионова Е. В., Сяндюков Н. К.</i> Диалог между государством и религией как основа для принятия управленческих решений: опыт исследования в регионах Северо-Запада	№ 6, с. 146
<i>Баранов А. В., Гарас Л. Н.</i> «Умный город» в социально-политической проекции (кейс Барселоны)	№ 1, с. 103
<i>Белая Е. К., Кашина М. А.</i> К-рор, социальные сети, гендерные представления: проблемы презентации и восприятия (на примере творчества группы BTS)	№ 11, с. 67
<i>Березина И. С., Цверинашвили И. А., Шутман Д. В.</i> Экологический радикализм в общественных организациях ФРГ на современном этапе	№ 1, с. 115
<i>Васильева В. А., Шилов А. Н.</i> Развитие у учащихся навыков выявления достоверных научных источников: роль преподавателя-библиотекаря	№ 10, с. 99

<i>Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е.</i> Нужна ли наша поддержка молодым российским соотечественникам, проживающим за рубежом?	№ 2, с. 81
<i>Ветренко И. А., Штриков С. А.</i> Трансформация коммуникативных технологий в условиях цифрового общества: благо или зло?	№ 10, с. 54
<i>Волгин В. А., Сайбель А. Г.</i> Управление подготовкой кадров высшей квалификации на предприятиях оборонно-промышленного комплекса	№ 5, с. 72
<i>Гавра Д. П., Байер Ю. П.</i> Социальные типологии творческих практик	№ 9, с. 125
<i>Григорьев В. Ю.</i> Подходы к оценке состояния системы регионального профобразования	№ 10, с. 84
<i>Гриненко Т. Г.</i> Молодежь на рынке труда: возможности и угрозы	№ 5, с. 62
<i>Евсеев А. Ю.</i> Особенности информационного пространства Чеченской Республики, взаимодействие пресс-служб государственных органов и СМИ: новая концепция ценностной ориентации	№ 10, с. 133
<i>Евсеев А. Ю.</i> Русскоязычные журналисты зарубежных СМИ о медиаобразе Чеченской Республики	№ 1, с. 147
<i>Елсуков М. Ю., Кириллова Н. Н.</i> Становление планирования в России 1920-х годов и современные реалии	№ 12, с. 100
<i>Жиряева Е. В., Дмитриев П. А.</i> Влияние различных форм образования на состояние человеческого капитала как фактора производства в регионах России	№ 7, с. 137
<i>Зеликова Ю. А.</i> Социальная политика и социальная справедливость в условиях старения населения. Систематический обзор публикаций	№ 1, с. 124
<i>Зимова Н. С., Фомин Е. В.</i> Государственно-конфессиональное взаимодействие в социальных медиа в пандемию коронавируса	№ 11, с. 86
<i>Зотов В. В.</i> Организация экспертной деятельности на цифровых сетевых платформах	№ 11, с. 55
<i>Ким М. Н.</i> Блоги в творческом труде журналиста	№ 4, с. 71
<i>Клушин А. В.</i> Практика применения учебного занятия в форме «деловой игры» по отработке действий при установлении уровней террористической опасности	№ 9, с. 145
<i>Колесник Е. А.</i> Ценность труда в условиях цифровой трансформации занятости и рынка труда: межпоколенческий разрез	№ 8, с. 82
<i>Ли Чжицян</i> Исследование вопросов государственного регулирования системы социального кредита: взгляд со стороны бизнес-этики	№ 3, с. 126
<i>Малик Е. Н.</i> Формирование социально-политического потенциала молодежи в условиях интернет-социализации	№ 8, с. 94
<i>Манаков А. Г., Теренина Н. К.</i> Республика Беларусь и Украина: контрасты этнической и лингвистической идентичности	№ 10, с. 145
<i>Марченко Г. В., Забарин А. В., Чимаров С. Ю.</i> Формирование общественного доверия к деятельности правоохранительных органов	№ 2, с. 93
<i>Минаев Д. В.</i> Исследование компетентностной модели образовательной программы на основе интеллектуального анализа профессиональных требований рынка труда	№ 10, с. 65
<i>Морозова Ю. А.</i> Цифровизация как стратегическая основа ESG-траектории развития здравоохранения	№ 12, с. 76
<i>Орлова И. С.</i> Социальный контракт как инструмент государственной политики по снижению уровня бедности	№ 1, с. 139

<i>Пахомова Е. А.</i> Анализ трендов высшего образования и науки как основа стратегирования научно-инновационной деятельности региональных университетов	№ 5, с. 93
<i>Плотников В. А., Шамина О. А.</i> Медиапроект: понятие, особенности, аспекты управления качеством	№ 9, с. 134
<i>Сланевская Н. М.</i> Трансформация государственного управления в контексте устойчивого развития на основе исследований в социальных нейронауках. Часть 1	№ 4, с. 79
<i>Сланевская Н. М.</i> Трансформация государственного управления в контексте устойчивого развития на основе исследований в социальных нейронауках. Часть 2	№ 5, с. 83
<i>Сосновская А. М.</i> Дискурс всемирного культурного наследия	№ 8, с. 108
<i>Тиняков Д. К.</i> Влияние гражданского общества на реализацию реформы по обращению с отходами: статистический анализ *	№ 12, с. 87
<i>Тулаева С. А.</i> Управление в сфере устойчивого развития в арктических регионах (обзор международных подходов и исследований)	№ 2, с. 110
<i>Тулупьева Т. В.</i> Психологические аспекты информационной безопасности организации в контексте социоинженерных атак	№ 2, с. 123
<i>Цацулин А. Н., Цацулин Б. А.</i> Как отечественной легкой атлетике преодолеть затяжной кризис?	№ 6, с. 127
<i>Цинченко Г. М.</i> Возможности использования социального маркетинга в профилактике жестокого обращения с детьми в семье	№ 10, с. 116
<i>Цинченко Г. М., Орлова И. С.</i> Государственная поддержка семей с детьми в период пандемии COVID-19 в России и за рубежом	№ 6, с. 161
<i>Цинченко Г. М., Поминов М. А.</i> Основы реформ Открытого правительства	№ 5, с. 108
<i>Чжун Юн</i> Как правительство Китая способствует развитию системы социального кредита?	№ 3, с. 118
<i>Шэнь Линь, Сюй Хуэй</i> Исследование эффективности материально-технического обеспечения в высших учебных заведениях Китая	№ 8, с. 124
<i>Юхно А. С., Умаров Х. С.</i> Перспективы развития метавселенной: эмпирические наблюдения	№ 10, с. 42
<i>Януков С. Г., Бахтуридзе З. З.</i> Влияние спорта на репутацию государств в современной политической повестке	№ 7, с. 150

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Авданин В. В.</i> К вопросу о научно-техническом сотрудничестве СССР с западными странами в области энергетики	№ 4, с. 99
<i>Александров В. Б.</i> Философия «бегства от свободы» А. П. Чехова	№ 5, с. 116
<i>Алексеев А. И.</i> Феномен недоверия в церковно-государственных отношениях Российской империи в 1860–1870-х годах. Конфликты между Консульством и Русской духовной миссией в Иерусалиме	№ 4, с. 111
<i>Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б.</i> Гражданская война и российское общество: рецидивы противостояния и этапы национального примирения (к 100-летию окончания Гражданской войны в России)	№ 2, с. 139
<i>Гриднев В. П.</i> Екатерина Великая в истории России	№ 4, с. 121

- Гриднев В. П.* На благо России № 5, с. 126
- Гуркина Н. К.* «Народ к медицине относится положительно...» (врачебные инспектора в становлении медико-санитарного дела в губерниях дореволюционной России) № 3, с. 144
- Захарова Н. В., Лабудин А. В.* Формирование в Ленинграде системы комплексного непрерывного поточного управления жилищно-гражданским строительством: опыт 70–80-х годов XX века № 8, с. 137
- Ким М. Н., Ерыкалова И. Е., Оськин С. А.* Роль газеты «Ведомости» в процессе совершенствования государственного управления и развития системы государственной службы в 1703–1725 гг. № 10, с. 156
- Корзинин А. Л.* Феномен доверия в духовных грамотах Московских великих князей в XIV веке № 3, с. 154
- Лушин А. И.* Всеобщая «кукурузация» как один из несостоявшихся управленческих экспериментов Н. С. Хрущева № 11, с. 98
- Матасова Т. А.* Преподобный Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и его канонизация при Михаиле Романове: доверие духовным авторитетам № 2, с. 153
- Питулько Г. Н.* Российская благотворительность как фактор доверия между обществом и государством в XIX веке № 4, с. 130
- Стецкевич Е. С.* Императорская власть и российское общество в первой четверти XVIII века: проблема обретения доверия № 4, с. 136

A LINEA

- Бу Р. Х.* Мурманская область как центр притяжения китайского туризма в Российской Федерации № 2, с. 165
- Ван Ясинь.* Современная политика КНР в области антарктических научных исследований и международного научного сотрудничества № 10, с. 171
- Векшин В. О., Войнов Д. И.* Состояние и настроения гражданского общества на примере социологического исследования общественных организаций № 11, с. 111
- Дмитриев П. А., Финогенова А. С.* Ключевые факторы мотивации к обучению в аспирантуре № 11, с. 123
- Ли Сяосюань.* Роль конфуцианской этики во внешнеполитических установках современного Китая № 5, с. 132
- Лисенкова А. Д.* Основные особенности современной экологической повестки «Альтернативы для Германии» № 4, с. 146
- Лисенкова А. Д.* Основные особенности современной экологической повестки «Альтернативы для Германии» № 5, с. 146
- Лю Хаовэнь.* Политическая стратегия Си Цзиньпина по развитию многосторонней дипломатии в сфере безопасности № 10, с. 183
- Овсянникова М. А.* Влияние расходов на здравоохранение на смертность от COVID-19 № 7, с. 163
- Петрова П. М.* Стратегическое управление факторами противодействия чрезвычайному периоду на региональном рынке недвижимости № 9, с. 151

Попов П. С. Стратегическое развитие трудовых ресурсов электроэнергетической отрасли России	№ 12, с. 113
Се Куньчао. Согласование стратегических ориентиров цифровой экономики Китая и России	№ 10, с. 191
Се Куньчао. Стратегический анализ развития цифровой экономики в Китае и России	№ 1, с. 157
Семкова Д. Н. Финансовое и инвестиционное обеспечение инновационной деятельности нефтегазового комплекса России	№ 6, с. 169
Шевченко К. В. Согласованность стратегических интересов в развитии занятости населения Амурской области	№ 8, с. 149
Шульженко С. И. Правовые проблемы комплексного развития территорий (Часть 2)	№ 2, с. 174
Шульженко С. И. Правовые проблемы комплексного развития территорий (Часть 3)	№ 3, с. 172
Шульженко С. И. Правовые проблемы комплексного развития территорий (Часть 1)	№ 1, с. 174
Яковлева А. К. Особенности развития технологических компаний в условиях внедрения финансовых технологий: стратегические тенденции и OTSW-анализ	№ 11, с. 132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гавра Д. П. Рецензия на монографию «Цифровизация общества и система социального кредита: проблемы, перспективы»	№ 7, с. 185
Кириленко В. П., Мишальченко Ю. В., Довбуш Т. Н. Рецензия на монографию «Идея Добра в творчестве Ф. М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф. М. Достоевского)»	№ 8, с. 161
Козырева Л. Д. СЗИУ — ШАИ: новый этап сотрудничества	№ 11, с. 144
Кох Л. В. Рецензия на монографию «Денежная система России: становление через реформы»	№ 11, с. 147
Лихтин А. А. Ключевые аспекты реализации проекта «Цифровой муниципалитет» в Северо-Западном институте управления РАН-ХиГС	№ 9, с. 163
Прошина Е. М. Великий сын России. О книге А. Ф. Измайлова «Верую и уповаю. Этюды о Петре I и его сподвижниках»	№ 5, с. 141
Шматко А. Д. Рецензия на монографию «Инновационная экономика России: противоречия формирования и перспективы развития»	№ 4, с. 159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем рукописей, принимаемых к рассмотрению, может составлять от 16 000 до 40 000 знаков;
- заполненное и подписанное «**Обязательство автора(-ов)**», образец которого размещен на сайте журнала.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; ORCID ID автора; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Введение (Introduction)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (Materials and Methods)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (Results)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (Discussion)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования.

Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения, которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Список литературы приводится в конце статьи **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Названия книг, статей и т. д. на **арабском, китайском, японском, корейском**, др. языках (т. е. не имеющих латиницы) приводятся **в переводе на английский язык** (автор, название, место издания, издательство), далее — в скобках — указывается (In Chin.), (In Arab.) и т. д.

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

С полными правилами, а также с образцом оформления статей можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Правила для авторов»:

<https://www.acjournal.ru/jour/about/submissions/authorGuidelines>

2022. № 12(168) УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 11.12.2022.

Подписано к печати 28.12.2022.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,64. Тираж 50 экз.

Заказ № 12/22.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97